

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ - 1983

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ф. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. К. КУЛИЕВ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛОВ МЫШЛЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ОГУЗСКИХ ЯЗЫКОВ)

Глаголы мышления (*verba sentiendi*), образующие одну из основных глагольных групп в тюркских языках, впервые были исследованы в синхронном плане Н. К. Дмитриевым на материале татарского языка с привлечением данных и ряда других тюркских языков. По мнению Н. К. Дмитриева, к глаголам мышления относятся те глаголы, «которые передают главнейшие понятия, связанные с актами мышления, восприятия и ощущения» [2, 577]. Данная проблема затрагивалась и в других работах исследователей [1, 100—101; 3].

Целью настоящей статьи является исследование лексико-семантического развития корневых и синтетических глаголов мышления в тюркских языках юго-западной группы. Большое значение имеет при этом этимологический анализ исследуемых глаголов. Нельзя не согласиться со следующим утверждением О. Н. Трубачева: «...никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию. Значение эволюции значения неизбежно различно для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии должно интересовать, и оно так или иначе интересует специалиста по современной лингвистической семантике, в противном случае проигрывает лингвистическая семантика» [7, 148].

Число глаголов мышления в тюркских языках невелико, однако они относятся к наиболее употребительным.

Одним из глаголов мышления является туркм. *o:ɟla-* 'предполагать, думать': *Шу меселеде шейле болар дийип ойладым* 'Я предполагал, что это будет так'; *ойлап тап-* 'придумать, изобрести' [Туркм. РС, 484]. Глагол *o:ɟla-* расчленяется на корень *o:ɟ-* 'дума, мысль' и глаголообразующий аффикс *-la-*: *Мениң келлеме бир ой гелди* 'Мне в голову пришла одна мысль'; *оя бат-* (или *чум-*) 'погрузиться в раздумье' [Туркм. РС, 484].

Корень *o:ɟ* приводится и С. Е. Маловым в значениях «дума, мысль»: *o:ɟu a:ɟɟɟa* 'лишь только он успел подумать' [ПДП, 403]. Он встречается также и в ряде современных тюркских языков: кирг. *o:ɟ* 'мысль, помысел': *Адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт* (погов.) 'Человек мыслью не насыщается (то есть все время думает), волк овцами не насыщается' [КРС, 560]; уйг. *o:ɟ* 'дума, мысли': *ойға пат-* 'задуматься, замечтаться, погрузиться в мысли' [Уйг.РС, 113]; к.-балк. *o:ɟ*, *o:ɟm* 'мысль' [РКБС, 281].

В азербайджанском, турецком и гагаузском языках употребляется глагол *ujdur-* 'выдумывать, измышлять' [АРС, 349; ТРС, 883; ГРМС, 485]. *Ujdur-* — это форма понудительного залога глагола *uj-*, который в азербайджанском языке имеет значения: «увлекаться, поддаваться»; «быть похожим, походить, соответствовать» [АРС, 349], в гагаузском языке — «походить, быть впору»; «удаваться, выходить, получиться»; «соглашаться» [ГРМС, 485], в турецком языке — «быть впору»; «подходить к чему»; «соответствовать, гармонировать» и т. д. [ТРС, 884]. Во всех трех последних языках глагол *uj-* выражает почти совпадающие основные значения и их оттенки.

В словаре В. В. Радлова приводится глагол *өi-* со значениями «следовать», «подражать» [РС, I, 1315]. Там же даются синоним этого глагола *yi-* и синкретичные имена *yi, oi* [РС, I, 1594] 'мысль', 'размышление', 'суждение', 'мнение'. В этих именах и глаголах имеется звукосоответствие *ө~o~y*. Глагол *yi-* означает «следовать за кем-либо»: *Аның сөзүнә уйма!* 'Не следуй его словам!'; «подражать, сообразовываться»: *Зәман саңа уимаса сән замана уи* 'Если время не сообразуется с тобою, ты сообразуйся со временем'; «походить, быть похожим»: *Заман замана уимаз* 'Одно время не похоже на другое', то есть 'времена меняются' [РС, I, 1594]. Глагол *uidur-* расчленяется В. В. Радловым на корень *yi-* и аффикс *-dur* (аффикс понудительности) и переводится: «заставить слушаться, следовать, подражать», «сделать подходящим, удобным», «приспособлять», «выдумать» (*Фирәңкчә билмәсәң uidur uidur!* 'Если ты не знаешь по-французски, то выдумывай и говори!'), «воображать, выдумать, изобрести» [РС, I, 1603—1604]. Здесь правильно отражена последовательность развития значений данного глагола — от конкретного к абстрактному.

В туркменском языке имеется и глагол *өйт-* 'думать, полагать, предполагать': *Бейле болар өйтмәндим* 'Я не думал, что так получится'; *Ол гитди өйдән* 'Он, кажется, ушел' [Туркм. РС, 501]. Таким образом, в туркменском языке в значении «думать» употребляются два синонимичных глагола *ойла-* и *өйт-*.

Глагол азерб. *өjрән-*, туркм. *өврән-*, тур. *ögren-* 'учиться', 'изучать' расчленяется на *өj-рән-* (азерб.), где *өj-//өв-//ög-* — корень, *-рә//-ре* — глаголообразующий аффикс, *-н* — аффикс возвратного залога [5, 324]. В основе данного глагола лежит древнее существительное *өj<ög* 'разум, мысль' [ДТС, 378].

Имя *o:j* известно во многих современных тюркских языках [ЭСТЯ, I, 428]. Оно также восходит к древнетюркскому *ög* 'разум, мысль' [ДТС, 378].

В татарском языке имя *уй* имеет значение «мысль»: *уй килде* 'пришла мысль'; *уйга кил-* 'прийти к мысли'; *Буй белә тугел, уй белән* (посл.) 'Гордись не ростом, а умом'; *Уенда ни, телендә шул* (посл.) 'Что на уме, то и на языке' [Тат. РС, 584].

От имени *уй* в татарском языке образован глагол *уйла-* 'думать, мыслить, размышлять': *кат-кат уйлау-* 'продумывать несколько раз'; *уйлап эш итү-* 'делать обдуманно, делать с умом' (Тат. РС, 585). Глагол *ujla-* 'думать, подумать, мыслить'; 'обдумать', 'полагать' употребляется и в башкирском языке: *Был мәсьәләне мин уйлайым әле* 'Этот вопрос я еще обдумываю'; *Мин һине киткәнһеңдер тип уйлагайным* 'Я полагал, что ты уже уехал' [БРС, 570]. Корни *өj* и *uj* идентичны. Они различаются лишь корневой гласной *o>u*.

Корень *өj* имеется и в монгольском языке в составе имени *өjуйп* 'ум' [6, 162]. Э. В. Севортян отмечает, что корень *өj* свойствен и тунгусо-маньчжурским языкам: *өjмар*, *өjбаңғу* 'выживший из ума', *өjбо* 'ста-

реть, забывать'. Он высказывает предположение, что существительное *ej < *eg 'мысль' образовано от глагола *ö-* 'думать' [ЭСТЯ, 429].

В «Древнетюркском словаре» приводится ряд слов, родственных глаголу *ö-*: *ög* 'разум, мысль'; *ög-* 'хвалить, превозносить'; *ögä* 'мудрый'; *ögälä-* 'называть, считать мудрецом'; *ögdi-* 'хвала'; *ögä* 'мудрость'; *ögig-* 'радоваться' и т. д. [ДТС, 378—383].

В группу глаголов мышления входит также и общий для всех огузских языков глагол *düşüp-* 'думать, мыслить, размышлять, соображать'. Этот глагол расчленяется на корень *düş-* и аффикс возвратного залога глагола *-üp*. Основное значение глагола *düş-* в огузских языках «падать». В туркменском языке имеется и форма *düş-* со значением «понимать, разуметь, догадываться»: *Мен оңа наме яманлык эдйәнлигиме дүшгөмөк* [ТДС, 281] 'Я не понимаю, что плохого ему сделал'; *Сен мениң айдяларыма дүшйәрмиң?* 'Ты понимаешь, что я говорю?' [Туркм. РС, 295]. Это же значение глагол *düş-* сохранил и в составе аналитического глагола: азерб. *başa düş-* 'понимать'.

Таким образом, семантическое развитие глагола *düşüp-* можно представить в следующей последовательности: *düş-* 'падать', 'понимать'; *başa düş-* 'понимать' (букв. 'падать на голову').

В. В. Радлов считает, что глагол *tüşün-//düşün-* 'напасть на мысль, догадаться, понять, думать, размышлять' образован от имени *tüş//tösh//düş* 'грудь', 'плечо' с аффиксом *-ün*: *Işimizi düşünälim* 'Подумаем-ка о нашем деле'; *Aväl düşün сонра сөйлä!* 'Сперва подумай, а потом говори!' [РС, III, 1590; 1819—1820].

По мнению Н. К. Дмитриева, глагол *tüş-ün-//düş-ün-* — возвратная форма глагола *tüş-//düş-*, первоначальная форма которого сохранилась в аналитическом глаголе азербайджанского языка: *başa düş-* 'понимать'. Эволюция этих значений происходила, по-видимому, в следующей последовательности: «падать», «попадать» (во что-либо) > «вникать» > «понимать» [2, 579].

Начальный согласный глагола *düş-*, *düşüp-*, по нашим наблюдениям, в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка произносится как глухой вариант звука /d/, то есть как /t/. Интересно отметить, что данный глагол и в «Древнетюркском словаре» приводится с глухим начальным согласным, в форме *tüş-* [ДТС, 600]. Кроме того, его архетип А. М. Щербаком определяется в той же форме [8, 198]. Очевидно, что пратюркская форма глагола *düş-* сохранилась в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в форме *tüş-*: *başa түш-* 'понимать'.

В огузских языках от корня *düş-* произошел целый ряд слов: азерб. *düşünmä* 'мышление, обдумывание, размышление, соображение', *düşünzä* 'сознание, мысль'; туркм. *düşünze* 'понятие, представление'; *düşüş* 'понятливость' [Туркм. РС, 295—296]; тур. *düşünze*, *düşünü* 'мысль, дума', *düşünzel* 'воображаемый' [ТРС, 256].

В тексте памятника «Китаби Деде Коркуд» встречается имя *ус* 'ум' и глагол *усла-* 'думать, разуметь', 'понимать': *Шундан бәри аглым, усум дәрә билмән* [КДГ, 31] 'С того времени я не могу собраться с мыслями, разумом'; *Усламады, јеләјиндән бир тутам ох чыхарды* [КДГ, 117] 'Он не сообразил, вынул из колчана одну стрелу'; *Аруз Тәпәкөзү дөјдү, јасаг еләди, усламады* [КДГ, 114] 'Аруз ударил Тепегёза, запретил ему (но это на него) не возымело действия'.

Имя *ус* встречается также в произведениях азербайджанских поэтов Физули и Хатаи: *Һејранлығы ол мәгамә јетди. Ким дүшдү ајаддан, усу қетди* (Физули) 'Его восхищение дошло до такой степени, что он пал ниц и утратил разум'; *Усум јериди, буланды бејним, өз јолуну кор-*

мэз олду ејним (Хатаи) 'Ум мой помрачился, мозг мой возмутился, глаза мои перестали видеть свою дорогу'. И в «Диване» Махмуда Кашгари встречаются глаголы *us-* и *usla-* 'думать, считать': *Men ejle usdum* [МК, I, 166] 'Я так считал'; *Ol usladı nengni* [МК, I, 286] 'Он уразумел нечто'. Как видим, у Махмуда Кашгари употребляется первичная и синтетическая форма вышеназванного глагола.

Имя *us* в значениях «разум», «рассудок», «ум», «мудрость» отмечается и В. В. Радловым [РС, I, 1741], приводящим формы возвратного и понудительного залога глагола, образованного от этого имени: *услан-* (*us+ла+n-*) 'сделаться благоразумным, скромным, мудрым': *äl сучундан услан-* 'сделаться мудрым, увидев ошибки других'; *услат-* (*us+ла+t-*) 'сделать разумным, мудрым, скромным', 'образумить' [РС, I, 1748].

Глагол *usla-* расчленяется на корень *us-* и глаголообразующий аффикс *-la*. Имя *us* в турецком языке имеет значения «ум», «разум», «рассудок» [ТРС, 881]. Кроме того, в турецком языке имеется слово *usal* 'благоразумный', 'рациональный' и глагол *usal-* 'становиться благоразумным' [ТРС, 881].

В значении «ум» в огузских языках употребляется: азерб. *ауу1*, туркм., тур., гаг. *ауу1*, от которого образован и глагол азерб. *аууллап-*, туркм., тур., гаг. *аууллап-* 'набираться разума, ума'.

От имени: азерб. *јад*, туркм. *јат* (*ja:t*), тур. *јад* (*ja:d*) 'память' образован глагол туркм. *јтла-* 'вспоминать' — *јшлык дөврүңи јтла-* 'вспоминать молодые годы' [Туркм. РС, 821]. В значениях «вспоминать», «упоминать» употребляется: в азербайджанском языке *јад ет-*, *јада сал-* [АРС, 182], в турецком *јадет-* [ТРС, 903], в туркменском *јада сал-*, *јада дүшүр-* [Туркм. РС, 821]. В значении «вспоминать» употребляется также: азерб. *хатырла-*, *хатиринә кәл-*, тур. *hatırla-*, *hatırına gel-* [ТРС, 114]; корень *хатир* 'ум', 'память' заимствован из арабского языка.

Следующим наиболее употребительным глаголом мышления является: азерб. тур. *анла-*, туркм. *анла-*, гаг. *анпа-* 'понимать, разуместь', 'соображать'. Глагол *анла-* расчленяется на корень *ан-* и аффикс *-la* (гаг. *-па* — то же самое). Корень тур. *ан*, туркм. *ан* имеет значения «сознание, мысль, дума»; «ум, разум, рассудок»; тур. *ан дағилити* 'рассеянность', *ан дарлиғи* 'умственная ограниченность' [ТРС, 53]; туркм. *адамларың аңына тәсир етмек* 'влиять на сознание людей'; *Ажың аңы болмаз* (погов.) 'Голодный не рассуждает'; *Ак гирседе, аң гирмедик* (погов.) 'И седина пришла, а ума нет' [Туркм. РС, 45].

В огузских языках употребляется глагол синкретичный с этим именем¹: азерб. *ан-* (*аң-*) [АРС, 34], туркм. *аң-* (*а:ң-*): *сөзүң манысыны аңмак* 'понять смысл слова'; *Акмак аранда аңар* (посл.) 'Дурак поймет, когда устанет' [Туркм. РС, 46]; тур. *ан-*: *adını haуır ile антак* 'говорить о ком-либо хорошо'; *Dün akşam sizi andık* 'Вчера вечером мы вспомнили о вас' [ТРС, 56]; гаг. *ан-*: *Андың көпää, кап сопайы* (погов.) 'Вспомнил о собаке — хватай палку' [ГРМС, 48]. Имя *анн* в словаре В. В. Радлова дается как синоним имени существительного *алын* 'лоб', там же приводится и глагол *анна-*/*аңна-*/*анла-*/*аңла-* 'понимать' [РС, I, 236].

Глагол *аң-* в крымско-татарском языке имеет значение «называть, говорить имя кого-либо» [РС, I, 183]. Здесь значения «понимать», «осознавать» в туркменском языке ближе к значению корня *ан*, поэтому последний можно считать первичным значением данного глагола.

¹ О синкретичности именных и глагольных основ см.: А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981, с. 8—19.

В диалектах турецкого языка встречаются формы *ank-* [DS, I, 274] и *ağ-* данного глагола [DS, I, 104]. Исходя из диалектных данных турецкого языка, Э. В. Севортян отмечал: «Приведенные турецкие диалектные формы *ağ-* и *au-* являются закономерным развитием исходной формы *aç->ağ-* и отсюда *ai-*. Форма *ank-* может рассматриваться и как отражение возможно более старой формы **a:nk (>*a:nğ->a:ç)*, и как развитие *aç->* [ЭСТЯ, I, 153].

В значениях «узнавать, распознавать», «различать, отличать» в туркменском языке употребляется глагол *aңшыр-*: *кимдигини аңшыр-* «узнать, что он за человек»; *узагдан аңшыр-* «различать издали что-либо» [Туркм. РС, 47]. Глагол *aңşyrt-* в значении «намекать» употребляется в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка.

Интересно отметить, что в турецком языке в значении «вспоминание» употребляются имя *anış* и глагол, образованный от этого имени *anış-* (диал.) «вспоминать о ком-либо в его отсутствие», а *anış-* (литер.) означает «говорить за глаза», *anıştır-* (диал.) «говорить намеками»; кроме того, *anıştırma* «намеки» [ТРС, 56]. Глагол *anıştır-* расчленяется на корень *an-* и аффикс *-ıştır²*. Можно сравнить глаголы азерб. *аншырт-* и тур. *anıştır-* (диал.). В азербайджанском языке форма *аншырт-*, по-видимому, образовалась в результате метатезы звуков. Как бы синонимом азерб. *аншырт-*, тур. *anıştır-* (диал.) является глагол азерб. *андыр-* «намекать, намекнуть»; «дать знать» [АРС, 34].

Сюда же можно отнести и глагол тур. *anıkla-* «воспроизводить в памяти, вызывать воспоминания» [ТРС, 55]. В турецком языке употребляется и глагол *anıla-* «вспоминать, припомнить»; *anınsama-* «смутно вспоминать, припоминать» и отсюда — имя действия *anınsama* «неясные воспоминания» [ТРС, 56].

Синонимом глагола *anıla-* является азербайджанский глагол *ган-* «понимать, разуметь». Этот глагол употребляется и в остальных огузских языках: туркм. *ган-* (*га:н-*) «напиваться»; *гандыр-* «напиться, утолить чью-либо жажду» [Туркм. РС, 152]; тур. *kan-* «убедиться, удостовериться, поверить», «довольствоваться, удовлетворяться», «утолять жажду, насыщаться», «доверяться кому-либо», «соблазняться» [ТРС, 507]; гаг. *кан-* «удовлетворяться, насыщаться»; *кандыр-* «удовлетворять» [ГРМС, 242]. Глагол *qan-* в значениях «удовлетворяться, удовлетвояться, насыщаться, наедаться, напиваться» встречается в древнетюркских письменных памятниках [ДТС, 417]. Основным, доминирующим значением данного глагола в туркменском, турецком и гагаузском языках является «удовлетворяться, насыщаться». Это отмечает и В. В. Радлов: *кан-* «утолить жажду», «сделать себе удовлетворение, утомиться чем-либо, пресыщаться чем-либо», «успокоиться, убедиться», «быть достаточным, избыльным» [РС, II, 106]. Данное значение по-видимому, является первичным. От корня *ган-* в азербайджанском языке образовано прилагательное *гане* «довольствующийся, удовлетворяющийся, убеждающийся, убежденный». Со словом *гане* в азербайджанском языке употребляются аналитические глаголы *гане ет-* «удовлетворять», «убеждать» и *гане ол-* «довольствоваться» [АРС, 88]. В этих аналитических формах корень *ган-* как бы восстанавливает свое первичное значение, доминирующее в остальных огузских языках. От корня *ган-* в азербайджанском языке образованы имена *ганачаг* со значениями «вежливость, учтивость», «сознательность», «понятливость, смысленность, догадливость»; *ганмаз* «невежда»; «бестолковый, непонятливый» [АРС, 88]. В этих именах

² Об этом аффиксе подробно говорится в работе: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 355—358.

ощущается связь с корнем *ан* 'мысль, ум, рассудок, разум'. В слове азерб. *gap-* можно отметить префикс *g-*. Глаголы типа *gap-* есть и в остальных огузских языках. В тюркских языках имеется ряд глаголов, в которых префикс обладает словообразовательной функцией, как например, азерб. *jat-* 'спать, *ojat-* 'разбудить', *dur-* 'стоять', *otur-* 'сидеть' (здесь наличествует чередование *t/d*, присущее тюркским языкам).

В изучаемую группу входит и общий для всех огузских языков глагол *saп-* 'полагать, предполагать, думать, считать'. В туркменском языке, в отличие от остальных огузских языков, он имеет долгий корневой гласный /а/.

С. Е. Малов приводит глагол *saп-* 'считать' и синкретичное с этим глаголом имя *saп-* 'счет'. Глагол *saп-* С. Е. Малов расчленяет на корень *sa-* и аффикс *-п*. Ссылаясь на ряд исследований древнетюркского, казахского и чувашского языков, он упоминает и глагол *sa-* 'считать'. Форма *sā-* приводится им и в значении «знать» [ПДП, 418—419]. А. М. Щербак реконструирует архетип этого глагола в такой же форме **sā-* [8, 196]. Глагол *sa-* в значении «считать» зафиксирован и в «Диване» Махмуда Кашгари: *Eg kouyğ sadı* [МК, III, 247] 'Человек считал овец'.

Глагол *sā-* приводится В. В. Радловым в значении «говорить», «считать» [РС, IV, 215], а *sai-* — «считать», «рассказывать» (*osm.*) [РС, IV, 220—221].

Таким образом, глагол *saп-* имел первичную форму *sā-//sa-*, а аффикс *-п* является показателем возвратного залога.

Следует отметить, что форма *saп-* утратила залоговое значение, лексикализовалась и стала употребляться в своем первичном значении. От значения «считать» развилось его вторичное значение «думать». В «Древнетюркском словаре» глагол *saп-* дается в значениях: а) возвратное от *sā-* 'считаться, причисляться'; б) 'думать, раздумывать, обдумывать' [ДТС, 483].

В значениях «знать», «ведать», «узнавать, осведомлять», «уметь, мочь» во всех огузских языках употребляется глагол *bil-*, встречающийся и в древнетюркских письменных памятниках: (7) *Bilir bilmāz kici, ol sabıy alyp, jabru барып, yküş kishi öltir* 'И вот вы люди, не обладавшие (истинной) мудростью, наслушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве' (Жюль-Тегин) [ПДП, 28]; (5) *Saquntum: turuq buqaly, sāmiz buqaly arqada bilsār, — sāmiz buqa, turuq buqa, tijin, bilmāz ārmis, — tijin* 'Я думал: если (будущий хан) вообще (букв. сзади, вдали) знает (что у него есть) и тощие быки, и жирные быки, но он не может (не способен, не знает) назвать (в отдельности, который) жирный бык (и который) тощий бык' (Тоньюкук), [ПДП, 61].

Глагол: азерб., *gag-*, тур. *tanu-*, туркм. *taпа-* 'знать, быть знакомым' также относится к числу глаголов мышления. Глагол *tanu-*, образованный от имени существительного *tāң* 'память' и сохранившийся в современном чувашском языке [РЧС, 132], несомненно, связан с корнем *aŋ* 'сознание, мысль', 'ум, разум'. Здесь проявляются следы префиксации в тюркских языках, имеющей очень древнюю историю. Глагол *tanu-*, по словам Н. К. Дмитриева, «означает начальную ступень знания: „ознакомиться“, „быть знакомым“, „признать во время встречи“, а *bil-*, „иметь теоретическое знание о предмете“» [2, 581].

Глагол *tanu-* в значениях «знать, быть знакомым» встречается в языке «Кутадгу-билиг» (XI в.) Юсуфа Баласагуни: *Bitig bolmasa sözkā būtmāz köñül/tanıylı kişikā tanuq ol bitig* 'Если (у посла) нет грамоты, сердце не верит словам, /для знающего (~образованного?) человека грамота является свидетельством' [ДТС, 531—532].

В словаре В. В. Радлова приводится глагол *тань-* в значениях

«знать, узнавать» и синкретичное с этим глаголом имя *тань* 'друг, знакомый' [РС, III, 825].

В значениях «чувствовать, ощущать, испытывать, чують, догадываться, предчувствовать» в огузских языках употребляется глагол *duj-*. От корня *duj-* образовано имя: азерб. *duju*, туркм., тур., гаг. *dujgu* 'чувство, ощущение, восприятие'.

Глагол *tuj-* в значениях «понимать, прозревать, проведать» встречается в письменном памятнике в честь Тоньюкука: (38) *Kālmisi alp. — tidi. Tuımadu* 'Было сказано: (враг, который) приходит — герой, но они (о нас) не проведали' [ПДП, 63].

Глагол *tuj-* приводится и в словаре Махмуда Кашгари: *Öd keçer kişi tuymas* 'Время проходит, человек (этого) не замечает' [МК, I, 44]; *Er işin tuydi* 'Мужчина свое дело понял' [МК, III, 244].

Следует отметить, что глагол *tuj-*, встречающийся в древнетюркских письменных памятниках, сохранил глухой согласный в анлауте и в ряде тюркских языков, например: в уйгурском языке *туй-* [Уйг. РС, 340]. Форма *tuj-* данного глагола является древней. А. М. Щербак восстанавливает архетип его в виде **туй-* [8, 197].

В значениях «догадываться, угадываться, усматриваться, улавливать, почуять, почувствовать» употребляется глагол: азерб., тур. *sez-*, туркм., *syz-*; тур. *evvelde/önceden sez-* 'предчувствовать': *Bir şeyler seziyordu* 'Он кое-что заметил, он кое о чем догадался' [ТРС, 768]; туркм. *ядавлыгыны сызмазлык* 'не чувствовать усталости'; *оңунден сыз-* 'чувствовать заранее' [Туркм. РС, 603]; *Мениң йүрегим сызар* 'Чует мое сердце' [Туркм. РС, 514]. В азербайджанском и турецком языках синонимом глагола *sez-* является аналитический глагол *hiss et-*.

В туркменском и турецком языках с глаголом *syz-* (туркм.), *sez-* (тур.) связан ряд лексических единиц: туркм. *сызгар* 'чувствительный', 'впечатлительный', 'способный предчувствовать' [Туркм. РС, 603], тур. *sezdirme* 'чувствование, ощущение, восприятие'; *sezgi* 'ощущение, восприятие'; *sezinle-, sezin-* 'предчувствовать, догадываться, смекнуть'; *sezi sezme* 'чувствование, ощущение' [ТРС, 768].

Глагол *sez-* встречается в «Кутадгу-билиг» Юсуфа Баласагуни в значении «чувствовать, ощущать», «замечать, обнаруживать»: *Qajusi bijabanda jügrüg enir/bajatqa bu qoqqu saqıncın sezir* 'Некоторые в безнадежности бегут в пустыню, чувствуя страх перед богом' [ДТС, 498].

Форма возвратного залога глагола *sez-*, то есть *sezin-* в значении «сомневаться, иметь подозрение» употребляется в письменном памятнике X века «Золотой блеск» и «Диване» Махмуда Кашгари: *Анын сизиктим иним кә* 'Я подозревал младшего своего брата' [ПДП, 176]; *Tuzgunı tañçı sezınmenğ* [МК, I, 419] 'Не полагай, что подношение — это познграждение'.

Кроме того, в древнетюркских письменных памятниках зафиксировано имя *sezik* в значениях «предположение», «сомнение»: *Sizni köğür tınlıylar... sezik köñüllärin tariqartı* 'Увидев тебя, живые существа... развеели чувство сомнения'; *Sezik joq bu işkә* 'Нет сомнения в этом деле'; *Seziktim bu ol* 'Мои сомнения таковы' [ДТС, 498].

В «Диване» Махмуда Кашгари употребляется и синкретичный с именем *sezik* глагол *sezik-* 'предполагать, сомневаться', 'подозревать': *Bu işğ anğar seziktım* [МК, II, 117] 'Я подозревал в этом деле его'. Как видно, имя и глагол (*sezik* и *sezik-*) образованы от корня *sez-* при помощи аффикса *-iq*.

В значении «ошибаться, заблуждаться» в огузских языках употребляется глагол: азерб., тур., гаг. *janul-*, туркм. *jalnuş-*.

В древнетюркских письменных памятниках встречается глагол

jaңыл-: (19) ...*biziñä jaңlykyn* (читают и *jaңылдукын*) *üçün kabany ölti...* '...и провинился перед нами, то (сам) каган умер (то есть был убит)...'; (6) ...*bir kişi jaңылсар, oğuşy buduny, bisükiña tägi*, 'кыдмаз ärmiş' '...но если (отдельные лица) из тюрков (и соблазнились), то целые роды (даже) до свойственников (до брачного родства) не отклонялись' (Кюль-Тегин), [ПДП, 30, 28]; (26) *Jigci, jig jaңylyp, boýuzlanty...* 'Местный проводник, сбившись с пути, был заколот...' (Тоньюкук), [ПДП, 62].

Как видно из приведенных примеров, глагол *jaңyl-* в таком же фонетическом составе, как и в современном азербайджанском, турецком и гагаузском языках, зафиксирован и в древнетюркских письменных памятниках. Отмечается только одно фонетическое различие, состоящее в том, что в древнетюркских письменных памятниках сонорный согласный /п/ имеет свой назальный вариант /п̃/. Следует заметить, что данный глагол и в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в своем составе имеет древний звук /п̃/, сохранившийся и в современном туркменском языке, в котором бытует в форме *jalnyş-*, не имеющей аналогов в других огузских языках. Здесь налицо фонетическая метатеза, что подтверждается сравнением этого глагола с туркменским именем *jaңlytmaç* 'скороговорка' [КРТС, 427].

Глагол *jaңyl-*, по мнению Э. В. Севортяна [5, 493] и составителей словаря гагаузского языка [ГРМС, 214], расчленяется на корень *jaң-* и аффикс возвратно-страдательного залога *-yl*.

Во всех огузских языках в значении «ложь, неправда» употребляется имя *jalap*, что, вне всякого сомнения, связано с корнем глагола *jaңyl-//jaңyl-*. Слово *jalap* можно расчленить на корень *jal-* и аффикс *-ap*, что позволяет предположить родство корней *jaң-//jaң-* и *jal-*. Здесь налицо чередование согласных $p > l$. Ср. азерб., тур. *janlyş*, туркм. *jalnyş*. По нашему мнению, *jaң-//jaң* имеет прямую связь с именем *aң-//aң* 'сознание, мысль', 'ум, разум'. Звук /j/ в слове *jaң-//jaң* может считаться протетическим вероятным реликтом префикса, существовавшего когда-то в пратюркском языке. Можно привести и другие факты из тюркских языков: др.-тюрк. *adağ* 'нога', *jadağ* 'пешком' (Тоньюкук); азерб. *in-//ep-* 'спускаться', *tiп-* 'подниматься, садиться верхом (на лошадь и т. д.)'; азерб. *at-* 'бросать', *çat-* 'доходить', *as-* 'вешать', *bas-* 'давить'; *biz* 'мы', *siz* 'вы'; *ast* 'низ', *üst* 'верх', *öñ* 'начало', *soñ* 'конец' и т. д.³

Со словом *jalap* 'ложь' связан турецкий глагол *yalanla-* 'опровергать': *Bu haberi yalanladılar* 'Они опровергали это известие' [TRC, 906], а в гагаузском языке употребляется и глагол *yalandyр-* 'лгать, врать, говорить неправду, обманывать' [ГРМС, 211].

В значении «отречься», «отказываться от своих слов» во всех огузских языках употребляется глагол *döп-*. Этот глагол со словом *söz* образует аналитический глагол *sözünden döп-* 'отказываться от своего слова' (азерб., тур.). В этом значении в огузских языках употребляются и другие глаголы: азерб. *daп-*, *äl çäk-*, *inkar et-*, *gädd et-*; туркм. *inçär et-*, тур. *jadsy-*, *el seq-*, *redd et-*, *inqär et-* и др.

Глагол азерб. *daп-* (диал. *daң-*) исторически в анлауте имел глухой согласный /t/, то есть существовал в форме *tap-*, что отмечено В. В. Радловым в значениях «отрицать, отказываться, запирается в чем»: *Süzdän tandy* 'Он отказался от своего слова'; *Nägä mäniñdiң tandiң* 'Почему ты

³ О префиксации в тюркских языках подробнее см.: А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, стр. 132—137.

заперся в этом предо мною?». Им же приводится и синкретичное имя *ган//таң* 'удивление': *тан kalmaz* 'удивляться'; *тан jok* 'нет сомнения' [РС, III, 822].

Слово *тан* (*та:н*) в туркменском языке имеет значения «странный, поразительный, удивительный» [Туркм. РС, 618]. Имя *даң//дан* имеется и в азербайджанском языке в составе аналитического глагола *dan gal-, daŋupa g'äl-* 'удивляться'.

Глагол тур. *yadı-* 'отрицать', 'отрекаться', 'не признавать' образован от прилагательного *yad* 'чужой, посторонний, незнакомый, иностранный' [РС, 903] с помощью глаголообразующего аффикса *-si*.

В значении «хулить, порицать, осуждать» в азербайджанском и турецком языках употребляется глагол: азерб. *гына-* [АРС, 104], тур. *kıpa-* [РС, 540]. В турецком языке близки по значению данному глаголу *ayıpla-* и *takbih et-* [РС, 556]. Глагол туркм. *гына-* (*гы:на-*) обозначает «пытать, подвергать пыткам», «мучить, причинять душевную боль» [Туркм. РС, 232]. Этот глагол расчленяется на корень *гын-//кын-//гы:н-* и аффикс *-а*. Корень *кын-* (*кы:н-*) в значениях «трудный, тяжелый» сохранился в туркменском языке [Туркм. РС, 424].

Имя *qıp* 'наказание, кара', 'мучение, пытка' отмечено в «Древнетюркском словаре», где приводится пример из «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни: *hālalaqa saqış ol haŋamqa-ta qıp* 'Для дозволенного (нужен) счет, для запретного наказание' [ДТС, 444]. Глагол, образованный от данного имени в значении «наказывать, карать», «мучить, истязать, пытать» встречается в «Диване» Махмуда Кашгари и в «Кутадгу билиг»: *Beğ anı kıpad:* 'Правитель наказал его' [МК, III, 273]; *Bar ersä jazuqum qıpa erk saŋa* 'Если я виноват, покарай меня, воля твоя'; *Īñiñ özkä alıñ qıpa jalıñıñ* 'Правдивого (человека) возьми к себе, а лжеца — накажи' [ДТС, 444].

Корень *кын-//кы:н-* в значениях «мучение», «трудный» и глагол *кына-* 'мучить, наказывать', 'бить, ударять' отмечены и В. В. Радловым [РС, II, 694—696]. По-видимому, последнее значение этого глагола, было и первичным, и из него развилось «мучить, наказывать», обобщенное в дальнейшем до значения «причинять душевную боль».

Глагол: азерб. *istä-*, туркм. *islä-*, тур., *gar. iste-* 'желать, хотеть, просить, требовать' может быть расчленен на корень *is-* и древний аффикс глаголообразования *-tä//te-, -le*. Корень *is-* приводится в словаре В. В. Радлова в значении «мышление, память» [РС, I, 1523]. От этого корня образовано имя прилагательное *iclī* 'умный, разумный' [РС, I, 1531]. Глагол *istä-//islä-//iste-*, употребляющийся в современных огузских языках, обозначает акт мышления и поэтому семантически прямо связан с именем существительным *is* 'мышление, память', сохранившимся в татарском языке [Тат. РС, 175]. Поэтому правомерно считать, что упомянутый глагол образован от корня *is*.

Можно заключить, что основные значения рассматриваемых глаголов в сравниваемых языках совпадают. Первичное значение и форма большинства глаголов достаточно прозрачны. Ряд глагольных корней носит синкретичный характер с именами существительными.

Синтетические глаголы мышления в большинстве случаев имеют именную основу, то есть образованы от имен существительных при помощи глаголообразующих аффиксов.

ЛИТЕРАТУРА

2. Н. К. Дмитриев. Глаголы мышления (*verba sentiendi*). — В кн.: «Строй тюркских языков», М., 1962, стр. 577—581.
3. Г. К. Кулиев. Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков). — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 8—16.
4. А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975.
5. Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
6. Х. И. Суюнчев. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977.
7. О. Н. Трубачев. Этимологические исследования и лексическая семантика. — В кн.: «Принципы и методы исследований», М., 1976, стр. 147—177.
8. А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
9. А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

- APC — «Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1965.
- БРС — «Башкирско-русский словарь». М., 1958.
- ГРМС — «Гагаузско-руско-молдавский словарь». М., 1973.
- ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- КДГ — «Китаби-Дәдә Горгуд». Баку, 1962.
- КРС — «Киргизско-русский словарь». М., 1965.
- КРТС — «Краткий русско-туркменский словарь». Ашхабад, 1968.
- Кюль-Тегин — Памятник в честь Кюль-Тегина на берегу р. Орхон в Кошо-Цайдаме (Монголия).
- ПДП — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Тат. РС — «Татарско-русский словарь». М., 1966.
- Тоньюкук — Памятник Тоньюкуку на берегу р. Селенги около ст. Налайха (Монголия).
- РКБС — «Русско-карачаево-балкарский словарь». М., 1968.
- РС, I, II, III, IV — В. В. Радлов. Словарь тюркских наречий. СПб., т. I, 1893; т. II, 1899; т. III, 1905; т. IV, 1911.
- РТС — «Русско-турецкий словарь». М., 1972.
- РЧС — «Русско-чувашский словарь». М., 1971.
- ТДС — «Туркмен дилиниң сөзлүги». Ашгабат, 1962.
- Туркм. РС — «Туркменско-русский словарь». М., 1968.
- ТРС — «Турецко-русский словарь». М., 1977.
- Уйг. РС — «Уйгурско-русский словарь». М., 1968.
- ЭСТЯ I — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I, М., 1974.
- DS — «Türkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü». Т. I, Ankara, 1963.
- МК, I, II, III — «Divanü lûgat-it-türk tercümesi». Çeviren Besim Atalay. Ankara, тт. I, 1939; II, 1940; III, 1941.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. А. БАСКАКОВ

О ТЮРКСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(ПО СТРАНИЦАМ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
М. ФАСМЕРА)

Процессы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР за счет освоения главным образом лексики происходили неравномерно и часто зависели от различных экстралингвистических факторов, а именно: от непосредственных контактов носителей языков между собой, от отношения к той или иной исповедуемой ими религии, от развития торговых связей и организации единой экономической и хозяйственной системы и т. д. Подобные процессы были характерны и для взаимодействия русского и тюркских языков.

Как уже отмечалось нами ранее (Баскаков, 1974), взаимодействие русского и тюркских языков имеет давнюю историю, распадающуюся на пять исторических этапов: 1) от первых веков нашей эры до VIII века, то есть образования крупных славянских родоплеменных объединений в Восточной Европе, характеризующийся взаимодействием древнерусского языка с языками древнетюркских племен: гуннов, хазаров, болгар, сабиров и т. д.; 2) от IX до XII века — образования древнерусского государства Киевской Руси, характеризующийся связями русских с огузо-половецкими племенами; 3) от XIII до XV века, характеризующийся широким проникновением (во время монгольского нашествия в особенности), кыпчакских тюркских лексических элементов в русский язык; 4) от XVI до XX века, характеризующийся формированием основных тюркских народностей и их языков, а также их связей и взаимодействия с восточнославянскими народностями и языками; 5) после Великой Октябрьской социалистической революции, характеризующийся новыми социальными условиями развития народов СССР и новыми их взаимоотношениями.

Каждый из указанных периодов имел свои особенности, а также различную степень интенсивности взаимодействия русского, а позже русского, украинского и белорусского языков, с одной стороны, и тюркских языков — с другой.

Если в настоящее время происходит массовое заимствование тюркскими языками интернациональной и русской лексики, то в прошлом, и в особенности в IX—XVI веках, имели место достаточно интенсивные обратные процессы, когда древнерусский язык, а после его дифференциации и все три восточнославянских языка — русский, украинский и белорусский — обогащались за счет соседних финноугорских, иранских и особенно тюркских языков.

Через тюркские языки в древнерусский, а также в русский, украинский и белорусский языки, включались не только собственно тюркские

слова, но и слова, усвоенные тюрками из монгольских, иранских, арабского языков, а также из санскрита, китайского, тохарского и др. Более того, в XIII—XV веках, в период интенсивного воздействия тюркских языков на восточнославянские языки, заимствовались не только отдельные тюркские слова, но и различного рода грамматические элементы, пока еще недостаточно изученные славистами и тюркологами. К числу таких заимствований, возможно, следует отнести, например, некоторые кальки образования аналитических видовых конструкций типа русских разговорных форм: *давай бери* <тюркск. *ala ber* 'возьми, возьми же, давай бери, давай возьми', букв. 'беря дай'; или русск. *пиди давай* <тюркск. *jaza ber* в том же значении. К подобным же калькам могут быть отнесены другие видовые конструкции, например, аналитическая форма вида в русском языке, указывающая на категоричность прекращения действия: русское разговорное *он бросил пить* <тюркск. *oi işir tasladı* — в том же значении; или видовая конструкция, указывающая на развитие действия от данного момента, например, русское разговорное *пошел колобродить, пошла писать губерния, пошел пьянствовать*, ср. тюркск. *opunq keseli asqunur baratır* букв. 'болезнь его пошла утливаться' или *dârtmâni qurur baratır* букв. 'силы его пошли иссякать' и т. д. [Ср. Виноградов, стр. 603—604].

Образование некоторых русских калек из тюркских синтактико-морфологических конструкций можно наблюдать и в древнерусском языке; ср., например, выражение в «Слове о полку Игореве» *кричат телеги полунощи, рцы лебеди распущени* 'скрипят телеги, как будто лебеди, распуганные в полночь', в котором древнерусское *рцы* соответствует татарск. *âjtirsin* 'будто, будто бы, как-будто' букв. 'ты скажи, ты заставь сказать' [Гаджиева, Коклянова, ТРС, стр. 728] и другие сочетания. В этом отношении заслуживают пристального внимания некоторые памятники и летописи древнерусской письменности XI—XIV веков, сохранившие следы этого взаимодействия древнерусского и тюркского языков в указанный период не только в лексике, но также и на синтактико-морфологическом уровне.

К следам воздействия тюркских языков на древнерусский и на современные восточнославянские языки следует отнести и некоторые фразеологизмы, поговорки, пословицы, а также наличие в системе словообразования так называемых парных слов типа *шурум-бурум* и т. п. Все эти проблемы требуют специальных исследований.

Процесс заимствования в русский язык тюркизмов не прекратился и в настоящее время, хотя общие экономические и социально-политические условия развития языков народов СССР в эпоху развитого социализма, обогащение их обусловлены созданием общего для всех народов СССР межнационального лексического фонда, состоящего в значительной мере из единой для всех языков специальной терминологии по различным отраслям экономики, науки, техники, включающей главным образом интернациональную и русскую лексику.

Одним из последних общих и полных этимологических словарей, отражающих всю основную лексику современного русского языка и ее происхождение, является «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера в переводе на русский язык с дополнениями и уточнениями О. Н. Трубачева [Фасмер, I—IV]. В этом словаре еще до перевода его на русский язык [Vasmer], как указывает в своей статье Э. В. Севортян (Севортян, 1962), были успешно проанализированы тюркизмы в русском языке, хотя автор статьи и внес ряд существенных поправок как в сам метод подачи конкретного материала, так и в отдельные тюркские этимологии.

В русском переводе словаря М. Фасмера многие из тюркских этимологий были уточнены, а также введены и новые этимологии. Таким образом, русское издание словаря в значительной степени было улучшено его редакцией, хотя некоторые спорные этимологии тюркизмов и сохранились.

В настоящей статье нам хотелось бы кратко прокомментировать некоторые из тюркских этимологий русских слов в последнем издании словаря.

Ниже приводятся замечания, представляющие собой как бы заметки читателя на полях первого тома Словаря, указывающие как на возможность иных этимологий, так и на спорные или неточные сопоставления с тюркскими словами-источниками, на дополнения, исправления и т. д. По другим томам Словаря автор надеется выступить в последующем.

Алтын 'старая разменная монета в 6 денег, равная 3 копейкам' < тюркск. altyn 'золото' [Фасмер, I, 72; Шанский, 22]. Наиболее приемлемой и вероятной этимологией является предложенная еще Татищевым < тюркск. alty 'шесть'. Чтобы объяснить наличие конечного -n, должна быть принята новая этимология < тюркск. alty 'шесть' + tijin 'денежка, деньга' (= русскому грошу, полкопейке; монетки «деньга» чеканились в России в XII—XIII веках и позже; в некоторых тюркских языках, например, в татарском слово tijin имело значение «копейка» [Будагов, I, 423]) > alty (tiji)n > altyn 'шесть денежек = трем копейкам'; пятиалтынный = 15 копейкам [Ср. Добродомов, 1968; Кононов, 1976].

Арбат 'район города Москвы и название улицы' < тюркск. arba 'повозка' или ugabat 'хозяйственные постройки'; < gabat 'предместье' [Фасмер, I, 83]. Последняя этимология наиболее вероятна: **Арбат** тюркск. gabat ~ ugabat < арабск. قارعة 'квартал (города), район' [Баранов, 357]. В русской адаптации принято произношение, характерное для тюркских языков, в которых заимствованные слова из арабского или персидского языков с начальным звуком *g* (русс. *p*) произносятся с протезой: ugabat; возможно также происхождение названия **Арбат** из другого арабского корня — числительного arba'at اربعه 'четыре' > квартал' (Баскаков, I).

Аркать 'кричать, бранить' < др. инд. ḱkati 'хрипеть' и русск. *ерыкнуть* 'звать' [Фасмер, I, 87]. Возможно также из тюркск. aɣuɣ- ~ казахск. aɣuɣ- 'громко кричать, орать, накричать' [КРС, 58], в русской метатезной адаптации aɣuɣ > 'арковать, аркать' — древнее заимствование из половецкого языка, ср. в «Слове о полку Игореве» в значении «кричать, причитать»: «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале аркучи...».

Артачиться (о лошади), см. *ртачиться* 'упираться, кусать удила' < русск. *рот* [Фасмер, I, 509]. Представляется более вероятной связь с тюркским корнем art 'зад'; ср. ногайск. artqataj- 'пятиться' [РНС, 505]. русская же глагольная форма образуется по модели глагола общевозвратного значения -иться: *дура(к > ч)-иться, собак(> ч)-иться, артка > артак(> ч)-иться* и т. п. [ср. другое объяснение: Шипова, 38].

Баг(о)р 'пурпур, пурпурная раковина' < baggaert 'тина' < болгарск. *божур* 'мак' греч. φωφω 'поджариваю' [Фасмер, I, 103]; < *багать* [об огне, тлеющем в золе; Шанский, 26]. После приведения всех указанных предположений М. Фасмер заключает: «неясное слово». Представляется вероятным происхождение слова *баг(о)р* и производных от него *багровый, багряный* из тюркского baɣuɣ ~ baɣuɣ 'медь красная'; ср. половецк. bager 'Kupfer' [Gröbisch], которое также связано с тюркск. baɣuɣ 'печень', имеющей темно-красный, багровый цвет. Слово baɣuɣ 'медь' в свою очередь заимствовано из арабск. نحاس 'красно-коричневый'

и тауғат مغرة 'красная охра' [Lokotsch; Menges; Баскаков, 1976]; ср. также этимологию М. Хабичева [Хабичев, 1975]. Чередование же $t \sim b$ в слове закономерно для тюркских языков.

Байкал 'озеро в Сибири' <тюркск. baj köl 'богатое озеро' [Фасмер, I, 107]. Этимология требует пояснения в отношении первого компонента baj, который в данном случае имеет значение не «богатый», а «священный, заколдованный, запретный»; ср. алтайск. baj sös 'запретное слово', baj qajun 'запретная, священная берёза' и т. д. От этой именной основы в алтайском языке образован глагол baj-la- 'запрещать, предостерегать', а также производное слово baj-lu 'заповедный, священный'. Ср., например, bajlu djer 'заповедник'. Название озера Байкал происходит из baj 'священный' + монг. gol ~ алтайск. qool 'река, проток, озеро' > baj qool 'священное озеро', ср. алтайск. Bajyol [ОРС, 107] в русской адаптации > Байкал.

Бака 'глаз' — отглагольное образование от польского baczyć, украинск. бачити, белорусск. бачыць 'видеть'. Как глагол, так и все производные: baczyć, бачити, бачыць, бака и т. п. скорее всего связаны с тюркск. баq- 'смотреть, присматривать' [КРС, 82] > русск. *бакать ~ *бакить > бачить. [Ср. другую этимологию: Трубачев].

Буджак 'южная часть Бессарабии' имеет ср. греч. название ογγλος, славянск. «угол» <турецк. budžaq 'угол' [Фасмер, I, 229]. В связи с тем, что название Буджак, сохранившееся у ногайцев в качестве родоплеменного названия, имеет парное к нему другое родоплеменное название Анджак, возможно, что основами их были: Буджак <bu džaq 'эта сторона' и <an džaq 'та сторона', тем более, что у ногайцев существуют параллельные названия тех же родоплеменных объединений: Бурджаклы ~ Буджаклы ~ Буджак и Анджаклы ~ Анджак. Первое из них Бурджаклы ~ Буджаклы представляет собой словоформу, состоящую из указательного местоимения bu ~ buq(a) 'этот, эта' + džaq 'бок, сторона' + -ly — аффикс обладания > burdžaqly ~ budžaqly 'принадлежащий или происходящий из тех, кто по эту сторону (расположения орды или реки и проч.)', а второе — Анджаклы — из указательного местоимения an 'тот, та' + džaq 'бок, сторона' + -ly — аффикс обладания > andžaqly 'находящийся или происходящий из тех, кто по ту сторону'. Скорее всего названия эти относятся к родоплеменным объединениям соответственно их локализации в кочевой орде, или к воинским подразделениям орды. Возможно, что Бурджак ~ Буджак позже было осмыслено как budžaq 'угол', так как в русских летописях это племя имеет также русское название — угличи.

Балаклава 'город в Крыму' <турецк. balyqlava 'бассейн для рыбы' [Фасмер, I, 112], более вероятно из ногайск. balyq 'рыба' + awlaw 'ловля сетью' > balyq(aw)law 'ловля рыбы'.

Балык 'соленая и вяленая спинная часть осетровой рыбы' <тюркск. balyq 'рыба' [Фасмер, I, 119]. Этимология самого тюркского слова balyq 'рыба' до сих пор не была выяснена. Все приведенные в этимологическом словаре Э. В. Севортяна [Севортян, II, 60] этимологии, включая и предположение автора, возводящего это слово к глагольной основе bal- ~ baal-, вычленяемой из якуток. balquj- 'болтать, взбалтывать, плескать' и кирг. baŋcylda- 'хлупать, сильно намочнуть' + -aq — аффикс отглагольного имени > baalyq ~ baalaq 'рыба', и считающего его отглагольным существительным, также не являются убедительными. Этимология этого тюркского слова усложняется ещё и тем, что в тюркских средневековых языках существовал омоним balyq со значением «город, населенный пункт». Предпринимались попытки объяснить эти два слова balyq 'рыба' и balyq 'город' не как омонимы, происходящие от разных основ-эти-

монов, а как полисемию в развитии одной исходной основы, одного и того же корня. Однако последнее исследование о происхождении слова *baluq* 'город' — в тюркских языках, *baluqasun* — в монгольских, *falğā* — в маньчжурских с общим значением «город, населённый пункт, селение» из исходной реконструированной основы древнеугорского **paŷ(°v)* окончательно исключает предположение об общем происхождении слов *baluq* 'рыба' и *baluq* 'город, селение' [Denis Sinor, 1981]. Слово *baluq* 'балык, рыба' имеет, безусловно, другое происхождение. Весьма возможно происхождение слова *baluq* <из персидск. *bal* 'крыло птицы, плавник рыбы' [Будагов, I, 235] + *-luu* ~ *-lyu* — аффикс обладания > *bal-luu* > *bal-(l)uq* 'рыба', букв. 'имеющая плавники, обладающая плавниками' по аналогии с тюркск. *qapat* 'крыло птицы' + *-ly* — аффикс обладания > *qapat-lyu* ~ *qapat-ly* 'птица', букв. 'обладающая крыльями, имеющая крылья'. Таким образом, омонимы *baluq* 'рыба' и *baluq* 'селение, город' имеют совершенно различное происхождение.

Башкир 'тюркская народность на Южном Урале': арабск. *bašqart* ~ *badžyart*, итальянск. *bascart*, мишарск. *baškert*, чагатайск. *badžyqyq*, татарск. *bašqurt*, чувашск. *puškert* [Фасмер, I, 139]. Существует множество различных этимологий этого этнонима, однако наиболее вероятной представляется: *badžyqyq* ~ *badžyuyq* ~ *badžyuyq* <*badža* 'своjak, название племени, из которого брали себе жен соседние племена' + *ouyq* 'огурь, название болгарского рода' > *badž(a) ouyq* 'свойственники огурь' [Баскаков, 1976].

Берендеи 'тюркское кочевое племя в Южной Руси', в 1097 году заключившее союз с печенегами, в 1105 году побежденное половцами и исчезнувшее в XIII веке. Это название не получило надежной этимологии [Фасмер, I, 155]. Общепринятая этимология этого этнонима <тюркск. *ber-in-di* 'тот, кто был предан, тот, кто предался, предавшийся' <*ber-* 'дать' + *-in* — аффикс возвратного залога + *-di* — аффикс прошедшего времени 3-го лица > *ber-in-di* 'предавшийся' [Rásonyi, 1933]. Более вероятной нам представляется этимология <тюркск., казахск. *beren* 'лучшая сталь', перен. 'мудрый, славный' [КРС, 90] + *-dej* — аффикс уподобления > *beren-dej* 'как сталь ~ как мудрый, мудрец' [Баскаков, 1982].

Бирюк 'волк, нелюдим' <тюркск. *bögi* ~ *bögü* ~ *büri* 'волк' [Фасмер, I, 168]. Однако эта общепринятая этимология неудовлетворительна как в фонетическом, так и в семантическом отношениях. В фонетическом отношении в словах *бирюк* и тюркск. *bögi* ~ *bögü* ~ *büri* противоположно расположение гласных, а в семантическом отношении слово *бирюк* имеет значение не 'волк,' а 'одинокий волк' и 'одинокий человек'. Более вероятной этимологией этого слова является происхождение его из тюркск. *birigi* ~ *birügü* ~ *birüki* 'один, только один, одинокий', то есть от имени числительного тюркск. *bir* 'один' + аффикс субстантивной формы числительного *-igi* ~ *-ügi* ~ *-üki* и т. д. > *birigi* ~ *birügi* ~ *birüki* > *birük* 'один, одинокий' [Баскаков, III].

Болгарин — 1. 'болгарин, славянин'; 2. 'представитель тюркских народов — волжских и дунайских болгар' <*buluq* 'смешанного происхождения', из тюркск. *buluqataq* 'мешать' [Фасмер, I, 187]. Возможна и другая этимология от того же глагола *buluqataq*, имеющего также значение «возмущать, создавать смуту», а именно причастие от этого глагола *buluq-* + аффикс причастия *-aq/-er, -g* > *buluq* 'возмутитель, смутьян' > название племени [ср. *Néméth*].

Бузовать 'трепать, тормошить, дергать, рвать', польск. *buzować* 'сурово наказывать'. «Неясное слово» [Фасмер, I, 233]. Весьма вероятно,

что глагол *бузовать*, как в фонетическом, так и в семантическом отношении связан с тюркск. *buzmaq* 'испортить, изломать, разорвать, расстроить, сокрушить' [Будагов, I, 280].

Булыга 'камень, булыжник; суковатая палка', родственное немецкому *Beule* 'шишка' [Фасмер, I, 239]. Возможно по второму значению — из тюркск. *baŷa* 'палица с длинным черенком' [Радлов, IV, 1500; Баскаков, II].

Валах ~ **волох** 1. 'мерин'; 2. 'житель Валахии' > нов. верхн. нем. *Wallach* 'мерин, кладеный жеребец', восходящее к русскому *волох* ~ *влах* > турецк. *āflak* 'Валахия' [Фасмер, I, 269, 270]. Основой всех этих заимствований в русском языке: *валах*, *волох*, *влах*, *Валахия*, как нам представляется, является древнетюркское, болгарское, чувашское слово *vul'āx* (выльāх) 'скот', из которого произошли: русск. «вол, крупный рогатый скот» [Корш, см. Фасмер, I, 335]; *валух* 'кастрированный баран, бык' [Фасмер, I, 270]; *валах* 'мерин, кастрированный жеребец' [Фасмер, I, 345]; *валах* 'житель Валахии' [Фасмер, I, 269—270].

Велес 'языческий бог у древних славян' [Фасмер, I, 287] и **Волос** — в том же значении [Фасмер, I, 343]. О происхождении названия этого славянского бога высказано много различных догадок и гипотез. *Велес* и *Волос*, как известно, являются названием «скотского бога», покровителя скота и, вероятнее всего, связаны с основой, обозначающей скот, а следовательно, могут восходить к той же древнеболгарской основе, сохранившейся в чувашском языке в виде основы *vul'āx* (в чувашской орфографии *выльāх* 'скот, скотина; скотский, скотный') + болгарско-чувашский аффикс -çā/-çē (из чувашск. çāp ~ çup 'человек'), образующий имя действующего лица и название профессии от имён существительных > *vul'āx-çā* 'скотовод, скотник' (в современном чувашском языке — *выльāх пāхакан сын* 'скотник'), *vul'āx-çā* > *vul'ā(x)-ç(ā)* > в русской адаптации *Велес* ~ *Волос* «скотий бог» [Баскаков, 1973].

Ветеринар < немецк. *Veterinär* < латинск. *veterinarius* то же, что *veterinus* 'вьючное животное' [Фасмер, I, 306]; возможно также, что это слово заимствовано из арабского *bajtar* ~ *bajtarun* 'ветеринар, коновал', *bajtarat* 'ветеринария' от корня *bajtara* بيطر 'подковывать лошадей' [Баранов, 115] > *bajtarun* + аффикс имени деятеля -āg > *bajtarunāg*.

Несмотря на казалось бы мало вероятное сближение русского *ветеринар* с *bajtarun-āg*, все же не исключена возможность заимствования этого слова из арабского, судя по близости не только фонетического состава слова, но и по семантике, связанной с арабской глагольной основой *bajtara* - بيطر 'подковывать лошадей', от которой имеется целая серия производных основ: *bajtarun* 'ветеринар, коновал', *bajtaratun* 'ветеринария,ковка лошадей' и т. п. [См. Баранов]. Те же термины для «ветеринара, коновала» и т. п. приняты в турецком языке, ср. *baytar* 'ветеринар'; *baytarī* 'ветеринарный'; *baytarlyk* 'ветеринария' и т. п. [Тур. РС], а также в языке тюрки (чагатайском) [Будагов, I, 302], татарском [ТРС], персидском [ПРС] и т. д.

Что же касается сближения с латинским словом *veterinus* 'вьючный', которое предположительно происходит от глагола *vehere* 'вести, нести, тянуть' [Михельсон], то оно остаётся изолированным, не связанным с другими словообразовательными моделями и семантически по существу не связано с профессией коновала, ветеринара, да и фонетически слабо мотивировано.

Во всяком случае этимология слова «ветеринар, ветеринария», видимо, нуждается в дополнительных исследованиях и не только в плане лингвистическом, но и в культурно-историческом, учитывая древнюю культуру коневодства у арабов.

Гагауз 'тюркская народность в Молдавии'. Приведена возможная этимология: *gök* 'синий, голубой, зелёный' + *uz* — название племени узов (<огузов>) *gök uz* 'гагауз' [Фасмер, I, 380]. Данная этимология фонетически может быть уточнена как <*gök oγuz*> *gök o(γ)uz* <'гагауз'. Существует также другая, относящаяся к более позднему времени, этимология этнонима *gagauz* <*haq حق* 'истинный' + *oγuz* — название племени> *haq oγuz* > *gagauz* букв. 'истинный огуз'.

Гоголь 'птица *Anas clangula*' <'гоготать, гагара, гага' [Фасмер, I, 425]. Наиболее вероятно тюркское происхождение названия этой птицы из туркм. *göögöl*, кирг. *kögöl*, як. *kügülläh*, чув. *kävakal* 'селезень, хохлатая утка, нырок, малая гагара' и т. д. Более древняя чувашская форма *kävakal* > туркм. *göögöl* > в других тюркских языках — *gögöl* ~ *kögöl* из *kavak* > *göök* > *gök* ~ *kök* 'голубой, синий, зелёный, сизый' + *-äl* ~ *-el* ~ *-il* — аффикс уменьшительной степени качества > *kävakal* ~ *göögöl* > *gögöl* ~ *kögöl* ~ *kügil* 'синеватый, зеленоватый, сизоватый' [подробнее об этом см.: Баскаков, II].

Завершая на этом обзор первого тома «Этимологического словаря русского языка», составленного М. Фасмером и переизданного в русском переводе с дополнениями и уточнениями О. Н. Трубачевым, мы должны заметить, что тюркизмы русского языка требуют ещё значительного и углублённого исследования, несмотря на существующие довольно многочисленные работы и словари по данному вопросу. Одной из основных задач исследования тюркских и других восточных лексических элементов в русском и в других восточнославянских языках является составление соответствующих академических словарей, а также создание специальных исследований, посвящённых всестороннему анализу взаимодействия тюркских и других языков народов СССР с русским языком как в части лексических заимствований, так и в отношении других уровней языка и, в частности, словообразования, различного рода синтактико-морфологических конструкций и фразеологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>Баранов</i>	— Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1957.
<i>Баскаков, 1973</i>	— Н. А. Баскаков. Мифологические и эпические имена собственные в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Восточная филология», т. III, Тбилиси, 1973.
<i>Баскаков, 1974</i>	— Н. А. Баскаков. Предисловие к сборнику «Тюркизмы в восточнославянских языках». М., 1974.
<i>Баскаков, 1976</i>	— Н. А. Баскаков. Половецкие отблески в «Слове о полку Игореве». — «Ural-Altäische Jahrbücher», 48, Wiesbaden, 1976.
<i>Баскаков I</i>	— Н. А. Баскаков. Тюркизмы в названиях московских улиц. — «Советская тюркология», 1979, № 2.
<i>Баскаков II</i>	— Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
<i>Баскаков III</i>	— Н. А. Баскаков. Тюркизмы в русской лексике (Этимологические заметки). — «Советская тюркология», 1979, № 6.
<i>Баскаков, 1982</i>	— Н. А. Баскаков. Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве». — «Советская тюркология», 1982, № 4.
<i>Будагов</i>	— Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Тт. I—II, СПб., 1869—1871.
<i>Виноградов</i>	— В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947.
<i>Гаджиева,</i> <i>Коклянова</i>	Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках. — В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961.
<i>Добродомов</i>	— И. Г. Добродомов. Полтина. Алтын. — «Русская речь», 1968, № 4.
<i>КРС</i>	— «Каракалпакско-русский словарь» под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.

- Кононов* — А. Н. Кононов. Тюркско-русские этимологические этюды. — В кн.: «Культурное наследие Древней Руси», М., 1976.
- Михельсон* — М. И. Михельсон. Объяснительный словарь иностранных слов. XI изд., СПб., 1891.
- ОРС* — Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова. Ойротско-русский словарь. М., 1947.
- ПРС* — «Персидско-русский словарь». М., 1953.
- Радлов* — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I—IV, СПб., 1893—1911.
- РНС* — «Русско-ногайский словарь» под ред. Н. А. Баскакова. М., 1956.
- Севортян, 1962* — Э. В. Севортян. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера. — «Лексикографический сборник», V, М., 1962.
- Севортян, I, II* — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Тт. I, II, М., 1976—1978.
- TRC* — «Татарско-русский словарь». М., 1966.
- Трубачев* — О. Н. Трубачев. Из славянско-иранских лексических отношений. — В кн.: «Этимология. 1965», М., 1967.
- Тур. РС* — «Турецко-русский словарь». М., 1977.
- Фасмер, I—IV* — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Тт. I—IV, М., 1964—1973.
- Хабичев* — М. А. Хабичев. Вагг, багор. — «Советская тюркология», 1975. № 4.
- Шанский* — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
- Шипова* — Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Baskakov, 1976* — N. A. Baskakov. Über die Herkunft des Ethnonyms «baškir». — «Tractata Altaica». Denis Sinor sexagenario... dedicata. Wiesbaden, 1976.
- Grönbech* — K. Grönbech. Koňanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.
- Lokotsch* — Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.
- Menges* — K. H. Menges. Schwierige slawisch-orientalische Lehnbeziehungen. Ural-Altische Jahrbücher, XXXI, 1959.
- Néméth* — J. Néméth. Die Herkunft der Namen Kobrat und Esperüch. — «Körösi Csoma Archivum». II, Budapest, 1932.
- Rásonyi* — L. Rásonyi-Nagy. Der Volksname «берендей». Seminarium Kondakovianum, VI, Praha, 1933.
- Denis Sinor* — Denis Sinor. The Origin of Turkish Baliq. — «Central Asiatic Journal». XXV, 1981.
- Vasmer* — Max Vasmer. Russische Etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III, Heidelberg, 1953—1958.

Г. Ф. БЛАГОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ

(АРАБСКО-ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
И АНАЛИТИЧЕСКОЕ ГЛАГОЛООБРАЗОВАНИЕ В ЧАГАТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Языковая ситуация в тимуридском Мавераннахре (земли Аму- и Сырдарьинского Междуречья, а также культурные земли к северу от Сырдарьи) во второй половине XV — начале XVI века характеризовалась функциональной поливариантностью. Как в литературе, так и в устно-речевом обиходе использовались по два языка, а именно: два книжно-письменных языка — чагатайский и персидский (фарси) и два устных — тюркский и «сартский» (то есть таджикский, устный персидский). Об этом до нас дошли убедительные свидетельства современников. Алишер Навои писал о языковой ситуации своего времени, имея в виду тюрков и «сартов», следующее: «Эти два племени во всех своих поколениях сильно перемешаны друг с другом. И между тем и другим народом наблюдается смешение и общение, разговор между ними и понимание ими друг друга беспрепятственны... Все тюрки — дети и старики, слуги и беки — понимают сартский язык. Они его знают настолько, что в затруднительном положении могут объясниться по-сартски, а некоторые из них даже могут говорить на этом языке красноречиво и изящно. Тюркские поэты на языке фарси пишут красочные стихи и замечательные речи. Но среди сартского народа ни благородные и ученые мужи, ни простые невежественные люди — никто не понимает языка тюрков и не может говорить на нем»¹.

Официальным, канцелярским языком, на котором вершилось делопроизводство, в ряде тимуридских уделов Мавераннахра был также персидский язык².

Языком науки и религии был арабский — «латынь Востока». До Алишера Навои все лингвистические труды по тюркским языкам, начиная с первого диалектного словаря «Дивану лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского, были написаны на арабском языке.

Функциональная поливариантность в языковой ситуации тимуридского Мавераннахра обусловила интенсивный приток арабских и персидских заимствований в чагатайский язык (значительно меньше зафиксировано здесь грамматических заимствований, причем среди них преобладают синтаксические). Разрабатываемые в Узбекистане словари произведений Навои и Бабура более чем на две трети состоят из арабско-персидской лексики; в монографиях, посвященных описанию языка Алишера Навои, большое место уделяется исследованию арабских, пер-

¹ Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Суждение о двух языках. — «Сочинения». Т. X, Ташкент, 1970, стр. 110.

² Известный науке документ на тюркском языке происходит из андижанской канцелярии при дворе Омар-Шейха мирзы, отца Бабура. См.: П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма Султана Омар-Шейха. — «Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества», т. XVI, 1904.

сидских и таджикских элементов в языке сочинений великого поэта³.

Арабско-персидская лексика не только охватывала области религии, духовной культуры, но распространялась также на вполне конкретные, в том числе бытовые сферы. За счет арабско-персидской лексики, как и метафорического употребления некоторых слов того же происхождения, варьировались даже тюркские названия частей человеческого тела; это было, правда, более свойственно поэтическому языку. Ср. тюрк. *jüz* 'лицо' — перс. *ru(j)* — то же; тюрк. *igün* 'губа' — перс. *lāb* — то же — ар. *la'l* 'рубин', метафорически 'губы (красавицы)'; тюрк. *baş* 'голова' — перс. *sāg* — то же; тюрк. *baş ajaq* 'с ног до головы'; 'полный комплект платья' — перс. *sāgāra(j)* — то же; тюрк. *bel* 'стан' — перс. *sāgw* 'кипарис', метафорически 'стройный стан'.

Из арабского языка, помимо имен, были заимствованы обширнейшие наборы масдаров и причастий. Заимствованию арабского и персидского глагола чагатайским языком препятствовала принципиально различная структура этой части речи в арабском и персидском, с одной стороны, и в тюркских языках, с другой. В результате этого получалась диспропорция в заимствованной лексике — явный перевес имен и глагольно-именных образований при отсутствии заимствуемых глаголов (такой диспропорции не было при другой языковой типологии, например, в случае заимствования французских слов русским языком). Возникшая в лексиконе чагатайского языка диспропорция вызывала повышенную потребность в функциональной транспозиции арабских и персидских имен, прежде всего — арабских масдаров и причастий в класс глаголов⁴.

Для этих целей, особенно применительно к арабским масдарам и причастиям, малоэффективным оказался распространенный в тюркских языках синтетический способ отыменного глаголообразования с помощью аффиксов *-la-*, *-lan-*. С этими аффиксами в чагатайском языке могли быть образованы глаголы далеко не от всех арабизмов и фарсизмов (см., например: *fahmla*- БН 136⁵, 'вразумлять, дать понять'; *ažuzlandur*- БН 450 'довести до изнеможения'; *hošla*- БН 185, 435, ЛБ I 542 'одобрить, согласиться на что-либо; желать добра'; *hohla*- БН 262 'желать, нравиться').

Значительно более подходящим средством транспозиции арабских масдаров и причастий, а также персидских имен в класс глаголов оказался аналитический способ глаголообразования, признаваемый типологической чертой языков различных систем⁶; этот способ получил широкое распространение в средневековых тюркских литературных языках — чагатайском, мамлюкско-кыпчакском, среднеазиатском и поволжском тюрк⁷. Прямым стимулом для внедрения аналитического глаголо-

³ См., например: А. Рустамов. Некоторые грамматические особенности языка «Мах-Субул-кулуб» Алишера Навои. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1958, стр. 2—8, 10, 11—15; его же. Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1966, стр. 15—19, 26 и сл.

⁴ См. об этом: Г. Ф. Благова. Аналитический способ функциональной транспозиции и глагольные словосочетания. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971. О способе функциональной транспозиции в типологическом аспекте см.: В. Г. Гак. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса. — В сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965.

⁵ Здесь и ниже приняты следующие сокращения: БН — «Бабер-намэ или Записки Султана Бабера». Казань, 1857; ЛБ — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., I — 1869, II — 1871.

⁶ См. об этом в сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов», стр. 129, 240, 262, 277 и сл.

⁷ См.: Э. Наджи. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. Ч. I. Алма-Ата, 1975, стр. 158—161; А. Матрозов. XIX аср ўзбек тилининг морфологияси. Тошкент, 1977.

образования в чагатайский язык послужило калькирование структур типа «именная основа (именное словосочетание) + глагол *kārdān* 'делать'» и «именная основа + глагол *šodān* 'становиться'» (ср. перс. *zaheg kārdān* 'обнаруживать, проявлять, показывать' и *zaheg šodān* 'обнаружиться, являться, показаться, делаться явным'), которые были свойственны персидскому (и, вероятно, таджикскому) языку⁸. Приведем примеры особенно очевидного калькирования таких структур в чагатайском: *jer bilā jeksan qyl*- БН 345 'сравнивать с землей; разрушать' из перс. *bā hāk jeksan kārdān* — то же; *hātyr nišan qyl*- БН 88 'напомнить, вызвать в памяти' из перс. *hātyr nišan kārdān* — то же.

Для образования аналитических глаголов с переходным значением в чагатайском языке использовались в качестве служебных наиболее частотный *qyl*- и менее частотные *et*- и *ajla*- 'делать'. См., например: *hizmāt qyl*- БН 211 'служить', *qysmat qyl*- БН 270, 426, 431 'разделить', 'inajat qyl- БН 422 'оказать милость', *ta'jin qyl*- БН 403, 347 'назначить', *mazbūt-u mustahkam qyl*- БН 409 'усилить и укрепить', *qabūl et*- БН 486 'принять', *ihtimam ajla*- БН 255 'стараться'. Для образования таких глаголов с непереходным значением в качестве служебного употреблялся глагол *bol*- 'становиться'.

Возможность использования глаголов действия («делать») и состояния («становиться») в качестве служебных способствовала тому, что образовавшиеся аналитические глаголы парами включались в противопоставление по переходности—непереходности, которое действует в тюркской глагольной системе. В результате складывались пары аналитических глаголов, противопоставляемых по переходности — непереходности. В качестве именного компонента таких аналитических глаголов используется либо одно и то же арабское заимствование (обычно причастие), либо масдар и причастие одного и того же глагола, но различных пород, которые также способствуют противопоставлению образующихся глаголов по переходности — непереходности. См. пары *ta'yūb qyl*- БН 349 'побеждать' — *ta'yūb bol*- БН 9 'стать побежденным'; *zāhīr qyl*- БН 135 'обнаруживать, выявлять' и *zāhīr bol*- БН 95 'стать явным', 'выявляться' (наряду с этим действительным причастием I породы в переходном глаголе возможно употребление масдара IV породы: *izhār qyl*- БН 150 'изъявлять'); *talaffuz* (масдар V породы) *qyl*- БН 353 'произносить, выговаривать' и *mutalaffaz* (страдательное причастие V породы) *bol*- БН 366 'быть произнесенным'. Характерно, что такие пары, противопоставленные по переходности—непереходности, не отмечены среди тех аналитических глаголов, именными компонентами которых выступают тюркские глагольные имена. См. *kōgünüş qyl*- 'представиться, исполнить церемонию представления или откланивания' (ЛБ II, 151), *keñāš qyl*- ЛБ II 140 и *keñāš et*- БН 98 'советоваться, держать совет', *jūgüş qyl*- БН 290 'предпринимать поход'.

Широкое распространение аналитической модели глаголообразования в современных тюркских языках показывает, насколько глубоко внедрилась эта словообразовательная калька, призванная в целях ликвидации диспропорции между классами слов исконной и заимствуемой лексики создавать условия для функциональной транспозиции именных и глагольно-именных заимствований в класс глаголов. Именными компонентами современных аналитических глаголов могут быть фарсизмы и арабизмы, собственно тюркские имена, русизмы, интернационализмы. Из-за резких различий в структуре глагола тюркских и других иноязычных языков даже русокий инфинитив может быть использован в качестве именного компонента таких аналитических глаголов: см. башк.

⁸ См.: М. Гаффаров. Персидско-русский словарь. М., I—1914, II—1927.

mobilizovat' iteu 'мобилизовать'. В современном узбекском языке, к примеру, такие глаголы могут быть образованы с помощью служебных глаголов *qul-*, *et-*, *bol-*. Однако прежнее противопоставление аналитических глаголов по признаку переходности—непереходности проводится в довольно редких случаях, когда в качестве именного компонента выступает то или другое арабское глагольно-именное образование (см., например, книжн. *taʔlub bol-* 'быть побежденным, терпеть поражение' — *taʔlub qul-* 'побеждать'). Чаще же налицо либо непереходный глагол со служебным компонентом *bol-* (см. *zohig bol-* 'появляться, показываться, обнаруживаться', *tiposib bol-* 'соответствовать, подходить; подовать'), либо переходный с *qul-* (*taʔlum qul-* 'извещать, сообщать', *zulm qul-/et-* 'угнетать, притеснять'). Среди аналитических глаголов с именным компонентом-русизмом или интернационализмом противопоставления по переходности—непереходности не наблюдается. Можно полагать, что исторически это противопоставление в значительной мере задавалось и поддерживалось самим характером арабских глагольно-именных образований, выступавших в качестве именных компонентов аналитических глаголов, а именно масдаров и причастий различных пород; в чагатайский язык эти последние заимствовались гораздо более полными наборами, нежели в современные тюркские языки.

В чагатайском, равно как и в других тюркских языках, заимствованные имена не имеют столь принципиальных различий по сравнению с тюркскими именами, как это наблюдалось в области глагола. Поэтому имена-арабизмы и фарсизмы не нуждались в каких-либо особых словообразовательных моделях и легко подключались к действующим в чагатайском языке моделям. Для аналитического имяобразования на основе заимствований также использовались существующие модели. Это в основном соположение близких по смыслу имен. Ср. тюркские сложные имена (так называемые парные слова) типа *ata-apa* 'родители', *ata-oyul* 'отец с сыном' и сложные имена, образованные от арабизмов: *qavm-u qabila* 'народ и племя', *fäth-u nusrat* 'завоевание и божья помощь'.

Из рассмотренного выше материала можно сделать следующий вывод. Та часть речи (в нашем случае это глагол), которая имеет принципиальные структурные различия в языке заимствующем и языке-источнике, для своего освоения в заимствующем языке нуждается в особых словообразовательных моделях. Именно этим лексика стимулирует известную перестройку глагольного словообразования (имеется в виду внедрение аналитического глаголообразования в чагатайский и другие тюркские языки).

Иные части речи (в нашем случае это имя) с точки зрения структурной столь принципиально не различаются в заимствующем языке и языке-источнике и поэтому легко подключаются к действующим словообразовательным моделям. Сколь бы ни был велик приток лексем из числа таких частей речи в заимствующий язык, существенных изменений в действующих словообразовательных моделях они не вызывают.

Таким образом, взаимодействие двух языковых уровней — лексики и словообразования — исторически проявлялось в том, что арабско-персидские лексические заимствования фактически способствовали развитию аналитического глаголообразования в тюркских языках. При этом широкое заимствование арабских масдаров и причастий различных пород вело к тому, что исторически аналитические глаголы активно включались в действующее противопоставление тюркских глаголов по переходности — непереходности.

Ш. Ч. САГ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТУВИНСКОГО И АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА СМЕЖНОЙ ТЕРРИТОРИИ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Племена и народы Саяно-Алтайского нагорья на протяжении длительного исторического периода находились в тесных контактах и поэтому в их истории много общего. В образовании этнических общностей алтайцев, хакасов и тувинцев значительную роль сыграло смешение и взаимопроникновение их этнических элементов. Как известно, языки алтайцев, хакасов и тувинцев близкородственны, хотя диалекты алтайского языка по генеалогической классификации относятся к разным подгруппам. В лексическом отношении к алтайскому языку тувинский язык ближе других тюркских языков. Тувинцы называли своих близких соседей, жителей Горного Алтая, *алтайлар* 'алтайцы' и *делег-лер* 'телеуты'. В более отдаленные времена алтайцы и хакасы называли тувинцев *сойоннар* 'сойоны', поэтому некоторые исследователи (например, В. В. Радлов) иногда именовали тувинский язык «сойонским». Уважительное отношение тувинцев к своим соседям, в том числе и к монголам, выражалось в том, что они часто, нарекая именами своих детей, использовали этноантропонимы: *Алтай* — *Алтай-оол*, *Делег* — *Делег-оол*, *Тадар* — *Тадар-оол*, *Монгул* и др. Участники вспыхнувшего в 1883—1885 годах восстания, известного под названием «восстание 60 богатырей» (их было, конечно, значительно больше), которое было направлено против маньчжуро-китайского ига, при неудачах в сражениях искали убежище в пределах Алтая. Сохранилась песня, отразившая эти события:

*Алдырбайын чорза-чорза,
Алган атка кире бээр бис.
Арбас аъттан мунуп алгаш
Алтай чурту кире бээр бис.*

'Долго мы будем неуловимы,
Хотя и скажут: мы их [коней] взяли.
Сядем мы на неутомных коней,
Умчимся мы в страну алтайцев'.

Жители западной Тувы: Бай-Тайги, Кара-Холя, Монгун-Тайги и частично Барун-Хемчика поддерживали постоянную связь с аборигенами Горного Алтая. Длительные языковые контакты оставили заметные следы в топонимии, фонетике, лексике и грамматике западного диалекта тувинского языка.

В южных районах Горно-Алтайской автономной области, там, где она граничит с Тувой, получили распространение гидронимы с аппеллятивом *кем* 'река', который характерен прежде всего для тувинского язы-

ка: *Кара-Кем* 'Черная река', *Ак-Кем* 'Белая река', *Јети-Кем* 'Семиречье'. Аппеллятив кем 'река' присутствует в пятидесяти гидронимах Горного Алтая (5, стр. 55).

Способы образования топонимов в тувинском и алтайском языках и даже сами топонимы в большинстве случаев одинаковые. Причем в западной Туве существуют идентичные с алтайскими топонимы, тогда как в центральных и восточных районах они отсутствуют. В Горном Алтае есть гора *Мөнкүлүк* 'Вечный ледник; Ледниковая'. Это же название, несколько фонетически переоформленное в *Мөңгүлек*, встречается в Бай-Тайге («Богатая гора», 3487 м над уровнем моря), кстати, гостиница туристов в Кызыле носит название «Мөңгүлек». В тувинском языке данное слово отсутствует. Однако алтайский язык позволяет установить этимологию этого тувинского топонима (5, стр. 264).

Манчүрек — левый приток реки Ак-Суг и гора в западной Туве. По нашему мнению, название *Манчүрек* является стяженной формой сложного слова *Маны-Чүрек* букв. 'Манулье сердце' (ср. *Сыын-Чүрек* 'Маралье сердце'). В тувинском языке имеются два омонима: *маны* 'манул, дикая кошка' и *маны* 'мрамор'. Поэтому можно полагать, что топоним *манчүрек* означает «сопка, где имеется скопление мрамора». Такой топоним в форме *Манјүрек* (и в некоторых других написаниях) обнаружен в Горном Алтае. Первую часть этого сложного названия — *маны* О. Т. Молчанова этимологизирует, возводя к словам: «сторожевая», «туманная» (5, стр. 261), что не совсем убедительно.

Час-Адыр — правый приток реки Барлык в Барун-Хемчикском районе. Думается, что и это название представляет собой стяженную в результате элизии форму сложного слова *Чазы-Адыр*, в котором *чазы* имеет значение «широкий, пологий», *адыр* — «приток, развилина». Подобное название в виде *Јасатар* (5, стр. 173) и в других написаниях зафиксировано в алтайской топонимии. Написание *Јас-атыр* более точно отражает звучание топонима и соответствует тувинскому топониму *Час-Адыр* < *Чазы-Адыр*.

Шуй — река в Барун-Хемчикском районе. Гидрониму *Шуй* соответствуют идентичные названия в виде *Чуй* в Горном Алтае и Киргизии. Предположение, что это название восходит к тибетско-китайскому *чу~шу~шуй* 'вода' (5, стр. 346) недостаточно обосновано. Вероятнее всего, гидронимы *Шуй~Чуй* представляют собой преобразованное на почве китайского языка тюркское слово *суг* 'вода'.

На самой границе между Тувой и Горным Алтаем существует озеро с тувинским названием *Чүгүг-Хөл* букв. 'Озеро с птичьими перьями'. Это название связано с тем, что сюда на лето прилетают водоплавающие птицы, и поверхность воды покрывается их перьями. Из этого озера вытекает река Чолушман. О. Т. Молчанова приводит различные варианты написания названия этого озера и как основной вариант включает в словарь *Јылу-Көл*. Элемент *јылу* она трактует как «теплый», с чем также трудно согласиться, ибо высокогорное озеро вряд ли может быть теплым. Из приводимых автором вариантов названия наиболее точно передает его фонетическое звучание написание *Джулукуль* (ср. тув. *Чүгүг-Хөл*).

В западном диалекте тувинского языка привлекают внимание следующие особенности, возникшие под влиянием алтайского языка и его диалектов.

В фонетике. В западном диалекте в некоторых указательных местоимениях вместо звука *ы*, характерного для литературного языка и других диалектов, выступает *а*; звук *к* вместо *х* выступает в литературном языке; звук *м* вместо *в* — в литературном языке и в других диалек-

тах. Такие фонетические чередования можно представить следующей сопоставительной таблицей:

В тувинском литературном языке	В западном диалекте тувинского языка	В алтайском языке	Перевод
ындыг ынчаар ынчангаш ынча ында	андыг анчаар анчалгаш анча анда	андый анайда — анча анда	'такой' 'так' 'поэтому' 'столько' 'там'
хадың хин хырын хырба эвес эвээш пөш	кадың кин қырын қырба эмес эмээш мөш	кайын' кин карын — эмес эмеш мөш	'береза' 'пуп' 'брюшина' 'клей' 'не' 'мало' 'кедр'

В лексике. В западном диалекте употребительны слова, бытующие в алтайском языке, но отсутствующие в литературном тувинском языке, где они замещены другими словами:

В тувинском литературном языке	В западном диалекте тувинского языка	В алтайском языке	Перевод
сыырткыыш куске боо кадыр күшкүл	хармак шышкан мылдык шалга сымына	кармак чычкан мылтык чалгы сымда	'крючок' 'мышь' 'ружье' 'коса' 'рябчик'

Лексемы западного диалекта (особенно в Кара-Холе), идентичные с алтайскими словами, Я. Ш. Хертек считает алтайскими заимствованиями (6, стр. 236). К таким словам относится, например, *айдаар*, являющееся вариантом слова *ай дээр* 'гнать (о скоте)' в литературном языке.

В морфологии. Зафиксированы следующие фонетико-морфологические особенности:

1) к словам с исходными сонорными *-м*, *-н*, *-ң* наращивается вариант аффикса исходного падежа *-нан*, *-нен* (с начальным *н*), например: *меннен* 'от меня' (лит. *менден*; 4, стр. 84). Аналогичный вариант аффикса исходного падежа существует в туба-диалекте алтайского языка, например: *күннен* 'от солнца' (1).

2) в западном диалекте (особенно в Кара-Холе) послелог *биле* 'с' слился с предшествующим словом, то есть фактически стал аффиксом орудного падежа, например: *аэтпла//аэтпыла* (<аэт биле) 'с конем', *киживиле* 'с человеком' (ср. в алтайском языке: *сениле* 'с тобой').

Сравнительный материал наглядно показывает, что в топонимии, фонетике, лексике и морфологии западного диалекта тувинского языка имеются сходные черты с алтайским языком и его диалектами, что уже отмечалось исследователями (2, стр. 215; 3). С другой стороны, в алтайских диалектах прослеживаются сходные с тувинским языком фонетические, лексические и грамматические явления, не ставшие нормами алтайского литературного языка:

В тувинском литературном языке	В туба-диалекте	В алтайском литературном языке	Перевод
оол кажан кускежик аттыг бистиң-биле	оол кажан күскечек аттыг пис пиле	уул качан чычкан аттуу бис ле	'парень' 'когда' 'мышь' 'с именем' 'с нами'

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в результате длительных этнических и языковых контактов в диалектах тувинского и алтайского языков сохранились адстратные явления, отражающие особенности их исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1965.
2. Г. Ф. Бабушкин. Предварительные данные по западному диалекту тувинского языка. — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. VIII, Кызыл, 1960.
3. Г. Ф. Бабушкин. Материалы по монгун-тайгинскому говору. — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. IX, Кызыл, 1961.
4. М. Б. Мартан-оол. Особенности речи населения Барун-Хемчикского района. — В кн.: «Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период», Кызыл, 1970.
5. О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
6. Я. Ш. Хертек. Некоторые особенности речи населения Кара-Холя. — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. XIV, Кызыл, 1970.

М. Р. ФЕДOTOV

РАБОТЫ З. ГОМБОЦА О БУЛГАРСКО-ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Выдающийся венгерский языковед Золтан Гомбоц (1877—1935) большую часть своих исследований посвятил древнейшим языковым отношениям венгров с приволжскими булгарами. Наиболее известны две его книги о тюркских заимствованиях в венгерском языке: первая (на венгерском языке) вышла в свет в 1908 году [1], а вторая (на немецком языке) — в 1912 году [2]. Изучение тюркокого влияния на венгерский язык, начавшееся еще в XVII веке, впоследствии развилось в самостоятельную отрасль венгерской исторической лексикологии. В XIX—XX веках появился целый ряд лексикографических работ, выполненных с применением сравнительно-исторического метода исследования тюркских, монгольских, финно-угорских и других языков огромного ареала Европы и Азии. Венгерские лингвисты, как правило, хорошо знали русский язык, что позволяло им широко пользоваться трудами русской школы востоковедения. Они овладевали также тюркскими и финно-угорскими языками жителей Поволжья и Перми, для того, чтобы в полевых условиях собирать богатый языковой, фольклорный и этнографический материал.

Венгерские языковеды второй половины XIX века много внимания уделяли выяснению того, какие именно тюркские языки оказали наибольшее влияние на венгерский язык.

З. Гомбоц по этому поводу писал, что за тысячелетие из различных тюркских языков в венгерский язык вошло около 700—800 слов. Причем самыми новыми из них были слова османо-тюркского происхождения, вошедшие в венгерский язык непосредственно из турецкого или при посредстве южнославянских языков. Он подчеркивал, что история кумано-печенежских заимствований неясна и лишь в отдельных случаях на основании фонетических и культурно-исторических признаков можно говорить о вероятности их куманского (кыпчакского) происхождения. И, наконец, к древнейшему пласту лексики принадлежат общевенгерские слова, заимствованные из языка волжских булгар [2, стр. V—VI].

Первая монография З. Гомбоца [1] состоит из следующих частей: предисловия, где указывается, что общевенгерские слова, заимствованные венграми из болгаро-тюркокого языка еще до обретения венгерским народом новой родины (до IX в.), составляют 222 единицы (стр. III—IV); библиографии (стр. 1—6); словаря (стр. 6—92); фонетики (§§ 1—72) с объяснением венгерско-тюркских соответствий на уровне вокализма и консонантизма (стр. 94—102); лексико-семантиче-

ской классификации заимствований (стр. 102—104) и указателя венгерских слов (стр. 105—108).

Второе издание [2] намного полнее и включает предисловие (стр. V—VII); список сокращений литературы и языков (стр. VIII—XVIII); обзор имеющихся работ (около 30 авторов, стр. 1—34); словарь (стр. 35—137); венгерско-тюркско-монгольскую сравнительно-историческую фонетику (§§ 1—771, стр. 138—185); этнолингвистические выводы, в том числе лексико-семантическую классификацию заимствований (стр. 186—208); приложения (стр. 207—224); дополнения (стр. 225—227); указатель венгерских (стр. 228—238), остальных финно-угорских (стр. 238—240), чувашских (стр. 240—242), других тюркских (стр. 242—248), монголо-маньчжурских (стр. 248—249) и индогерманских (стр. 250—251) слов.

Словарные части обеих монографий имеют существенные различия.

В первом издании [1] словарная часть составляет 330 единиц, тогда как во втором (немецком) издании к подаче и классификации венгерской заимствованной лексики З. Гомбоц подошел несколько иначе, оставив 227 слов, а еще 78 даны в виде приложения, причем автор отмечает, что последние венгерско-тюркские сближения, с его точки зрения, следует отвергнуть как ошибочные или невероятные [2, стр. 209]. Однако в число 78 входят еще 8 новых слов под №№ 17 (стр. 213), 19 (стр. 214), 43 (стр. 217), 63 (стр. 221), 71 (стр. 222), 74 (стр. 223), 77 (стр. 223), 78 (стр. 224) вместе с 70 словами из первого (венгерского) издания. Еще 8 слов З. Гомбоц приводит в виде дополнения, но три из них под №№ 3, 4, 7 фигурируют в основном словаре второго (немецкого) издания под №№ 51, 96, 124, а № 5 в первом издании вовсе отсутствует. Таким образом, во второе издание включено приблизительно 230 слов, составляющих наиболее надежный пласт общевенгерских заимствований из языка волжских болгар. Добавив к этому числу 70 слов из приложения, получим цифру 300. Таким образом, З. Гомбоц из первого издания перенес во второе 300 слов (исключив 30 слов). Однако последние слова рассматриваются в этимологическом словаре венгерского языка [3]. Но тем не менее З. Гомбоц ко второму (немецкому) изданию своей монографии подошел с большей осторожностью, тщательно изучив русскую литературу по данной и смежной тематике.

В своих выводах о древнечуваших заимствованиях, вошедших в венгерский язык до 830 года н. э., то есть за два столетия до появления первого языкового памятника (58 венгерских выражений на латинском языке), З. Гомбоц отмечал, что источником чувашских заимствований венгерского языка был язык чувашской формы с существенными признаками пратюркского языка. В то же время надо подчеркнуть, писал он, что эта языковая форма непосредственно не сохранилась, за исключением заимствований в венгерском языке [2, стр. 187]. Иными словами, между доисторическим мертвым и живым чувашским языком должна была, по-видимому, существовать какая-то промежуточная форма, некая часть которой вошла в венгерский язык в виде так называемых болгарско-тюркских заимствований, а другая — в современный чувашский язык. Таким образом, для З. Гомбоца приведение архетипов как для венгерских заимствований, так и для чувашского языка было обязательным условием.

Остановимся на наиболее важных фонетических особенностях доисторических болгарско-тюркских заимствований в венгерском языке.

1. **Ротацизм.** О точке зрения З. Гомбоца на чувашско-монгольский ротацизм в инлауте и ауслауте, в противоположность соответствующему этим позициям тюркскому зетацизму, можно судить по восстанавливаем-

мым им древнечувашским, а также живым тюркским, чувашским и монгольским формам. Вот некоторые примеры (порядковые номера приводятся согласно оригиналу).

32. венг. *borjú* < др.-чув. *bugayu, ср. осм. *buzagu*, чаг. *bozagu*, *bozau* и др.; чув. *пӑру*, монг. *biγayu* 'двухгодовалый теленок' [2, стр. 51];

102. венг. *ikĕg* < др.-чув. *ikig, ср. др.-тюрк. *äkiz*, осм. *ikiz*, *äkiz* и др.; чув. *йĕкĕр*, монг. *ikige*, *ikere* 'близнецы, двойня' от тюрк. *iki*, *igi*, *äki* 'два' [2, стр. 86—87];

104. венг. *ig* < др.-чув. *yg-, ср. осм. и др. *jaz*-, чув. *сыр*, монг. *žigu* 'очертить, проводить линию' [2, стр. 87—88];

153. венг. *ökög* < др.-чув. *öküg, ср. осм. *öküz*, чаг. и др. *ögüz*; чув. *вӑкӑр*, монг. *üküg*, *üker* 'бык, корова', 'крупный рогатый скот' [2, стр. 111];

160. венг. *ság* < др.-чув. *šag, ср. др.-тюрк. и др. *saz*; чув. *шур*, монг. *šaguk* 'осадок, отстой; отбросы' [2, стр. 113];

203. венг. *térd* < др.-чув. *tig, ср. др.-тюрк. *tiz*, осм. *diz*; чув. *чёр* 'колено' [2, стр. 129], монг. *турий* 'голенище'.

На фоне приведенных венгерско-тюркско-чувашско-монгольских достоверных сближений нижеследующий пример обретает реальную силу:

202. венг. *tengĕr* < др.-чув. *tängir, ср. уйг. *tängiz*, осм. *dāñiz*; чув. *тинĕс*, монг. *təŋγiz* 'море' (-s вместо ожидаемого -r), вероятно, позднее заимствование из какого-то тюркского языка [2, стр. 128—129].

2. Ламбдаизм. Для иллюстрации венгерско-чувашско-монгольского ламбдаизма З. Гомбоц ни одного общего для этих языков примера не приводит, но отмечает, что орхонскому, османскому, казанскому и т. д. ин- и ауслаутному -š- в чувашском и монгольском во многих случаях соответствует -l-: каз. *йомыш* 'дело' ~ чув. *çăмӑл*; каз. *кыш* 'зима' ~ чув. *хӗл*; орх., осм. *taš* 'камень' ~ чув. *чул* ~ монг. *čilaγun*, бур. *čölü*; осм. *tawšap*, орх. *tabušγan* 'заяц' ~ монг. *taulai*, ср. др.-монг. *thapɪga*, *thabɪga*; осм. *āšāk* 'осел' ~ монг. *eɮci-γen* [2, § 68, стр. 179].

З. Гомбоц не приводит ни одного венгерского слова с признаком ламбдаизма, но в словаре под № 40 стоит венгерское *bölcső* 'колыбель', возводимое к др.-чув. *bišiy, ср. осм. *beşik*, наг. *bişik* 'колыбель, люлька' [2, стр. 54].

Такая древнечувашская праформа выглядит странно, ибо, как подчеркивает сам автор, ротацизм и ламбдаизм, будучи параллельными явлениями, были свойственны еще древнечувашскому языку. Однако Н. Н. Поппе к реконструкции архетипа подходит несколько иначе, нежели З. Гомбоц: тюркское -š- в некоторых случаях возводит к -lč-; венг. *bölcső* = тат. *bišäk* < *belčäk, ср. як. *biliä*- 'качать, баюкать' [5, т. 18, № 2, стр. 140], а также чув. *пелче* 'пеленка'.

Г. Дёрфер также отмечает противоречивость реконструкции З. Гомбоца. С его точки зрения, венгерское слово *bölcső* (более древняя форма *belcső*), должно восходить не к *bišiy, а к *belzig [12, стр. 275].

Относительно возникновения болгаро-тюркских заимствований в венгерском языке З. Гомбоц писал, как уже отмечалось, что ротацизм и ламбдаизм были, по-видимому, параллельными явлениями: там, где чувашско-монгольское *ɾ* выступает на месте исконного *z*, чувашско-монгольское *l* замещает не глухое *š* (и без того имевшееся в древнечувашском; см. § 65), а исконный (тюркско-монгольский) звонкий сибиллянт *ž, который во всех тюркских языках (кроме, разумеется, чувашского) прошел тот же путь, что и исконный инлаутный *š (ср. *Сетяля*, FUF II, 273) [2, стр. 179].

Теория З. Гомбоца сводится к следующему: 1) переход *z* > *ɾ* (ротацизм); 2) *ž > *l* (ламбдаизм) являются специфическими древнечуваш-

скими признаками. В этом отношении чувашский и монгольский языки прошли общий путь развития. Автор, не касаясь вопроса монгольско-тюркских языковых отношений, полагал, однако, что древнечувашский язык в фонетическом отношении является связующим звеном между монгольской и тюркской группами языков [2, стр. 188].

Таким образом, ротацизм и ламбдаизм как фонетические явления существовали еще в древнечувашском языке, из которого доисторические венгры, задолго до занятия ими новых земель за Дунаем, черпали свои заимствования.

В появившемся через десять лет после книг З. Гомбоца исследовании Г. И. Рамстедта происхождение ротацизма и ламбдаизма в чувашском, монгольском, тунгусо-маньчжурских языках рассматривается под иным углом зрения. Этот автор уже отрицает общий путь или одновременность систематического перехода тюрк. $\xi >$ чув., монг., тунг. l или тюрк. $z >$ чув., монг., тунг. r . Древние тюркские заимствования в венгерском, как и современный чувашский язык, писал Г. И. Рамстедт, показывают l и r . В то время, примерно в VIII веке и намного позже, предки монголов, тогдашние татарские племена, жили на реке Онон, в верховьях Амура и в Маньчжурии. Если между чувашами и монголами и существовали близкие контакты, то они должны быть отнесены на несколько столетий вглубь истории [6, стр. 28].

Не соглашаясь с прежними взглядами (В. В. Радлов, З. Гомбоц, Сетяля и др.), Г. И. Рамстедт выдвинул положение о том, что в алтайском праязыке, в зависимости от качества поствокала, имелись два типа проточных (liquid). Наряду с l и r , выступавшими между непалатальными гласными, i предшествовали палатализованные l' и r' . Первые теперь везде представлены как l и r ; вторые также совпали с ними, кроме, однако, тюркского языка, всецело охваченного палатализацией, приведшей к $-š-$ ($<*-l'-$) и $-z-$ ($<*-r'-$). Чувашский язык, являющийся наследником древнебулгарского языка, сегодня показывает, что болгарский еще до $-š-<*-l'-$ и $-z-<*-r'-$ географически обособился от тюркской языковой общности [7, § 54, стр. 103].

По-разному подходу к проблеме ротацизма и ламбдаизма, и З. Гомбоц, и Г. И. Рамстедт тем не менее в своих трудах [1, б. 7] принимают за точку отсчета пратюркский $r-/l$ -язык, от которого далее идут уже болгарский и чувашский языки.

Проблема ротацизма и ламбдаизма до конца не решена. В связи с этим Г. Дёрфер замечает: «Я не уверен, что эта проблема когда-нибудь будет решена... Нам нужно ждать обнаружения древних текстов тысячного года до н. э. Поскольку их нет, а надежда обнаружить их маловероятна, то проблема остается нерешенной» [12, стр. 275].

Протеза в- Булгарско-тюркских заимствований с протезой *в-* в венгерском языке мало. В книге З. Гомбоца они представлены в Приложении, где, согласно автору, приводятся сомнительные тюрко-венгерские сближения:

76. венг. *vályú* < чув. *валак, волак*, каз. *улак* 'желоб, лоток; колода; кормушка' [2, стр. 223];

77. венг. *vérs* 'состязание' < чув. *вәрçә*, каз. *орыш* 'ругань, ссора, война' [2, стр. 223];

78. венг. *vék* < чув. *вакә* 'прорубь', чаг. *ögü*. Сближение Б. Мункачи чув. *вакә* с чаг. *ögü* одобрить нельзя, поскольку пратюрк. анлаутное *ö* в чувашском замещается *ви-*, *вә-*. Отношение чув. *вакә* (< др.-чув. **vāki*) к каз., миш. *бәке*, кар.-мрд. *вәке* еще не выяснено [2, стр. 224].

Дискуссии о протетическом согласном *в-* касаются главным образом его древнего происхождения и наличия в волжско-булгарских памят-

никах (эпитафиях). По этому вопросу высказано немало интересных предположений [4, стр. 17—19, 21—24, 161—165]. Следует отметить, что на месте древнетюркского *ö* в чувашском выступает не только *ви-, вӑ-,* как писал З. Гомбоц, но также *ва-, вы-:* чув. *ват* ~ др.-тюрк. *öt* 'желчь', чув. *вар* ~ др.-тюрк. *öz, öb* 'сердцевина, нутро', чув. *вӑкӑр* ~ др.-тюрк. *öküz, ögüz* 'бык, вол' и др.

Что касается *vályú* (№ 76), то для этих сближений в тюркских и финно-угорских языках М. Ряснен восстанавливает праформу *oyluk: чяг. *oyluk* 'канавка, желоб' [11, стр. 357 b]. Маргит Палло, возражая З. Гомбоцу, доказывает, что протеза *в-* в чувашском развилась задолго до IX века [10, т. XII, стр. 42]. Примечательно, что Г. Дёрфер волжско-булгарские числительные «10», «30», «3» приводит с протезой *в-:* *вон, вотор, вич* [12, стр. 299, 307].

Рассматривая слово *vék* (№ 78), З. Гомбоц отношение чув. *вакӑ* к тат. *баке*, и в целом родство приводимых им сближений, ставит под сомнение. К приведенным формам следует добавить еще марГ. *вакы*, марЛ. *ваке* 'прорубь' являющиеся прямыми заимствованиями из чувашского языка.

На наш взгляд, факт заимствования венгерским языком древнечувашских слов с протетическим *в-* сомнению не подлежит, не говоря уже о многочисленных подобных заимствованиях в марийском языке.

Остановимся на чувашском анлаутном *ś* (орф. *š*) и его отражении в венгерском и восточных финно-угорских языках. Чувашские слова с анлаутным *ś* и их венгерские и тюркские соответствия достаточно полно представлены в труде З. Гомбоца:

венг. *gy-* = пратюрк. *j-* = чув. *ś;* венг. *gyalom*, ср. каз. *жылым*, миш. *йылым*, чув. *сылём* 'невод'; венг. *gyerta*, ср. алт. *jarta*, чув. *сурта* 'свеча'; венг. *gyom*, ср. алт. *joŋ*, чув. *сум* 'сорная трава'; венг. *gyúg*, ср. уйг., осм. *joŋuŋ*, чув. *сӑр* 'месить' (и еще тринадцать подобных сближений. — М. Ф.);

венг. *sz-* (? *s-*) = пратюрк. *j-* = чув. *ś;* венг. *szél*, ср. уйг., осм. *jäl*, чув. *сил;* венг. *szőlő*, ср. каз. *жиләк*, чув. *сырла;* венг. *szűcs*, ср. каз. *жӱй*, чув. *сӗвӗсе* < *сӗв* 'шов'. (Слов с начальным чув. *с-*, соответствующим венгерским *gy-* и *sz-*, у З. Гомбоца насчитывается более сорока).

Такое двойное замещение в венгерском можно объяснить лишь тем, что оно отражает древнечувашские диалектные различия. Очевидно, в одной части языкового ареала пратюркское *j-* перешло в *d'ž'*, а в другой — в *ś*. Это предположение подкрепляется следующими вариантами венгерскими формами: венг. *gyüğü* 'кольцо' ~ *szüğü, szénü* 'ток', ср. осм. *jüzük*, каз. *йозек*, чув. *сӗрӗ* 'кольцо, перстень'; венг. *gyüptölcs* 'фрукт' ~ *széptölcs* 'сосок, бородавка', ср. осм. *jämiš*, каз. *йимеш*, чув. *симӗс* 'плод, фрукт' [2, стр. 180].

Сравнивая тюркские заимствования с начальным *j-* в венгерском, а также в мордовском, марийском и пермских финно-угорских языках, З. Гомбоц установил, что первые в венгерском передаются двойко: через *sz-* [таких слов всего пять: *szél* (182), *szemölcs* (183), *szénü/szérő/szüğü* (185), *szőlő* (192), *szűcs* (194), где венг. *sz-* < др.-чув. **ś-* > чув. *ś-* = орф. *с-*] и через *gy-* (их много, где венг. *gy-* < др.-чув. **ž-* > чув. *ś-*), тогда как в мордовском и пермских финно-угорских языках оно передается через *š-*, а в черемисском — через *s-* и *š-*. Исходя из этого, З. Гомбоц пришел к выводу о существовании двух диалектов болгарского языка: *ś-* диалекта, прямым продолжением которого является чувашский язык, и *ž-* диалекта, единственными языковыми памятниками

которого являются болгарские заимствования в венгерском языке [2, стр. 207—208; 14, ч. II, стр. 51—52].

Маргит Палло, исследуя эту же проблему, установила, что в процессе венгерско-чувашских контактов имели места два случая замещения тюркского *дж*-образного звука: в первый раз (на Уральской прародине?) наличным финно-угорским *ś* (>*sz*), а во второй раз (в процессе миграции) — *gy* [9, XXXIII, стр. 135].

Н. И. Ашмарин еще раньше, нежели З. Гомбоц, отметил, что «даже в таких древних заимствованиях из „чувашского“ языка, каковы, например, заимствования, сделанные мадьярами, начальнѣй тюркскій *j* уже передавался неодинаковыми звуками, это доказывается, например, словами: *gyüñi* ‘кольцо’ ~ чув. *çĕrĕ*, *gyékĕny* ‘палочник’ ~ чув. *çakan*, *szőb* ‘изюм’ ~ чув. *сырла*, *szel* ‘ветер’ ~ чув. *çил...*». Однако Н. И. Ашмарин считал, что «венгерские формы *gyüñi* и *gyékĕny* доказывают прямо, что эти чувашские речения сперва начинались одним и тем же звуком. Таким образом, начальное *c'* в чувашском *çĕrĕ* ‘кольцо’, очевидно, развилось позднее и передавалось у мадьяр согласным *gy* (*ð'*), так как древнее чувашское начальное *c'* выражалось мадьярами другим звуком — *sz* (= русск. *c*), как видно из указанных выше слов *szőilő* и *szél*» [13, стр. 47].

З. Гомбоц был верен себе, считая, что венгерский язык почерпнул из болгарского языка два типа заимствований: 1) с начальным др.-чув. *ś- и 2) с начальным др.-чув. *ž-, характеризовавших два диалекта болгарского языка [2, стр. 202—203, 207—208].

З. Гомбоц исследовал и проблему так называемых «монгольских заимствований» в венгерском языке, непосредственно относящуюся к алтаистике.

Г. Прай (Georg Pray) в своей диссертации (1775) впервые привел венгерско-чувашские и венгерско-монгольские сближения, хотя он, как и некоторые историки и языковеды XVIII века, чувашский язык считал языком финским [2, стр. 11—13]. Штефан Хорват (Stefan Horvát) первым обратил внимание на то, что в некоторых случаях монгольская форма стоит ближе к венгерской, нежели тюркская: венг. *ökög*, тюрк. *öküz* — монг. *üker*, венг. *iker*, тюрк. *ikis* — монг. *ikiri* [2, стр. 19—20]. Габриел Балинт (Gabriel Bálint) в своей брошюре, пишет З. Гомбоц, пытается доказать ни больше, ни меньше, как ближайшее венгерско-монгольское родство... Эта курьезная книжка обратила внимание Буденца на этот интересный вопрос, и он в *Нук XX, XXII* привел список слов, «точное соответствие которых подтверждается особенно в восточноазиатских языках». Идет ли речь в этих случаях о непосредственных монгольских заимствованиях, Буденц этого не утверждает, он, наоборот, склонен, кажется, считать созвучные монгольские и венгерские слова заимствованиями из третьего языка, то есть древнеболгарского [2, стр. 29—30]. В статье «Монгольское в венгерском» Зигмунд Шимони (Siegmond Simonyi) решительно заявил о «монгольских заимствованиях» (FUF I, 126), полагая, что древние венгры в продолжение какого-то времени были соседями одного из монгольских народов, поскольку можно обнаружить точное соответствие некоторых венгерских слов в монгольских языках [2, стр. 30].

Однако З. Гомбоц категорически возражает против этого. Как прародину венгров, так и финно-угров, пишет он, следует искать, несомненно, в Европе, а не в Азии. Прямым доказательством правильности этой точки зрения является наличие в финно-угорских языках арийских заимствований. В таком случае непосредственные контакты между монголами и венграми ни в историческое, ни в доисторическое время немислимы [2, стр. 30].

Чтобы устранить эти затруднения Бернгард Мункачи (Bernhard Munkácsi), по мнению З. Гомбоца, выдвинул новую теорию о «монгольских элементах» в венгерском языке. Отрицая непосредственные венгерско-монгольские контакты, он считает, что слова, о которых идет речь, в венгерский язык попали скорее всего благодаря содействию тюркского языка, иначе говоря, «того тюркского языка, который характеризуется чувашскими фонетическими особенностями... из которого происходят также многие другие заимствования в венгерском языке» (Hunnische Sprachdenkmäler im Ungarischen, KSz II, 193)... В язык угуров (= древнебулгарский. — М. Ф.), появившихся первыми на европейской границе и составивших западный авангард тюрков, могли внести элементы монгольского языка (далекого восточного члена алтайской языковой семьи) только гунны (там же, стр. 196).

И, наконец, мнение самого З. Гомбоца относительно «монгольских заимствований»: тот факт, что во многих случаях монгольская форма стоит гораздо ближе к венгерской, получает удовлетворительное объяснение благодаря древнебулгарско-монгольскому языковому соотношению, то есть парциальным соответствиям, характерным как для монгольского, так и для древнебулгарского (и чувашского) форм, их отношению к общетюркскому типу [2, стр. 34; §§ 52 (стр. 167), 67 (стр. 178), 68 (стр. 179)].

Работа З. Гомбоца насыщена богатейшим языковым материалом. О ней написано немало, причем преобладают положительные оценки. Однако в последнее время ее достоинства в той или иной форме ставятся под сомнение. На наш взгляд, это происходит по двум причинам. Первую из них сформулировал М. З. Закнев: «З. Гомбоц в орбиту своего исследования не включает татарский и башкирский разговорные языки, которые формировались на территории, занятой когда-то волжскими булгарами... Так, З. Гомбоц почти каждое выбранное слово сравнивает не с реально существующим чувашским словом, а с реконструированным им самим словом, которое он называет старочувашским... Большинство приведенных З. Гомбоцом слов, называемых им старочувашскими, совпадает со словами тюркского языка огузо-кыпчакского типа, в частности, со словами татарского языка. Если бы З. Гомбоц в своем исследовании оперировал и татарским языком, то он бы это легко заметил и сделал вывод о том, что старочувашский и, следовательно, болгарский языки представляли собой языки огузо-кыпчакского типа. Однако он сравнивал специально отобранные тюркские заимствования в венгерском языке лишь с созданными им весьма условными старочувашскими словами и, естественно, пришел к выводу о близости болгарского и старочувашского языков» [15, стр. 37—38].

Упрек в том, что в монографии З. Гомбоца нет материалов башкирского и татарского языков, думается, не основателен. В списке литературы по башкирскому языку имеются два источника, в том числе «Башкирско-русский словарь» В. Катаринского (Оренбург, 1899), а по татарскому языку — три, в том числе «Словарь казанских татар» Габора Балинта (Будапешт, 1877), «Татарско-русский словарь» Остроумова (Казань, 1892), «Русско-татарский словарь» Воскресенского (Казань, 1894), а также ряд капитальных тюркских словарей Л. Будагова, В. В. Радлова и других. В работе З. Гомбоца в качестве примеров даны слова не только из литературного казанско-татарского языка (у него kas. = kasan-tatarisch), но и диалектные, а значит и разговорные формы из мишарского (Mischer-Dialekt), барабинского (Baraba-Dialekt) диалектов.

Утверждая, что З. Гомбоц «почти каждое выбранное слово сравнивает не с реально существующим чувашским словом, а с реконструированным им самим словом, которое он называет старочувашским» [15, стр. 37—38], М. З. Закиев имеет в виду те древнечувашские реконструкции З. Гомбоца, которые «совпадают со словами тюркского языка огузо-кыпчакского типа, в частности, со словами татарского языка» [15, стр. 38].

Однако мнение З. Гомбоца по данному вопросу сводится вкратце к следующему.

В чувашских многосложных словах ауслатные *-k* и *-g* после гласных выпали: чув. *çăмха* ~ каз. *йумуак* 'колобок, моток' и т. д. Не подлежит сомнению, что это относительно новое явление, но в древнечувашском эти *-k* и *-g* в большинстве случаев существовали в качестве спиранта, что подтверждается древнечувашскими заимствованиями в венгерском языке [2, § 57 стр. 170].

В венгерском языке мы находим два типа замещений. В большинстве венгерских слов первоначальные *-ak*, *-ag*, *-äk*, *-äg*, *-ik*, *-ig*, *-uk*, *-ug*, *-uk*, *-ug*, *-ük*, *-üg* замещаются гласными *-ó*, *-ü* (>*-u*) или *-õ*, *-ü* (*-ü*).

Данный долгий лабиальный гласный произошел из дифтонга (то есть гласного + *γ*) в историческую эпоху венгерского языка:

др.-чув. *-ау* (<праторк. *-ak*, *-ag*) > венг. **-ау* > *ó*: *borsó* < **burçau*, ср. осм. *burçak*, чув. *пăрçа*; венг. *tipó* < **tupaγ*, ср. осм. *dana*, каз. *тана*, чув. *тына* и т. д.;

др.-чув. *-äу* (<праторк. *-äk*, *-äg*) > венг. **-еу* > *ö*: *sörgö* < **çörgäу*, ср. каз. *чүпрә*, чув. *çăпре*; венг. *ünő* < **inäу*, ср. осм., уйг. *inäk*, чув. *ёне* и т. д.

Таким же образом на многочисленных примерах иллюстрируются конечные венгерские гласные, восходящие к др.-чув. *-iу*, *-уу*, *-uу*, *-üу* [2, § 58, стр. 170—172].

Ко второй группе замещений относят одно- и многосложные слова, в которых первоначальное ауслатное *-k* в венгерском передается через *-k* или *-g*: венг. *tyúk*, ср. чаг. *taуuk*, чув. *çăхă*; венг. *szunyog* < **syуuk*, ср. осм. *sinäk*, чув. *шăна* и другие.

З. Гомбоц признавал, что среди приведенных им слов некоторые являются, пожалуй, более поздними заимствованиями из команского (кыпчакского) языка, а другие едва ли могут быть сближены с приведенными тюркизмами (венг. *süveg*, ср. ? чув. *çăлĕк*, чаг. *jäläk*; венг. *tu-
lok*, ? ср. чаг. *tuguk*) [2, § 60, стр. 173].

Вторая причина сомнения в правоте З. Гомбоца несколько иного рода. Ставя вопрос о гомогенных явлениях в венгерском и чувашском языках, Г. Корнилов считает, что даже среди древнечувашских слов с признаками ротацизма и ламбдаизма, «единогласно признанных самыми надежными, многие вызывают дополнительные, отнюдь не радужные, размышления», иначе говоря, «являются ли подобные булгаризмы (чувашизмы) венгерского языка таковыми и в славянских, романских и других европейских языках или речь должна идти об общих заимствованиях в венгерский и болгаро-чувашские из третьих источников?». Во втором случае, пишет он, «ставится под сомнение сама (более двух столетий активно разрабатываемая) проблема былых сепаратных гунно-болгаро-чувашско-венгерских этно-глоттоконтактов» [16, 1982, № 1, стр. 54—55].

Это замечание, не основанное на методах сравнительно-исторического языкознания, нуждается в более аргументированных доказательствах. В другом месте Г. Корнилов пишет: «Нуждаются в уточнениях и некоторые чувашизмы в венгерском выявленные еще З. Гомбоцем. Не-

пример, совр. венг. bögöly 'овод, слепень' он возводил к древне-чувашискому архетипу *bügel, из которого выводил совр. чув. паван, поан, пуан 'овод, слепень' [16, 1982, № 1, стр. 56].

Верно, что З. Гомбоц приведенную венгерскую форму возводил к др.-чув. *bügäl (но не *bügel) и сравнил ее с осм., кирг., башк., каз. формами, но он из нее не «выводил совр. чув. паван, поан пуан». Такое сближение было сделано Мункачи, который к чув. паван, поан привел тел. rököp: rököpök 'комар', монг. бүкүне 'комар'. Венгерское слово bögöly (<bögöl) следует возводить к тюрк. bügäl (без суффиксов диминутива -ik, -äk, -ök или -çän, -sän) [2, стр. 53—54].

Нуждается ли «в уточнениях» данная словарная статья З. Гомбоца? «Нам, — пишет Г. Корнилов, — представляется более убедительным венгерскую основу сравнивать с чув. пёкё(р)л(чен) — название для различных крылатых насекомых с согнутым туловищем, кусающих домашних животных, образованным от рефлексива пёкёрёл- 'сгибаться, гнуться, изгибаться; горбиться, скрючиваться'» [16, 1982, № 1, стр. 56]. Не вызывает сомнения, что пёкёрёлчен и пёкёрёл- родственны, этимологом их является пёк- ~ др.-тюрк. бүк- 'пригибаться, сгибаться' (по Г. Корнилову «чистый имитатив»): бүк-ül (страд. от бүк-) 'быть согнутым'. Но в чувашском языке слово пёкёрёлчен не обозначает крылатое насекомое. Слово это вообще-то существует, но с другим значением: «горбатенький, горбунок», переносно — «серп» (Пёчёрёсçе пёкёрёлчен пётём хире пётерет 'Маленький горбатенький все поле пробежал'). Его синонимы: пёкёрчен, пёкёрчёк, пёкёс, пёккёрс, пёккёрч со значением «горбатый, сутулый, сгорбленный» [17, X, стр. 191]. Возможно, что в некоторых чувашских говорах Башкирии слово пёкёрёлчен употребляется в значении «овод, слепень», но и тогда лишь в заимствованной из доминирующих соседних тюркских языков форме: тат. бөгәлчән, башк. бөгәлсән, которые к стати, не без основания приведены З. Гомбоцом.

Что касается чув. паван (пав-ан — причастная форма) 'овод, слепень', то его этимология ясна, ибо -в корня соответствует -к/-г вполне прозрачных тюркско-монгольских жорней бүйг-/бүйк-/бүйй-/бүйв-~ бөк-~ пөк-~ чув. пёв-/пав-, ср. др.-тюрк. бөк- 'запруживать, перекрывать'~ тат. диал. бөйә 'прудить' (тат. лит. буа буу 'пруд прудить')~ туркм. бөвемек 'загораживать, преграждать, прудить'~каз. бөгө 'плотина'~ чув. пёв-е 'пруд, запруда; прудить'; осм., туркм. бүйгі, бүйгү, бүй јү, бүй і 'магия, колдовство' [18, IV, 1883]~чув. пав-: куш паван (пав-акан) 'очаровывающий'>'колдун' и др. Так что тюркско-венгерские сепаратные глоттоконтакты пока особой тревоги не вызывают.

Семьдесят лет отделяют нас от времени выхода в свет второго издания монографии З. Гомбоца «Булгароко-чувашиские заимствования в венгерском языке». Главная цель автора, стремившегося к тому, чтобы «результаты этих исследований реализовать в венгерской и тюркской исторической фонетике», им достигнута. Работа З. Гомбоца, вне всякого сомнения, выдержала испытание временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zoltán Gombocz. Honfoglaláselötti török jövevényszavaink. Budapest, 1908.
2. Zoltán Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.
3. «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára». Akadémiai kiadó. Budapest, 1967 (I), 1970 (II), 1976 (III).
4. М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. I. Чебоксары, 1981.

5. «Central Asiatic Journal (International Periodical for the language, literature, history and archeology of Central Asia)». The Hague — Wiesbaden.
6. *G. J. Ramstedt*. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwaschischen. Helsinki, 1922.
7. *G. J. Ramstedt*. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
8. «Диалектологический словарь татарского языка». Казань, 1969.
9. «Ural-Altäische Jahrbücher». Wiesbaden.
10. «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest.
11. *Martti Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
12. *Gerhard Doerfer*. Khalaj Materials. Bloomington, 1971.
13. *Н. И. Ашмарин*. Болгары и чувашы. Казань, 1902.
14. *М. Р. Федотов*. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I (1965); ч. II (1968), Чебоксары.
15. «Вопросы татарского языкознания». Казань, 1978.
16. «Советское финно-угроведение». Таллин.
17. *Н. И. Ашмарин*. Словарь чувашского языка. I—XVII, Казань—Чебоксары, 1928—1950.
18. *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий. I—IV, СПб., 1888—1911.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- FUF — Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki.
 NyK — Nyelvtudományi Közlemények. Budapest.
 KŞz — Keleti Szemle. Budapest.
-

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Р. БЕРДИБАЕВ

ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Казахское литературоведение и фольклористика как самостоятельные отрасли науки стали развиваться после Великого Октября, в период культурной революции и языкового строительства в Казахстане.

В 20—30 годах выходит в свет ряд монографических работ по истории казахского устного народного творчества и литературы. В их числе «История литературы» М. Ауэзова (1927), «Казахская литература» С. Сейфуллина (1932), «Казахская литература XX века» С. Муканова (1932), различные учебники по казахской литературе для средней школы.

В 40—50-е годы тематика литературоведческих исследований значительно расширилась. Были изданы такие работы, как «Очерки истории казахской литературы XVIII—XIX веков» (1942) С. Муканова, «Вопросы истории казахской литературы и язык поэзии Абая» Х. Жумалиева, «Демократическая литература казахского народа начала XX века», «Поэтическое мастерство С. Торайгырова» Б. Кенжебаева, «Казахская советская литература», «Акыны» Е. Иомайлова, «Абай Кунанбаев», «Мысли разных лет», «Время и литература» М. Ауэзова, «Пути нашего развития», «Яркие звезды» С. Муканова, «Жизнь и поэзия» А. Тажибаева, «Становление социалистического реализма в казахской прозе», «Мировоззрение и мастерство» М. Каратаева, «Устное народное творчество казахского народа» М. Габдуллина и др.

Можно сказать, что в 20—50-е годы усилиями старшего поколения казахских ученых были заложены основы национальной фольклористики и литературоведения. Главные итоги их деятельности вкратце могут быть сформулированы следующим образом. Ими было исследовано творчество писателей демократического направления XVIII, XIX и начала XX вв.; изучено творчество виднейших представителей казахской советской литературы; произведена жанровая классификация казахского устного народного творчества, охарактеризованы наиболее ценные ее образцы; написаны монографические работы о жизни и творчестве выдающихся писателей и поэтов: Абая Кунанбаева, Бухара Калкманова, Махамбета Утемисова, Ибрая Алтынсарина, Чокана Валиханова, Султанмахмута Торайгырова, Джамбула Джабаева; созданы стабильные учебники и хрестоматии по литературе, фольклору, теории литературы; изданы сборники литературных и фольклорных памятников; опубликованы исследования по стилистике, языку художественной литературы, стихосложению и другим аспектам поэтики; изданы в переводе на русский язык антологии казахской поэзии, сказки, эпос; созданы коллективные труды по истории казахской дореволюционной литературы, фольклора и советской литературы.

В основу статьи положен доклад автора на IX пленарном заседании Советского комитета тюркологов в марте 1983 года в Москве.

Первыми исследователями и критиками литературного и фольклорного материала были основоположники казахской советской литературы С. Сейфуллин, М. Ауэзов, И. Джансугуров, С. Муканов.

С середины тридцатых годов происходит постепенная дифференциация исследований проблем истории литературы и фольклора, специализация ученых.

Много труда и знаний отдали изучению казахской литературы и фольклора видные русские писатели и ученые (Л. С. Соболев, А. С. Орлов, М. И. Ритман-Фетисов, Н. С. Смирнова, М. С. Сильченко, З. С. Кедрина).

Результатом многолетних изысканий казахских литературоведов явилась шеститомная «История казахской литературы» (1962—1968), подготовленная коллективом Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Первый том этого капитального труда был посвящен устному народному творчеству. В нем впервые была достаточно полно отражена история собирания и исследования казахского фольклора, подробно рассмотрена бытовая и обрядовая поэзия, в том числе бытовые, религиозно-обрядовые, семейно-обрядовые, скорбные, лирические песни и песни-потешки. Впервые также был дан анализ народного казахского ораторского искусства. В диахроническом аспекте рассмотрены сказки. Отдельные главы тома посвящены героическому и лирическому эпосу, историческим песням, айтысам, трудовым песням, загадкам, пословицам и поговоркам. Конкретностью и добротностью отличается анализ эпических произведений «Алпамыс-батыр», «Кобланды-батыр», «Ер-Таргын», «Камбар-батыр», «Козы-Корпеш — Баян слу», «Кыз-Жибек», «Айман-Шолпан», исторических песен.

Второй том посвящен казахскому устному народному творчеству советского периода. Здесь были рассмотрены такие проблемы, как взаимоотношение фольклора и литературы, словесного и музыкального фольклора. В специальных главах было проанализировано творчество виднейших акынов советского времени.

Третий том шеститомника посвящен литературе XVIII—XIX веков.

Вопросы истории казахской литературы начала XX века составляют содержание четвертого тома.

Пятый и шестой тома посвящены литературе советского периода, тенденциям ее развития, процессам жанрового обогащения, творчеству выдающихся ее представителей. Здесь же рассмотрены особенности развития казахской советской литературы и закономерности этого развития, соотношение формы и содержания в художественных произведениях, партийность и народность литературы, традиции и новаторство, идейно-художественные тенденции и т. д. Специально освещаются вопросы развития современного казахского литературного языка и интернациональных связей казахской литературы.

В трех томах «История казахской литературы» была издана и на русском языке (1968—1979). Следует отметить, что процесс становления молодой литературоведческой науки в Казахстане был не всегда гладким. Наряду с тенденцией идеализации отдельных литературных фактов прошлого, немало вреда марксистскому литературоведению нанесли и приверженцы вульгарного социологизма. Однако здоровые силы литературоведов и критиков республики преодолели все трудности, и литературная наука в Казахстане вышла на широкую и прямую дорогу марксистско-ленинского литературоведения.

В 60-е и 70-е годы казахское литературоведение и фольклористика вступила в новый этап своего развития, который характеризуется в пер-

вую очередь углублением проблематики исследуемых вопросов.

Одним из достижений современной литературоведческой науки Казахстана является изучение и введение в научный обиход ранее не исследованных этапов истории казахской литературы. Так, объектом изучения стало творчество акынов и жырау XV—XVIII веков, благодаря чему читатель получил доступ к прекрасной поэзии таких жырау, как Казтуган, Асан, Шалкииз, Доспамбет, Маркаска, Жиенбет, Татикара и др. Монография М. Магауина «Кобыз и копье» удревнила историю письменной казахской литературы на целых три столетия. Исследователями были охвачены некоторые литературные памятники V—XV веков, являющиеся общим достоянием ряда тюркоязычных народов.

Заметно увеличилось число трудов, посвященных казахской советской литературе, отдельным ее жанрам: идейно-художественным особенностям казахского романа и его развитию, состоянию современной драматургии и т. д.

Углубленное изучение литературных источников и памятников позволило казахским исследователям выдвинуть и обосновать новые концепции о генезисе и развитии тех или иных художественных жанров. До недавнего времени считалось, что до революции литературной критики у казахов не существовало. Однако исследования показали ошибочность этой точки зрения, более того, были даже выявлены ее жанровые особенности.

В современном казахском литературоведении объектом изучения стали такие теоретические проблемы художественного творчества, как традиции и новаторство, типизация, литературный стиль, сюжет и композиция, стихосложение.

Активно стали изучаться казахские литературные связи дореволюционного и советского периодов. Опубликованы книги о связях с русской, украинской, татарской, узбекской, киргизской литературами. Все большее внимание исследователей привлекают проблемы взаимоотношений казахской литературы с другими литературами Востока.

Появились интересные работы по библиографии, историографии, научному описанию рукописей, хранящихся в фондах библиотек Алматы.

Созданы работы, где по-новому освещаются различные проблемы фольклористики. Изданы такие коллективные работы, как «Казахские сказки о животных», «Казахские исторические песни», «Типология казахского фольклора» и др. Фольклористика в республике стала комплексной наукой. При исследовании ее проблем привлекаются данные истории, этнографии, музыкального прошлого и т. д.

Овладение казахскими фольклористами историко-типологической методикой исследования приводит к заметным успехам. Изучение жанров казахского фольклора в сравнении с соответствующим тюрко-монгольским материалом раскрывает перед исследователями новые перспективы. Именно в этом аспекте проводятся последние изыскания по эпосу, сказкам, народным песням. Данный метод позволяет проникать в глубь и суть фольклорных явлений, раскрывать общие закономерности в генезисе и развитии устного творчества народов, близких по языку, истории, социально-бытовому укладу.

Казахские фольклористы в своих работах придерживаются принципа историзма. Было время, когда исследователи считали обязательным находить исторических прототипов эпических героев. Такой подход нередко приводил к ошибочным выводам. Время показало, что каждое эпическое произведение требует самостоятельного и конкретного изучения.

Важное значение имеет публикация текстов произведений устного народного творчества. В течение последних двух десятилетий издано немало книг сказок, эпоса, айтысов, пословиц, загадок, материалов по советскому фольклору. Осуществлены научные издания эпических сказаний: «Козы-Корпеш—Баян слу», «Алпамыс-батыр», «Кобланды-батыр», «Камбар-батыр». Работа над данной серией продолжается.

Готовится к изданию многотомный свод (предполагаемый объем 40 томов) казахского фольклора. Уже подготовлены к печати десять томов сказок, айтысов и эпических произведений.

Внимание казахских фольклористов издавна привлекает замечательный киргизский эпос «Манас». Известно, что еще в середине XIX века Ч. Валиханов впервые познакомил читающий мир с этим памятником устного народного творчества. В 30-е годы XX века «Манасу» посвятил монографию М. Ауэзов. И в настоящее время этот эпос продолжает изучаться в Казахстане.

До сих пор еще слабо изучены письменные литературные памятники, справедливо считающиеся общим достоянием тюркоязычных народов: «Кутадгу билик», «Хиба-ул хакаик», «Гулистан», «Хосров и Ширин», «Дивану лугат-ит-тюрк», «Мухаббатнаме», «Огузнаме» и др.

Изданные много лет назад хрестоматии по древнетюркским памятникам стали библиографической редкостью. Изучение литературных памятников V—XV веков остается пока делом будущего. Определению задач и принципов изучения литературного наследия способствовали бы региональные конференции историков литературы Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа и Сибири.

Несмотря на активное изучение истории казахской литературы XV—XX веков, творчество многих известных в прошлом акынов и жырау еще ждет своих исследователей. Так, поэт Шакарим Кудайбердиев, брат Абая Кунанбаева, глубоко освоивший литературные традиции Запада и Востока, написал несколько прекрасных поэм, множество лирических стихотворений, создал поэтическое переложение повести А. Пушкина «Дубровский» на казахский язык, был даровитым композитором, историком. Но его творчество еще во многом остается неисследованным.

Требует всестороннего осмысления творчество основоположника новой казахской письменной литературы Абая Кунанбаева. Труды М. Ауэзова, создавшего не только роман-эпопею «Путь Абая», но и капитальную монографию о великом поэте, создали основу для дальнейшего развития абаеведения. С современных методологических позиций необходимо подходить к творческому наследию и других казахских классиков.

Неисследованным остается творчество так называемых «поэтов-книжников», создавших в XIX и XX веках большое количество поэм на восточные сюжеты, внесших определенный вклад в казахскую художественную культуру своего времени.

Более углубленного изучения требуют вопросы взаимосвязей казахской литературы с европейской (в первую очередь с русской) и восточной литературами. Остаются не разработанными многие проблемы теории и практики перевода.

Наибольшее число опубликованных литературоведческих работ посвящено казахской советской литературе. Это закономерно, ибо литература социалистического реализма занимает огромное место в духовной жизни народа. Но и в этой области мало пока обобщающих теоретических исследований. Планируемое издание «Истории казахской литера-

туры» последнего двадцатипятилетия должно стать основой для развития этого направления.

Мало еще обобщающих исследований по истории литератур тюркоязычных народов. Настала пора создать историю, например, литературы народов Средней Азии и Казахстана.

Казахский читатель ждет от литературоведов книг об отражении национального характера в художественном творчестве, о соотношении национального и интернационального, о взаимосвязи и взаимообогащении фольклора и литературы, о диалектике взаимоотношений реалистических и романтических начал в литературе и т. д.

Необходимо повысить качество текстологической работы. До сих пор не закончена, например, работа по установлению первоначальных текстов классиков—Абая, Махамбета, Султанмахмута. Предстоит кропотливая сверка текстов сочинений основоположников казахской советской литературы С. Сейфуллина, Б. Майлина, И. Джансугурова, С. Муканова.

Предстоит немало потрудиться над определением точного содержания литературоведческих и фольклористических терминов. Изданный два десятилетия назад «Краткий словарь казахских литературоведческих терминов» явно устарел. В процессе терминотворчества необходимо учитывать опыт других, в особенности близких по языку народов. К сожалению, в настоящее время в области терминотворчества наблюдается разноречивость. Например, слово «легенда» у одних исследователей передается термином *аныз*, у других — *афсана*, у третьих — *рауаят* и т. д. Подобных примеров немало.

Казахские ученые в текущей пятилетке планируют написать «Историю казахской фольклористики» досоветского периода, где впервые будет обобщен обширный материал по казахскому устному народному творчеству. Готовится также публикация образцов казахского фольклора из собраний сочинений В. В. Радлова, А. А. Диваева, научное издание героического эпоса «Ер-Таргын» и казахских ораторских речей.

Дело научной классификации казахского устного народного творчества требует усилий не одного поколения исследователей. Существующая в настоящее время систематизация не отражает всего богатства казахского фольклора.

Ждут своих исследователей эпические сказания, так или иначе отразившие события времен Ногайской Орды, когда казахи, ногаи, каракалпаки и другие народы вели совместную борьбу против угнетателей. К их числу относятся многие эпические сказания из цикла «Сорок богатырей Крыма», дошедшего до нас в исполнении сказителя Мурынжырау, эпические поэмы «Едиге», «Шора-батыр», «Карасай-Кази», «Ер-Саин» и др. Хорошее начало изучению эпоса «Едиге» было положено в монографии В. М. Жирмунского «Тюркский героический эпос». К сожалению, оно не получило продолжения. Изучение эпических памятников, бытующих одновременно у нескольких народов, требует координации и кооперации научных сил.

Ознакомлению широкого читателя с эпическим творчеством народов СССР в большой степени способствует работа Института мировой литературы им. М. Горького. Выпускаемая им серия «Эпос народов СССР» — уникальное явление в духовной жизни советского народа. Но за пределами этой серии все же остается огромное количество фольклорных произведений. Задача состоит в том, чтобы возможно большее их число перевести на русский язык. Это один из основных путей дальнейшего расширения процесса взаимообогащения культур народов СССР.

Р. АРЗИБЕКОВ

СКРЫТО-СИНКРЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

В XIV—XV веках в персоязычной и тюркоязычной поэзии появились такие стихотворные формы, как *муаммо*, *тарих*, *истихродж*, *лугаз-чистон*, а также *мувашшах* (акростих), *маклуви мустави* (полиндром), требовавшие от поэтов особенно высокого мастерства стихосложения. Эти изощренные поэтические формы были характерны прежде всего для придворной поэзии. Однако этими формами в совершенстве владели и такие великие поэты, как Абдурахман Джамии, Алишер Навои, Зайнабдин Васифи, Физули и другие, многое сделавшие для развития и совершенствования стихосложения.

К сожалению, роль и значение этих поэтических форм в настоящее время иногда оценивается несколько односторонне, что приводит к поверхностным утверждениям: «Тарих, чистон, мувашшах, муаммо возникли в результате увлечения формой в ущерб содержанию, поэтому они не оставили следа в истории литературы» [1, стр. 76]. Здесь уместно вспомнить об отношении Садриддина Айни к формам муаммо и тарих: «В те периоды, когда увлечение жанром муаммо достигло своего апогея, создание бейта и прочего ради вплетения в них какого-то имени или вымысла, не имело никакого значения... Но выражение определенного содержания через муаммо и его приемы в свое время сыграло большую роль. В эпоху господства феодалов, в эпоху беззакония и бесправия, свободомыслящие поэты в произведениях жанра муаммо, направленных против правителей, своеобразно выражали свой протест» [2; 8, стр. 333].

Свою мысль С. Айни подтверждает фрагментами произведений Навои и Васифи. Вместе с тем он с осуждением говорит о поэтах, использовавших эти же формы в корыстных целях, угождая вкусам придворной знати.

Такие восточные канонические жанры и формы, как муаммо, чистон, тарих, мувашшах, несмотря на предъявляемые поэтам формальные трудности, не только не мешали Навои, Увайси, Гази, Махмуру, Огахи, Роджи, Хумули, Мукими и Фуркату выражать свои мысли и чувства, но даже способствовали отточенности и завершенности их произведений.

Вышеназванные стихотворные формы не связаны с определенным объемом, порядком рифмовки, поэтическим размером. Они могут использоваться при написании *кыт'а*, *рубаи*, *фардов* и даже *газелей* и *мусамматов*. Таким образом, им присущ определенный синкретизм. Вместе с тем они обладают и определенной спецификой, характерной только для них.

1. **Чистон.** Слово таджикское, в буквальном переводе означающее

«что это?». Этим термином обозначается стихотворение-загадка. Такие стихотворения появились, несомненно, под непосредственным влиянием загадок, издревле бытовавших в устном народном творчестве. Чистону персидско-таджикской и узбекской литературы соответствуют турецкое и азербайджанское *тапмача*, *билмача* и *лугаз*.

Атаулло Хусайни (XV в.) пишет, что форма чистона была популярна в литературных кругах Хорасана. Слушатель или читатель чистона должен был по содержанию последнего, по имеющимся в нем намекам отгадать скрытый смысл стихотворения [3, стр. 145—146].

Современный турецкий языковед Тохирул Мавлави дает следующее определение жанру чистон: «Лугаз — это стихотворная загадка. Поэты — авторы диванов, создавая лугазы о предметах и явлениях, уснащали их разного рода иносказаниями, а также числовыми значениями букв. Существует также вид лугаза, называющийся муаммо, который есть не что иное как загадка о людских именах» [4, стр. 96].

Хотя в устном творчестве узбекского народа, безусловно, издавна бытовали различные типы загадок, их образцы до нас ни в устной, ни в письменной форме не дошли. Только Алишер Навои ввел этот жанр в письменную литературу. Известно более десяти чистонов Навои, написанных на узбекском и таджикском языках, из дивана «Бадоеул васат» [5, стр. 713—716]. Это загадки про перо, иголку, гранат, спину, яйцо, мотылек и т. д. по форме близкие к *кытъа*, поэтому они могут быть названы также *чистон-кытъа*. Стихотворения этого жанра, по словам А. Хайтметова, «не были простой игрой слов, и писались не для забавы, не всегда были только загадками, а скорее полноценными художественными произведениями. В них проявлялось глубокое знание жизни поэтом, раскрывались назначение отдельных предметов окружающего мира, суть общественных взаимоотношений... Эти произведения от начала и до конца были проникнуты тонким чувством юмора» [6].

При создании чистонов поэты применяли в основном два поэтических приема: либо использовалось числовое значение каждой буквы арабского алфавита (*абджад*), либо — метод загадывания обычных загадок. Между чистонами, муаммо, тарихами и акростихами имелось определенное сходство.

Среди чистонов Навои, как известно, нет обыгрывающих числовое значение букв (*абджад*). Они по типу близки народным загадкам. В одном из стихотворений-загадок Навои, иносказательно описывая монету, предлагает читателю отгадать ее. В последнем бейте содержится намек на социальные отношения и осуждение жадности к деньгам и корысти.

Чистон Навои про иголку отличается юмором: «Сколько замечательных красавиц похваляется тем, что, скрывая свою красоту под одеянием и покрывалами, никому не показывают себя, а между тем швы их одежды пронизаны тонким остроконечным хитрецом...».

В чистоне Навои «Анор» («Гранат») сочетается описание характерных для этого плода качеств с остроумной иронией и юмором. Здесь загаданный предмет сравнивается с сосудом, наполненным багрово тлеющими головешками; он может быть разделен на шесть-восемь долек, начиненных перламутровыми жемчужинами, обогранными кровью; из них можно выжать сок, целебный для желудка, что на себе испытал сам поэт.

Жанр чистонов, основу которого заложил Навои, развивался на протяжении XVI—XIX веков в творчестве таких видных узбекских поэтов, как Мунис Хоразми, Шавки Каттакургани, Дилафгор, Умиди, Увайси, Муаззамхон и др.

Известны свыше пятидесяти чистонов поэтессы Джахонотин Увайси (XIX в.), написанных и в стиле *абджад*, и простых загадок [7, стр. 220—224]. Занимаясь обучением девушек, Увайси сочинила для своих учениц множество загадок и прибауток. Особенно популярен ее чистон о гранате, написанный, несомненно, под влиянием Навои:

*Ул на гумбаздур, эшиги туйнугидин йўқ нишон,
Неча гулгунпўш қизлар анда айлабдур макон
Синдириб гумбазни, қизлар ҳолидин олсам хабар,
Юзларида парда тортиглиқ турурлар бағри қон.*

‘Что за купол сей, без дверей и трубы,
Сколько прекрасных девушек заключены под ним.
Разрушив сей купол, проведать бы мне тех девушек,
С шалью на лицах, простёршихся с окровавленной грудью’.

Здесь поэтесса иносказательно напоминает о бесправном и безрадостном положении узбекской девушки.

Увайси, создавая свои чистоны, прибегала и к *абджад*, но не в обычной форме *тарихи* (в которой из числовых значений букв и слов образуется дата). Читатель, учитывая цифровые значения словосочетаний, должен был найти загаданное слово. Вот пример такого чистона:

*Ул на қушдурким, қаноти уч эрур,
Жисми бир, аммо ўзи эллик турур.*

‘Что за птичка — три крыла,
Одна плоть, но сама — пятьдесят’.

В этом чистоне зашифровано слово *жон* ‘душа’. Разгадывается оно так. Если названные в бейте цифры («три», «один», «пятьдесят») записать буквами, то получится слово *жон* (جان).

Увайси сочиняла чистоны и в духе народных загадок.

*Икки маҳбубини кўрдим, иккисин киндиги бир,
Иккисин орасига тушсанг топадурсан қасир.*

(Қайчи).

‘Увидела двух влюбленных, у обоих один пупок,
Между ними попадешь — и себя поранишь’.

(Ножницы).

*Ул надурким, бир келин ўзи чўтир,
Етти қат парда ичида мисли ҳур.*

(Маккажўхори)

‘Что это за невеста, вся шербинками покрыта,
Как красавица, за семью занавесями’.

(Кукуруза).

*Икки маҳбубини кўрдим, бир-бирисин кўрмаган,
Иккисининг ўртасига дўстлар, қил сиғмаган.*

(Қун ва тун)

‘Не видались два дружка, не увидятся и впредь,
А ведь даже волоска между ними не продеть’.

(День и ночь).

Чистоны Увайси реалистичны по содержанию, нередко выражают недовольство интеллигентных слоев узбекского общества социальными условиями жизни.

В традициях Увайси писали такие узбекские поэты, как Фано Истаравшани (XIX в.), Дилафгор (XIX в.), Муаззамхон (1833—1917) и др.

Чистон поэта Огахи «Таньга» хоть и написан под влиянием чистона Навои, отличается своеобразием: «Хоть сам меньше ноготка, он заставлял людей любить себя; у него два лика и на каждом из них запе-

чатлены письма. И бай, и бедняк расположены к нему; и тот, у кого нет его, сколь бы мудр он не был, все равно презираем. Ну, так что это за вещь? Конечно, деньги» [8, стр. 260].

В некоторых чистонах [Навои, Муниса (1778—1829) и Шавки (1785—1861)] явно обнаруживаются и признаки басни. Для них характерны аллегория и гротеск.

Как в народной, так и в письменной литературе встречаются чистоны, написанные в форме вопросов и ответов, как бы передающие своеобразную полемику, состязание в остроумии и находчивости. Такие чистоны писали также туркменские и азербайджанские поэты. Приведем пример подобного чистона-диалога хивинского поэта Дурды и туркменского Махтумкули:

Дурды (вопрос):

*Ул нимадир, емадилар, тўйдилар?
Ул нимадир, қиёматга қўйдилар?
Ул ким эди, тобонидан сўйдилар?
Шоир бўлсанг шундан бизга хабар, бер!*

'Кто это такие — что не ели, а насытились?
Что это такое — что обрекает на адские муки?
С кого это содрали кожу (начиная) с пятки?
Если ты поэт, поведай нам об этом!'

Махтумкули (ответ):

*Ул дийдордир емадилар тўйдилар,
Ул намоздир, қиёматга қўйдилар,
Насимийди тобонидан сўйдилар
Биздан салом бўлсин, жавоб шундайдир.* [9, стр. 168].

'То красавицы, что не поев, насытились,
То намаз, что обрекает на адские муки,
То Насими, с которого содрали кожу (начав) с пятки,
Таков наш ответ, примите привет от нас'.

Возникнув и сформировавшись на основе традиций устного народного творчества, чистон выполнял важные идейно-эстетические функции. Большой вклад в формирование и развитие этого жанра внесло, как отмечалось, творчество Алишера Навои. Эта традиция получила продолжение в современной узбекской детской литературе.

2. **Муаммо.** Лексическое значение слова *муаммо* «неясный, темный (для кого-либо)». Терминологически же это слово обозначает своеобразную загадку, головоломку. Наиболее полную характеристику муаммо дал Садриддин Айни. Муаммо чаще всего имеет форму *муфрада*, то есть единичного бейта («Рисолаи муфрадат» Навои и др.). Но известны муаммо, состоящие более чем из одного бейта (и даже из восьми бейтов). Такие муаммо обычно встречаются в эпических произведениях. Но независимо от числа бейтов, муаммо считается самостоятельным поэтическим произведением. В нем передается конкретное содержание и в иносказательной форме говорится об общеизвестном имени. Загаданное в муаммо имя (в отличие от чистона, в котором обычно загадывается предмет или явление) может быть зашифровано словами аналогичного написания, однако с другими диакритическими знаками, или составлено из определенных букв, соответствующим образом переставленных, или, наконец, выражаться словами, имеющими те же цифровые (по абджад) значения, что и слова, отмеченные в тексте, и т. д. Создание муаммо требовало от автора не только обширных знаний, многосторонней эрудиции, но и отточенного поэтического мастерства.

Следует отметить, что *абджад* является специфическим явлением восточной литературы. В древности арабы пользовались арамейским

письмом, последовательность букв в котором отличается от арабского алфавита, принятого узбеками. Следы этого несоответствия проявлялись при буквенном обозначении цифр. Для облегчения запоминания последовательности букв в алфавите был придуман ряд условных слов, состоящих из соответствующих букв. Первое из этих слов — *абджад* — состоит из первых четырех букв в порядке их числового значения: а—1; б—2; дж—3; д—4 и т. д.

Е. Э. Бертельс дает следующее определение муаммо: «Муаммо — стихотворение из одного-двух бейтов, в котором помимо внешнего смысла зашифровано еще какое-то слово, обычно имя собственное. Это не загадка, т. к. загадка называет какие-то признаки предмета и предлагает отгадать, что это за предмет. Здесь же стихи содержат намеки на буквы арабского алфавита, из которых данное имя сложится. Поэтому муаммо вне арабского шрифта уже теряет смысл и не может быть понято. Намеки даются самыми различными способами: говорится о голове, верхушке, венце и подразумевается первая буква слова; „нога“, „хвост“, „низ“ обозначают последнюю букву; иногда называется цифра, подсказывающая, что нужно взять ту букву, которой эта цифра обозначается (как в хронограмме)» [10, стр. 41].

Как известно, Алишер Навои был не только гениальным поэтом, но и выдающимся теоретиком литературы. В созданном в 1485 году «Рисолаи муфрадот» («Трактат о муаммо») он суммировал и обобщил все существовавшие до него сведения о муаммо. В результате им был составлен свод правил и приемов написания и разгадывания муаммо [11].

Хотя муаммо относится к числу древнейших видов стихотворного искусства, его расцвет приходится на XV век. Абдурахман Джамии, Алишер Навои, Зайнабдин Васифи и другие высоко ценили муаммо. Алишер Навои в «Маджолисун-нафонс» тепло отзывается о творчестве поэтов Мавляна Мухаммада Муаммои, Мухаммада Найи, Мавляна Аргуна, Мавляна Низама, Мавляна Дарвеш Али, Мир Хусайна Муаммо, заслуживших известность главным образом произведениями, созданными в жанре муаммо.

Помимо образцов, включенных в «Рисолаи муфрадот», Алишер Навои написал на узбекском и таджикском языках почти 500 муаммо, из них около 400 вошли в «Девони Фоний». В большинстве муаммо нашли отражение морально-философские взгляды поэта, ряд из них написан в юмористическом плане с элементами сатиры. Например, в муаммо, посвященном некоему шейху по имени Мухсин, Алишер Навои подвергает осмеянию безобразный образ жизни этого пьяницы:

*Мажлисда шайх бу кеча кўп шайн бошлади,
Синдурди шамъу нақлни ҳавз ичра ташлади.* [5; 2, стр. 724].

‘В эту ночь шейх много стонал в собрании,
Поломал свечу и бросил сладость в бассейн’.

В этом бейте под словом «свеча» подразумевается буква «лам» (ل), под словом «сладость» — диакритическая точка буквы «джим» (ج), а под словом «бассейн» — конечный элемент буквы «син» (س). Если в слове *мажлис* (مجلس) опустить букву «син» и упомянутую диакритическую точку, то получится имя «Мухсин» (محسن).

Нижеследующее муаммо-афоризм, в котором сокрыто слово «Саъд», весьма глубоко по содержанию:

*Бу гулшан ичра йўқтур бақо гулига сабот,
Ажаб саодат эрур, чиқса яхшилик била от.*

‘Нет прохода розе вечности в этом цветнике,

О какое счастье, если прославится (твое) имя хорошими делами’.

Если в слове «сабот» (اسبات) опустить букву, то получается имя «Саъд» (سہا).

Свыше пятидесяти узбекских муаммо А. Навои включены в «Наводир-уш шабоб». В «Пятерице» зашифровано имя «Фархад» и приемами муаммо описаны личные достоинства и эпизоды из жизни этого легендарного героя восточной эпической поэзии.

Как явствует из сообщений Зайнаддина Васифи, автора мемуаров «Бадоеул вақоеъ», существовала традиция включения муаммо в тексты газелей и касыд. Он приводит и примеры такой газели и касыды [12, стр. 37].

Муаммо, сформировавшийся в эпоху Алишера Навои, как один из видов стихотворного искусства, в последующем почти не развивался, ибо поэты все реже обращались к нему. Возможно, это во многом объясняется сложностью данной стихотворной формы, изощренностью метафор, придумывание которых требовало особой изобретательности и находчивости.

В период между XVI и XIX веками только несколько поэтов писали муаммо. В их числе Бабур (XVI в.), Мунис (XVIII—XIX), Огахи (XIX), Камил (XIX) и некоторые другие. Судя по всему, они хотели испытать свои поэтические возможности в столь трудном жанре.

В диване Камила Хоразми имеется следующий бейт-муаммо:

*Киши ўз тенгидан агар бўлса кам,
Етишар анга бениҳоят алам.* [13, стр. 265].

‘Если человек хуже сверстника своего,
Множество (без конца) обид суждено испытать ему’.

В этом муаммо зашифровано слово или имя «Камол». Для его разгадки следует обратиться к иносказаниям поэта. Слова «кам» (کم) и «алам» (الم) в арабском должны сравняться (слиться) друг с другом. Тогда получится $کم + الم$. В соответствии со вторым намеком, эта обида (алам) бесконечна, и поэтому в слове алам последняя буква должна быть отброшена. И тогда останется слово «Камол» (كمال).

Два других муаммо поэта содержат зашифрованные имена «Хисрав» и «Иброхим», которые могут быть разгаданы с помощью числового значения букв по абджад и намеков автора.

3. **Мувашшах.** По своему лексическому значению это арабское слово значит «украшенный», «подпоясанный». Если последовательно соединить первые буквы нечетных или рифмующихся строк стихотворения, написанного в этой форме, то получится имя человека, которому, очевидно, и посвящается данное стихотворение.

В книге Мухаммада Гиесиддина «Гийёс-ул-луғат» утверждается: «Мувашшах терминологически представляет собой вид художественного произведения; если с начала каждой строки стихотворения или с начала бейта брать по букве и все сложить, то получится имя человека или же строка» [14, стр. 782].

Этот вид стихотворчества имеет очень давнюю традицию. В Древней Греции такие стихотворения, как известно, именовались «акростихом». Впоследствии он получил распространение в литературе других европейских народов, в том числе и в русской.

В арабской литературе мувашшах был впервые написан на стыке IX и X веков поэтом Мукаддам ибн Муафо ал-Қабри, жившим в Андалузии в эпоху существования там арабского халифата.

Жанр мувашшах в последующие века занимал заметное место и в персидско-таджикской литературе. Мувавшашаху уделял немалое внимание в своем творчестве Салмон Саваджи. Касыда-панегирик поэта и мемуариста XVI века Зайнаддина Васифи, посвященная Султану Мухаммаду Баходиру, и его же газель в честь Абулгасы Султанмухаммада написаны в форме мувавшашаха [12, стр. 37]. В труде тазкиретиста XVII века Мутриби приводится двенадцать мувавшашахов Хасана Нисори (умер в 1596 г.). Термин «мувавшашах» встречается и в творчестве Алишера Навои.

В узбекской классической литературе мувавшашах получил широкое развитие в XIX веке, главным образом в форме газели. Но вместе с тем встречаются мувавшашахи и в формах мусаммат и др. Один из мувавшашахов каттакурганского поэта Мухаммада Шарифа Шавки (1785—1861) на собственное имя, тахаллус и нисб, написанный в форме мухаммас, состоит из 45 строф.

Имя зашифрованное в мувавшашахе, написанном в форме газели, расшифровывается следующим образом: 1) складываются первые буквы нечетных строк бейтов газели; 2) складываются первые буквы рифмующихся строк газели.

Такие узбекские поэты XIX века, как Мукими, Фуркат, Завки, при написании значительного числа своих газелей, использовали форму мувавшашаха.

Мувавшашахи создаются и в узбекской советской поэзии (М. Шейхзаде, Уйгун, Рахим Умари и др.). Однако мувавшашахи современных авторов и поэтов предшествующих эпох отличаются целым рядом особенностей:

1. В мувавшашахах прошлого ничего не говорилось о личности, чье имя зашифровано в произведении. Тогда как в большинстве мувавшашахов, созданных в советское время, раскрывается характер человека, создается его художественный образ.

2. Все мувавшашахи классической литературы были созданы размером *аруз*, а современные пишутся и размером *бармок*.

3. В мувавшашахах прошлого имя человека выводилось из сложения первых букв нечетных или рифмующихся строк, а в современных мувавшашахах, написанных размером бармок, имя и фамилия выводятся из сложения первых букв всех строк, начиная с первой. Этой своей особенностью современные мувавшашахи напоминают акростиhi русской и западноевропейской литературы.

4. В соответствии с традициями классической литературы в мувавшашахах в основном зашифровывались имена мужчин. В узбекской классической поэзии только Увайси написала мувавшашах на женское имя «Кундуз» и Мукими — на имя «Адолхон». В современной же поэзии эта традиция полностью нарушена.

Тарих-хронограмма. Так обозначаются в стихах даты какого-либо события. Дата может быть просто названа и трудность при этом будет заключаться лишь в том, чтобы уложить в поэтический размер названия цифр (*абджад*). Данный прием использовался уже в ранних персидских стихах. Так, еще Абу Шукур Балхи сообщил в стихах, что закончил свою поэму «Афарин-наме» в 948—949 гг. Но, как известно, буквы арабского алфавита имеют также и цифровое значение. Следовательно, каждое слово может быть выражено и цифрой. Этим пользовались поэты, стараясь подбирать слова так, чтобы смысл их как-то соответствовал событию, дата которого ими обозначается [10, стр. 40]. Буквы или слова, обозначающие год, назывались *моддаи тарих* 'зарифованная дата'. Способов сочинения тарихов много. Тарих как специфическая стихотворная

форма может быть и самостоятельным произведением, и частью другого большого по объему стихотворения, являясь как бы «историческим» отступлением автора.

В классической узбекской литературе тарихи создавались на самые различные темы: тарихи с датами рождения или смерти того или иного лица; тарихи в честь строительства зданий и сооружений общественного назначения — медресе, мечетей, бань, дворцов, мостов и т. п.; тарихи с датой начала или окончания сочинения (или переписки) какого-нибудь сочинения; тарихи в честь получения должности или освобождения от нее; тарихи в честь какого-либо исторического события (приезд, отъезд правителя, военный поход) или выдающегося явления природы (солнечное затмение, наводнение, необычный град и т. п.).

В узбекской классической литературе особое место занимают тарихи, посвященные смерти выдающихся людей. В них, кроме обозначения даты смерти, говорится о достоинствах покойного. Таковы, например, тарихи-кытъя Алишера Навои на смерть Джами, Пахлавон Мухаммада и Мавляна Тути; Султана Ибрахима — на смерть Амина и Мирхонда; тарихи Сулейманкула Роджи и Мавлави Юлдаша — на смерть Мукими; Носеха и Садон — на смерть Хувайдо.

Высокого искусства в сочинении тарихов достигли Алишер Навои, Мунис, Огахи, Абдушукур Шукури, Хумули, Роджи Маргинани и др. Особенного развития тарих достиг в форме кытъя, что привело к изменению его содержания. Сочинялись кытъя, состоящие из сорока и более бейтов, газели-тарихи — из пятидесяти с лишним бейтов, касыды-тарихи, маснави-тарихи, причем некоторые из них отражали важные политические события эпохи. В XVIII—XIX веках увеличилось число тарихов юмористического и сатирического содержания (Акмал Хуканди, Махмур, Гази, Роджи Маргинани, Завки и др.). Своим острием они были направлены против господствующей верхушки общества и духовенства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Р. Мажидий*. Огаҳий лирикаси. Тошкент, 1966.
2. *С. Айний*. Асарлар. 8 томлик. 8 том, Тошкент, 1967.
3. *Атоулло Маҳмуди Хусайни*. Бадойеъ-ус-саноеъ. Душанбе, 1974. (Ба сарсухан, тавзеҳот ва таҳрири Раҳим Мусулмонқулов).
4. *Tahirul Mavlavi*. Edebiyat lûgati. Enderun kitab evi. Istanbul, 1974.
5. *Алишер Навоий*. Хазойиннул маоний. III китоб, Тошкент, 1960.
6. *А. Ҳайитметов*. Навоий лирикаси. Тошкент, 1961.
7. *Увайсий*. Девон. Тошкент, 1963.
8. *Огаҳий*. Асарлар. VI жилдлик. III-жилд, Тошкент, 1973.
9. *В. А. Абдуллаев*. Узбек адабиёти тарихи. Тошкент, 1980.
10. *Е. Э. Бертельс*. Навои. М.—Л., 1948.
11. *Л. Зоҳидов*. Алишер Навоийнинг «Рисолан муфратот» асари ҳақида. — «Адабий мерос», Тошкент, 1968, № 1; Алишер Навоий асарларида муаммо элементлари. — «Адабий мерос», 1972, № 2.
12. *Зайниддин Восифий*. Бадоеъул вақоеъ. Тошкент, 1979.
13. *Комил*. Девон. Тошкент, 1974.
14. عباس الدين محمد، عاس الفات لانبعد ۱۲۲۲

ОНОМАСТИКА

О. Т. МОЛЧАНОВА

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЮРКСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ, НАРЕЧИЯ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА)

Глагольные формы. Проблеме участия глагольных форм в образовании имен посвящено немало исследований, на часть которых автор данной статьи ссылался в одной из своих прежних публикаций¹. В более поздних тюркологических исследованиях анализируется возможность употребления названных глагольных форм в качестве имен собственных, сравнительно широко реализуемая в тюркских языках. Так, Г. Ф. Саттаров, говоря об образовании отглагольных антропонимов в татарском языке, указывает на их древность, ярко выраженную экспрессивность и на разнообразие представляющих их грамматических категориальных значений. Все это иллюстрируется им богатым фактическим материалом². Аналогичные суждения высказываются и в более поздних работах³.

В отношении глагольных форм следует отметить несколько общих моментов. Все эти формы, как и количественные, представляют очень узкую область референции: содержат сообщение о действии, состоянии, событии, указывая на денотат как на субъект, объект или место совершения действий. Использование глагольных основ в качестве исходов для имен собственных связано с тем, что в статусе последних слово или синтагма лишаются всех глагольных признаков процессуальности. Глагольные формы приобретают абсолютную номинативную значимость, например, словоизменительную парадигму существительных; они присоединяют морфологические показатели последних к глагольным аффиксам, а также получают иную синтаксическую валентность. Покажем это на отдельных речевых отрывках⁴: 'Твоя корова у горы Бёлиир паслась? Как она оказалась у Бёлиира? Неужели сама туда дошла?' — *Сениң уйың Бёлиир (осн. п.) деп кырдың янында жүрген бе? Бёлиирде (мест.-врем. п.) ол канайда болуп калган? Ол өдөн бойы ла барган ба?*; 'Ты была на Яганаре? Это большой лог? Скот там пасут?' — *Сен Яганарда*

Статья вторая. Первую см.: «Советская тюркология», 1983, № 2.

¹ О. Т. Молчанова. О глагольных формах алтайской топонимии. — «Языки и топонимия», 2, Томск, 1976, стр. 214—219.

² Г. Ф. Саттаров. Отглагольные антропонимы в татарском языке. — «Ономастика Поволжья. 3», Уфа, 1973, стр. 41—48.

³ Т. Д. Джанузаков. Основные проблемы ономастики казахского языка. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1976, стр. 54—55; Т. Рахматов. Топонимия города Самарканда и его окрестностей. Автореф. канд. дисс., М., 1973, стр. 13—14; В. П. Нерозник. Заметки об этимологии имени собственного. — «Имя нарицательное и собственное», М., 1978, стр. 84.

⁴ Примеры любезно переведены А. А. Тыбиковой.

(мест.-врем. п.) *болдың ба? Ол жаан кобы ба? Анда мал кјдјп јадылар ба?*; 'Ты не знаешь, почему долина называется Јендирбес? Все так ее зовут, а почему — не знаю'. — *Нениң учун ѳзѳкти Јендирбес* (осн. п.) *деп адап адылар, сен билериң ба? Онголоры анайда адап јадылар, а нениң учун, мен билбезим*; 'Мой отец ушел в тайгу за Қайра-Баскан. Поздним летом реку можно вброд переходить'. — *Меңиң адам Қайра-Басканның* (род. п.) *ары јанындагы тайга јаар барган. Орой јайда кууны јойу кечерге јараар*; 'В прошлом году экспедиция на Јол-Чыгаре была. Много людей собралось'. — *Былыр экспедиция Јол-Чыгарда* (мест.-врем. п.) *болгон. Кѳп улус јуулган*.

В нашем регионе исследуемые 3143 топонима, соотносимых с 5322 объектами, содержат 214 (6,8% от фиксируемого общего числа имен) наименований с глагольными исходами, которые называют 326 объектов (6% от общего числа). Думается, что это значительная цифра в сравнении, скажем, со славянскими или германскими примерами. Важно подчеркнуть и то, что коэффициент соотношенности имен и объектов является показателем, определенным, в какой-то степени, семантическим (цветовые прилагательные, например), словообразовательным, морфологическим статусом географических имен. Поясним последние два утверждения. Коэффициент соотношенности у одноосновных — 1:2 (наивысший), у двуосновных — 1:1,58, у трехосновных — 1:1,19 (самый низкий), у четырехосновных — 1:1,37. В сравнении с этими цифрами, а также общим коэффициентом, выведенным из всего количества 3143:5322 (= 1:1,69), соотношение имен, имеющих в исходах глагольные формы, и объектов, ими обозначенных, выглядит как 1:1,52, что ниже общего показателя, — явление объясняющееся узкой референцией имен указанного типа. Среди общего количества глагольных образований (214), одноосновных — 87, называющих 134 объекта, двуосновных — 108 (166 объектов), трехосновных — 18 (23 объекта), четырехосновных — 1 (3 объекта). Коэффициент соотношенности топонимов и объектов выглядит как 1:1,54 у одноосновных, 1:1,53 у двуосновных, 1:1,27 у трехосновных. У одно- и двуосновных моделей он почти уравниен и чуть выше среднего показателя (1:1,52), в то же время отставание коэффициента соотношенности у одноосновных глагольных форм (1:1,54) от общего для одноосновных (1:2) объясняется тем, что при живой семантической структуре, свидетельствующей об узкой референции, возможности широкого соотношения с географическими реалиями у имен данного типа во многом лимитируются. То же повторяется, хотя и в меньшей степени, у двуосновных форм.

Любопытно также установить, какие виды физико-географических реалий могут быть обозначены посредством этих наименований. Это, в первую очередь, реки (124), горы (72), лога (34), урочища (18), ручьи (14), долины (12), озера (8), перевалы (4), остальные объекты (болота, водоразделы, заимки, ключи, леса, мысы, покосы, пороги, тропки, хребты) представлены единичными случаями. Названия населенных пунктов (18), стоянок (6), заимок (1), в исходе которых находятся глагольные формы, в большинстве своем — перенесения.

Не менее знаменательным является и то, какие глагольные формы берутся за основу географических имен. В первую очередь, это причастные конструкции, что и неудивительно, ибо «причастие — это глагольное имя, обозначающее действие — состояние — процесс, приписываемые лицу или предмету как его признак — свойство, проявляющееся во времени»⁵. Широко распространенная среди тюркологов точка зрения уста-

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). Л., 1980, стр. 120.

навливают происхождение причастий от отглагольных имен, которые имели одновременно и значение существительных, и значение причастий, в зависимости от контекста. Существует и иной взгляд на причастия, согласно которому «древние причастия эпохи тюркского праязыка существенно отличались от тех причастий, которые мы привыкли видеть в современных тюркских языках. Они не имели временной и залоговой дифференциации и скорее были отглагольными прилагательными. Отглагольные прилагательные этого типа обозначали какое-либо свойство, присущее глаголу, например, результативность действия... Какая-то часть их сохранила свое прежнее значение результативности действия, другая часть субстантивировалась и образовала отглагольные имена существительные...»⁶.

Формы на *-кан/-кен/-кон/-кӧн/-ган/-ген/-гӧн*. Эти формы являются наиболее распространенными глагольными исходами в тюркской топонимии Горного Алтая⁷. В тюркской ономастике указанные конструкции интерпретируются по-разному. Так, Г. Ф. Саттаров предполагает, что одноосновные топонимы являются эллипсисами, восстановление первоначального облика которых до двусосновной модели дает в изначальном образовании или глаголы в третьем лице единственного числа прошедшего результативного времени, или причастия прошедшего времени⁸. О. А. Султаньяев, вслед за А. С. Битановой и Г. И. Донидзе, тоже считает эти конструкции эллиптическими с опущенным географическим номеном, для которых анализируемая форма служит определением, а потому является причастием⁹.

Учитывая продуктивность исследуемых форм в образовании тюркских существительных¹⁰, что, безусловно, свидетельствует об их определенных субстантивных характеристиках, а также то, что не существует полной уверенности в возникновении всех одноосновных топонимов через эллипсис из двусосновных, мы склонны рассматривать эти формы в зависимости от их семантики, а также связи с денотатом, что предполагает выделение в них, в первую очередь, причастий.

Приведем некоторые образцы одноосновных моделей: *Адабаган* ('неназванный'), *Адырган* ('отделенный, разделенный'), *Боошкон* ('ставшая стельной, жеребой'), *Куруткан* ('опустошенный') и др. Всего — 44.

Двусосновные модели представляют собой глагольную форму в третьем лице единственного числа прошедшего результативного времени изъявительного наклонения в качестве главного члена + второй компонент, которым может быть существительное в основном падеже (субъект или объект), прилагательное, числительное, наречие, местоимение. Примеры двусосновных образований: *Аза-Сыгырган* ('злой дух, сатана свистел'), *Айу-Чапкан* ('медведя зарубил'), *Кайра-Баскан* ('отступил'), *Кум-Барган* ('песок ушел') и др. Всего — 61. Два образования — оттопонимические формы *Устиги-Јабаган*, *Устиги-Теишкен*.

Примеры трехосновных образований, среди которых имеются оттопонимические модели: *Јанан-Ујр-Кӧчкӧн* ('назад табун перекочевал'),

⁶ Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 225—226.

⁷ См. обзор мнений о происхождении данного аффикса и его участии в образовании существительных — названий небольших животных и растений: Л. В. Дмитриева. Этюды по тюркскому словообразованию. — «Советская тюркология», 1977, № 1, стр. 70.

⁸ Г. Ф. Саттаров. Указ. раб., стр. 45.

⁹ О. А. Султаньяев. Из наблюдений над глагольными названиями Кокчетавской области. — «Филологический сборник», вып. VI—VII, Алма-Ата, 1967, стр. 430.

¹⁰ Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, стр. 92.

Кудай-Берген-Орой ('богом данная вершина'), *Тайганаң-Түшкен-Қарасу* ('с высокогорья спустившийся ключ'), *Теле-Дөкпөн-Туу* ('гора реки или порога Теле-Дөкпөн'), *Түндүк-Таш-Қадаган* ('северный камень вбил'). Всего — 5.

Рассмотрение указанной группы глагольных основ наводит на определенные размышления. Во-первых, небезынтесным оказывается сравнение с данными, приведенными в упомянутой статье О. А. Султаньяева. Автор дает следующие цифры: из 1197 микропонимов, собранных им в Володарском и Кокчетавском районах Кокчетавской области, 196 — глагольные конструкции (более 16%), у автора этих строк в общем количестве 3143 имен 214 представляют глагольные образования (6,8%). Формы на *-кан* и их варианты составляют в указанном О. А. Султаньяевым количестве 155 топонимов (более 79%). В нашем материале их 112, то есть 52,33% от общего количества глагольных форм. Небольшое количество трехосновных образований (5), а также значительное число одноосновных форм (44), сравнительно небольшое преобладание двусосновных (63) говорят о древности данной словообразовательной модели. Во-вторых, если считать, что одноосновные конструкции появились из многоосновных, то нужно будет признать, что восстановление их до полной формулы должно, как правило, идти через прибавление определяемого к имеющейся глагольной форме, которая в этом случае всегда оказывается причастием. Эллиптирование второго члена глагольной синтагмы, видимо, шло без нарушения именных характеристик образования в целом и было довольно интенсивным процессом, потому что в двусосновных образованиях сохранилось всего 6 имен, построенных по формуле: причастие + существительное (= географический номен). С другой стороны, глагольные синтагмы, маркированные аффиксальной формой на *-кан* и ее вариантами, как правило, избегали эллипсиса. И, наконец, у одноосновных и двусосновных моделей различна связь с денотатом. Если в одноосновных моделях денотат — это субъект или объект действия, то в двусосновных — это, как правило, место совершения каких-то событий.

Реликтовыми являются в нашем материале два причастия прошедшего времени на *-мыш*: *Адамыш* ('названный') и *Саймыш* ('вонзенный, воткнутый'). Данная форма, столь широко представленная в огузских и древнетюркском языках, в современном алтайском не фиксируется, хотя в турецком, например, данный аффикс имеется не только в причастиях, но и в существительных и прилагательных¹¹.

Формы на *-ар/-ыр/-ор/-ер/-ир/-үр*. Причастные формы на *-ар* и его варианты существовали еще в пратюркском языке. Они сохранились в ряде тюркских языков, в том числе и в алтайском, о чем свидетельствует его топонимия¹². Причастия настоящего-будущего времени, являясь основой ряда географических имен, выражают постоянный признак, свойство объекта. Они встречаются в топонимах, как правило, в несложной одноосновной форме. Приведем некоторые примеры одноосновных моделей: *Албас* ('неберущий'), *Артар* ('навьюченный; остающийся'), *Қанзырар* ('рассвирепевший, разъяренный'), *Талбар* ('лещащий'), *Толор* ('наполняющийся') и др. Всего — 22.

Лишь единичные примеры у одноосновных образований сигнализируют о наличии здесь другой глагольной формы, четко выраженной в

¹¹ К. М. Любимов. Первое лицо турецкого грамматического времени на *туş*. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 44.

¹² Подробнее об этом причастии см.: Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. I. Новосибирск, 1976, стр. 47.

двуосновных моделях. Это настоящее-будущее I время, образованное от причастия¹³. Семантика данного времени — обозначение действия, которое совершается регулярно, обычно, постоянно, вне определенных рамок времени¹⁴, а при наличии обстоятельственных слов или общего контекста эта форма передавала действие актуальное, реализующееся или реализуемое в момент сообщения¹⁵.

Приведем некоторые двуосновные модели с названной формой настоящего времени: *Айу-Кечпес* ('медведь не переходит вброд'), *Аң-Чыгар* ('зверь выходит'), *Суу-Кадар* ('вода засыхает, высыхает'), *Сыгырар-Көл* ('свистящее озеро') и др. Всего — 24.

Двуосновные модели, таким образом, это: 1) глагольная форма настоящего категорического времени (точнее: вневременное ее употребление) в качестве главного члена + второй компонент, которым является существительное в основном падеже (субъект или объект), числительное, местоимение, 2) причастие настоящего-будущего времени + существительное (= географический номен).

Трехкомпонентные формы носят, как правило, оттопонимический характер: *Алтыгы-Муң-Калыыр* ('нижний Муң-Калыыр'), *Яан-Айу-Кечер* ('большой Айу-Кечер'), *Кум-Калар-Көл* ('озеро Кум-Калар'), *Устиги-Муң-Калыыр* ('верхний Муң-Калыыр'). Всего — 4.

Интересно сопоставление употребления причастных форм в английской топонимии США и тюркской топонимии Горного Алтая. Так, В. Д. Беленькая указала на то, что количество причастий настоящего времени в ойконимах намного превышает ограниченное число причастий прошедшего времени; семантика последних свидетельствует о давнем периоде освоения американской территории, причем наибольшей активностью обладают причастные формы *lost* ('утраченный'), *burnt* ('сожженный'), *hidden* ('скрытый')¹⁶. В алтайской топонимии явно преобладают формы прошедшего времени, причем наивысшую частотность среди глагольных основ имеют лексемы *tūshken*₆ [1] 'утонул или спускался на водопой', 2) 'потерял', 3) 'спустился, упал; спустившийся'], *аткан*₄ ('стрелявший; застрелил; бросил, кинул'), *калар*₄ ('останется'), *көчкөн*₃ ('обвалился, сполз; обвалившийся'), *соккон*₃ ('ударил; бил').

Видимо, выявленная разница объясняется тем, что формы на *-ган* — это перфект, указывающий на статичный, результативный признак денотата, постоянно данный или приобретенный. Это признак познанной или приписанной (установленной) черты денотата, отсюда вытекает специфика этого свойства, с которым такой признак связывается или может быть связан. Форма на *-ар* всегда выражает признак в его динамике. Это — проявляющееся свойство, денотат в истечении своих свойств и признаков, в динамике процесса, как его видит номинант. Этим объясняются и типы денотатов. Формы на *-ган* и *-ар* — две противоположности свойств в природе: статика и процесс; поэтому здесь нет сказуемых форм; это предикативные синтагмы с причастиями, поскольку причастия — «это глагольные именные формы, представляю-

¹³ Вопросу происхождения аффикса *-(°)р* и семантическим сдвигам в грамматических формах, оформленных указанным аффиксом, посвящено значительное число работ, в том числе и следующие обобщающие исследования: Э. А. Грунина. О форме настоящего-будущего на *-(°)р* в тюркских языках. — «Тюркологические исследования». М., 1976, стр. 94—111; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 186—187.

¹⁴ Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 90.

¹⁵ Э. А. Грунина. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв. — «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 74—105.

¹⁶ В. Д. Беленькая. Очерки англоязычной топонимики. М., 1977, стр. 135.

щие действие, сопряженное с субъектом и связанное с каким-либо временным планом, в виде признака предмета»¹⁷.

Формы на *-ды/-ди/-ты*. Эти формы выражают основное прошедшее время, получившее в тюркских языках большое распространение. Толкование его неоднозначно. Н. А. Баскаков, например, указывает на то, что «форма прошедшего времени на *-ду/-ту* произошла из причастия на *-дүү/-түү*, которое полностью сохранилось в той же форме прошедшего времени в древнейгузском языке, равно как и в форме *eg-tik* в тувинском»¹⁸. Другие точки зрения сходятся на происхождении этого времени от отглагольного имени на *-ыт, -ит*¹⁹. В высказанных мнениях нам важно то, что анализируемое образование обладало именными характеристиками, что создало возможность выбора его как основы географического имени. Все однокомпонентные модели содержат обращение к денотату, сообщая о действии, которое с ним произошло: *Адалды* ('получил имя, название'), *Бакты* ('покорился'), *Тарады* ('разошелся; распространился в разные стороны'), *Теңеди* ('выравнил') и др. Всего — 12.

Именными характеристиками объясняется и употребление данной формы в препозиции к существительному (= географическому номену) в двучленной синтагме, которая выглядит следующим образом: 1) существительное в основном падеже (субъект, объект), числительное + прошедшее время глагола, 2) прошедшее время глагола + существительное (= географический номен). Приведем некоторые примеры: *Бай-Берди* ('дала святость, освятила'), *Борбок-Иди* ('Борбок съел'), *Калды-Көл* ('осталось озеро'), *Суак-Канды* ('канал наполнился'), *Тийиң-Келди* ('белка пришла') и др. Всего — 11.

Трехосновных образований с указанной глагольной формой в нашем материале нет.

Другие глагольные формы. Их всего 28, причем часть — оттопонимические образования. Наиболее представленными здесь являются предикативы *бар* ('есть, имеется, существует') и *жок* ('нет, не имеется, не существует'). *Бар* выступает в крайне редкой атрибутивной функции к существительному: *Бар-Агаш* ('имеющееся дерево, лес'), *Бар-Ажык* ('имеющийся перевал'). *Жок* встречается в предикативной функции: *Ады-Жок* ('имени нет'), *Бай-Жок* ('богатства, святости нет'), *Јурт-Жок* ('стоянки, поселения не существует'), *Сакал-Жок* ('бороды нет'), *Сал-Жок* ('плота нет'), *Тыт-Жок* ('лиственницы нет')²⁰. Приведем также их оттопонимические дериваты: *Алтыгы-Бар-Агаш*, *Устиги-Бар-Агаш*, *Јаан-Сал-Жок*, *Јеңил-Сал-Жок*, *Кара-Сал-Жок*, *Курак-Сал-Жок*, *Мукур-Сал-Жок*, *Чичке-Сал-Жок*, *Көл-Өрө-Сал-Жок*, *Теке-Куйрук-Сал-Жок*.

Из других глагольных образований, отмеченных в географических именах, следует выделить формы повелительного наклонения (отрицательные и утвердительные): *Аңдаба* ('нельзя охотиться'), *Базылы* ('да-

¹⁷ В. Г. Гузев. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков). — «Turcologica», Л., 1976, стр. 59.

¹⁸ Н. А. Баскаков. Форма прошедшего времени глагола на *-сүх ~ -си* в тюркских языках и ее происхождение. — «Советская тюркология», 1978, № 4, стр. 7.

¹⁹ См. об этом подробнее: Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1978, стр. 175—176; В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, стр. 209—210.

²⁰ См. об образовании, значении, синтаксических функциях указанных слов: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 393—394; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 351; *его же*. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). стр. 208—210.

вай сдавим, спрессуем-ка'), где *-ыл* — показатель страдательного залога, *Кыспазаң* ('не тесни'), *Сактазын* ('пусть он подождет'), *Улай-Көктө* ('пришей друг за другом'), *Угул* ('давай услышим, послушаем'), где *-ул* — показатель страдательного залога; формы настоящего времени данного момента: *Мал-Чыгачы* ('скот поднимается'), *Тарбаан-Јат* ('сурок живет, обитает'); формы будущего предположительного времени: *Эдерибис* ('мы сделаем'); форма многократного вида причастия на *-калак/-келек*: *Ускелек* ('не прервавший, не оборвавший'). Такие формы единичны.

Выводы. Глагольные исходы тюркских топонимов Горно-Алтайской автономной области, взятых для анализа, составляют 6,8% от общего числа наименований. Будучи именами узкой области референции, глагольные формы имеют коэффициент соотношенности с географическими объектами более низкий, нежели общий показатель (1:1,52 по сравнению с 1:1,69).

Глагольные формы в географических именах содержат сообщение о действии, состоянии, событии, указывая на денотат как субъект, объект или место совершения действия, имплицитно при этом непосредственное присутствие референта. В каких случаях возникает импульс к глагольным номинациям? Можно ли в этом найти свои закономерности или это стихийный процесс? Думается, что при возникновении значительного числа глагольных имен объекты были косвенно знакомы собеседникам, которые располагали частичной информацией о них. Естественно, что чем меньше сведений имеется о географической реалии, тем ограниченнее возможность выбора ее собственных признаков как основы наименования. Такая номинация опирается на предикат и извлекается из сообщений о фактах, событиях, действиях, свойствах, относящихся к объекту.

Глагольные основы, взятые для наименования целого ряда географических объектов исследуемой территории, в статусе имен собственных приобретают абсолютную номинативную значимость: словоизменительную парадигму существительных, их синтаксическую валентность.

Выбор причастий с их четко выраженными именными характеристиками в качестве основы большинства глагольных исходных форм не случаен.

Следует также думать, что образование одноосновных моделей шло для большинства случаев через опущение определяемого (географический номен) в образце *причастие + географический номен*. Глагольные синтагмы, маркированные глагольной формой, как правило, избегали эллипсиса.

У одноосновных и двуосновных глагольных исходов различна связь с денотатом. Если у первых денотат — это субъект или объект действия, то у вторых — это, до большей части, место совершения событий.

Преобладающими являются глагольные формы перфекта. Среди глагольных форм в географических именах отмечаются как утвердительные, так и отрицательные формы.

Наречия. Наречия занимают небольшое место в географических именах тюркского происхождения Горного Алтая. Приведем все примеры, взятые из общего числа анализируемых нами имен: *Јанан-Уйр-Көчкөн* ('обратно табун перекочевал, переселился'), *Кайра-Баскан* ('отступил'), *Ойто-Коол* ('протока, текущая обратно'), *Төмөн-Көжөблү* ('вниз с завесой'), *Тышкары* ('снаружи'), *Улай-Көктө* ('пришей друг за другом'). Часть из них функционально близка к прилагательным. На небольшом материале, как наш, вряд ли можно сделать какие-либо далеко идущие выводы, кроме констатации факта присутствия наречий

в составе географических имен. То же можно повторить в отношении местоимений, из которых наша топонимия фиксирует лишь одно: *Ол-Аткан* ('он, тот стрелял, стрелявший'), *Ол-Конор* ('он, тот спустится, расположится на ночлег').

Изобразительные слова. Сюда мы включили значительную группу имен, которых объединяют, пожалуй, не общие морфологические характеристики, а семантика. Основа их включает звукоподражательные слова.

На первый взгляд, кажется нелогичным при морфологическом анализе выделять группу, основанную на семантическом признаке (что было бы уместным не здесь, а при выделении лексико-семантических полей). Вместе с тем целый ряд исследователей выделяет мимемы в самостоятельную категорию²¹. Часть последних не имеет аффиксов словообразования, другая, — приобретая их, грамматически переформируется в иные категории слов, подобно русскому *шуршать* — *шуршание* — *шуршащий*. В разделе «Числительные» нашей первой статьи²², мы уже нарушили морфологический принцип классификации, посчитав необходимым упомянуть и другие квантитативы, которые часто заменяют собой числительные. Точно так же, в данном разделе мы приведем примеры с собственно мимемами и словами других категорий, от них развившихся, с тем, чтобы показать, насколько широко представлен звук как различительный признак в тюркских географических именах.

Нужно заметить, что вопрос о звукоподражательных словах ставится в тюркской топонимике впервые, хотя можно было бы предположить, что они могут присутствовать в именах, исходя из имеющихся в науке критериев имен собственных. Среди пробных определений имен собственных, данных в книге А. Гардинера, следует указать на одно, которое мы полностью процитируем: «Имя собственное является, к тому же словом, которое идентифицирует объект посредством одного своего звука, и когда мы приступаем к обзору различных классов предметов, к которым имеют отношение имена собственные, мы находим две постоянные особенности... Прежде всего, вещи, называемые именем собственным, в основном, являются членами некоего множества, в котором подобию значительно превышают различия, так что специальные ярлыки, как если бы это так и было, требуются, чтобы обозначить различие. И, далее, фактически существующее имя приковывает к себе наше внимание более заметно, чем другие слова... Ясно, что имя собственное является словом, в котором идентифицирующая и, следовательно, различительная сила словесного звучания проявляется в своей чистейшей и наиболее неотразимой форме»²³.

Перечисляя критерии, выдвинутые в различные времена для определения имени собственного, С. Ульман на четвертое место поставил различительный звук, полностью выразив согласие с А. Гардинером²⁴.

Из всех возможностей реализации данного критерия имена собственные, в основе которых лежат звукоподражательные слова, представляют наивысшую ее степень. Небезынтересно то, что «несколько

²¹ «Грамматика хакасского языка». М., 1975, стр. 132—144 (раздел написан А. И. Трекул); Е. Н. Чунжекова. Природа простого предложения в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1977, стр. 12—17.

²² См.: О. Т. Молчанова. Морфологические характеристики тюркских географических имен Горно-Алтайской автономной области (существительные, прилагательные, числительные в составе топонимов). — «Советская тюркология», 1983, № 2, стр. 38.

²³ А. Gardiner. The Theory of Proper Names. Oxford, 1954, стр. 37.

²⁴ S. Ullmann. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford, 1972, стр. 74—75.

старых английских названий мест были звукоподражательными, то есть произношение древнеанглийского имени приблизительно отражало звук воды. Lupt от др.-англ. hlīppe ('звучащий'), а Lуп(п) произошло от др.-англ. hlupp ('шумный'), Lydbrook, Liddel образованы от др.-англ. hlūde ('громкий')²⁵.

Следует заметить, что звук, издаваемый естественным объектом и взятый в качестве его различительного признака, имел самые разные физические характеристики, это могло быть завывание, свист, звон колокольчика, скрип, пронзительный крик, визг, журчание, грохот, кудахтанье, шипение, бурление, гроыхание, хруст, рев, треск, бряцание, стук, топот, дребезжание. Все это передавалось не только чистыми имитативами, но и существительными, глаголами, прилагательными, в основе которых были звукоподражательные слова. Приведем топонимы, объединенные одним общим признаком — издаваемыми объектами звуками: *Бортултаг* ('та, что бурлит, бурлящая'), *Буунак* ('та, что захлебывается'), *Каңыра* ('гремящая, звенящая'), *Колууроок* ('та, что журчит'), *Јес-Коңо* ('медный колокольчик'), *Коңыралу* ('с колокольчиками'), *Коңыралу-Ойык* ('выемка с колокольчиками'), *Коркыра* ('журчи, звени'), *Коркыра-Бажы* ['исток, начало (реки) Коркыра'], *Күзүре* ('греметь, стучать: часто о камнях, которые катятся после дождя'), *Күлтүр* ('грохот'), *Күлтүр-Ойык* ('грохочущая выемка'), *Күркүрек* ('звенящая, журчащая, гремящая'), *Кыңыраp* ('бренчащая, звякающая, лязгающая'), *Кыжвар* ('скрипеть; хрустеть') и т. д. Перечисленные наименования относятся, большей частью, к рекам и горам, затем к логам, ручьям, урочищам и др.

Попытаемся осмыслить данное явление. Совершенно очевидно, что для создания топонимов, в основе которых лежат звукоподражательные слова, были взяты (но не созданы заново) имитативы, уже имеющиеся в распоряжении социума. По мнению Б. А. Серебrenникова, звукоподражательное слово «призвано посредством звукоподражания создать звуковую оболочку для обозначения определенного звучания, независимо от того, будет ли оно представлено в языке как процесс, сопровождающийся звучанием, или как название звучания, например, „треск“, „звон“ и т. д. Человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленил неартикулируемый поток звуков на фонемно-членимый комплекс»²⁶. Теория имитативов и практический ее выход, получившие за последние годы ряд развернутых исследований²⁷, выявляют значительный пласт слов данной группы в языках. Так, Г. Е. Корнилов в опубликованной части своего исследования проанализировал более полутора тысяч непронзводных и пронзводных имитативов из чувашских диалектов и общенационального языка. Думается, что в столь же внушительных количествах можно найти имитативы и в других тюркских языках, в том числе алтайском, где предварительное наблюдение было начато Е. Н. Чунжековой²⁸.

Как видно из наших примеров, базой ряда топонимов являются как существительные-имитативы, так и глаголы-имитативы, свидетельствующие о том, что из многих характеристик денотата был взят издаваемый

²⁵ G. J. Copley. English Place-Names and their Origins. Newton Abbot Devon, 1969, стр. 61.

²⁶ Б. А. Серебrenников. Происхождение аффиксов звукоподражательных глаголов в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1977, № 1, стр. 5.

²⁷ См. статьи: Г. К. Корнилов. Теория имитативов и данные чувашских диалектов. — «Диалекты и топонимия Поволжья», вып. 5, 1977; вып. 6, 1978; вып. 7, 1979; вып. 8, 1980, а также отзыв на них: Э. Р. Тенишев. Новое исследование по теории имитативов. — «Диалекты и топонимия Поволжья», вып. 8, Чебоксары, 1980, стр. 95—102.

²⁸ Е. Н. Чунжекова. Указ. раб., стр. 16—17.

им звук, ставший различительным признаком, который лег в основу наименования. Такой выбор предполагает личное знакомство референта с называемым объектом, в отличие от имен, содержащих некоторые глагольные формы.

Общие выводы: 1. Морфологическая организация онимов в языках различных типов обладает своей спецификой, но вместе с тем выявляет ряд общих типологических характеристик.

2. Собственный грамматический признак имен складывается не только из специфичной их грамматической оформленности, но и совокупности языковых единиц, способных участвовать в номинации. Самой разумеется, что доминантную позицию с точки зрения их номинативной функции занимают имена (существительные, прилагательные, числительные), затем в тюркском ономастиконе идут глагольные формы, изобразительные слова, крайне редко — наречия. Вовлекая в ономастикон слова различных частей речи, категория имен собственных субстантивирует и грамматически оформляет их в соответствии с новым статусом, но едино для всех разрядов.

3. В непроемных формах, особенно одноосновных моделей, преобладают существительные, в двуосновных — существительные (преимущественно определяемые) и прилагательные, среди которых особое место принадлежит качественным (цвет) и относительным аффиксальным. Относительные прилагательные составляют 23,91% однокомпонентных, 19,48% двукомпонентных и 15,68% трех- и четырехкомпонентных образований, что представляет значительное количество.

4. 4,07% всех анализируемых топонимов составляют единицы, имеющие тот или иной квантитатив в своем составе. Это имена с узкой областью референции, поэтому коэффициент соотношения имен и объектов здесь ниже среднего (1:1,44). Если из всех квантитативов, участвующих в именах, взять только числительные, то можно отметить прежде всего преобладание нечетки, а также 3, 5, 2, 7 из первой десятки, что подтверждается материалами других тюркских и монгольского языков.

5. Глагольные формы в тюркской топонимии Горного Алтая представлены значительным числом имен (6,8% от общего количества фиксируемых топонимов). Являясь узкой областью референции, они показывают коэффициент соотнесенности имен и объектов более низкий, чем средний (1:1,52), но все-таки более высокий, чем в топонимах, содержащих квантитативы. Из всех глагольных форм наибольшее присутствие в именах обнаруживают причастия, что, в общем понятно, учитывая их именные характеристики.

6. Наречия представлены незначительным числом единиц.

7. Изобразительные слова, включающие, как правило, существительные и глаголы, занимают небольшое место в тюркских топонимах, манифестируя наивысшее воплощение одного из критериев имени собственного — критерия различительного звука.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. Ф. ЧЕРНОВ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

(НА МАТЕРИАЛЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА)

Основной проблемой фразеологии была и остается проблема определения ее предмета. В языкознании еще не установилось единого понимания сущности фразеологизма. Исследователи языка обычно понятие «фразеологизм», или «фразеологическая единица» связывают с сочетаниями, составными частями которых являются отдельные слова. Расхождение между ними обнаруживается при определении так называемого релевантного или дифференциального признака фразеологической единицы. По-видимому, большинство лингвистов, исследующих фразеологию того или иного языка, в качестве такого признака выдвигает, наряду с раздельнооформленностью, воспроизводимость (Н. М. Шанский, С. К. Кенесбаев, Ш. У. Рахматуллаев и др.).

Немало исследователей в число дифференциальных признаков фразеологизма, наравне с раздельнооформленностью и воспроизводимостью, или устойчивостью, включают и другие свойства: образность (А. И. Федоров, А. А. Юлдашев, З. Г. Ураксин и др.), полная или частичная переосмысленность значения сочетаний слов (А. В. Кунин, И. И. Чернышева, А. Г. Назарян и др.), идиоматичность (А. И. Смирницкий, Б. А. Ларин и др.), полная или частичная семантическая целостность (В. П. Жуков), семантическая слитность (Р. Н. Попов), внутренняя зависимость между частями сочетаний (В. А. Архангельский), компликативность, то есть семантическая и функциональная сложность (С. Г. Гаврин), сочетаемость лексем (М. М. Копыленко, З. Д. Попова), наличие собственного лексического окружения, не вытекающего из синтагматических свойств слов (С. Т. Тагиев), постоянный контекст (Н. Н. Амосова), связанность компонентов (Д. Н. Шмелев), наличие лексического значения и категориального свойства (А. И. Молотков), специфичность значения компонентов и способность быть объектом лексикографирования (Г. Х. Ахунзянов) и др.

В языкознании существует еще одна заслуживающая внимания, на наш взгляд, точка зрения на предмет фразеологии, согласно которой к фразеологии относятся «синтаксические структуры, в чем-то отклоняющиеся от общих и регулярных правил комбинации номинативных единиц и предстающие как лексико-синтаксические „аномалии“, узаконенные в данном языке узусом употребления, жестко фиксируемым нормами»¹.

¹ В. Н. Телия. Типы языковых значений. Связанное значение слова. М., 1981, стр. 13.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, разделяя данную точку зрения, попытаться дать определение фразеологизма.

Язык — это иерархически организованная система относительно автономных, но взаимодействующих подсистем, состоящих из некоторого набора неразложимых с точки зрения данной системы элементов и правил их интеграции².

Правила, или общие закономерности, соединения значимых единиц языка на всех уровнях его системы (морфема, лексема, предложение) существуют в виде структурно-семантических моделей (или образцов) различной сложности, в соответствии с которыми из ограниченного набора языковых единиц производится неограниченное количество их комбинаций.

В любом языке значимые элементы преимущественно соединяются в соответствии с структурно-семантическими моделями, свойственными тому или иному его уровню. Эти модели или образцы выступают как основные ячейки языковой системы, в них отражается системный характер или системность языка.

Чувашскому языку, как любому другому, свойственна целая система различных моделей, на основе которых свободно комбинируются значимые единицы на каждом его структурном уровне. К таковым, в частности, относится словообразовательный тип «глагол (возвратный) + аффикс -чӑк (-чӛк)», содержащий в себе типовое деривационное значение «лицо, склонное к какому-либо действию». В рамках данной модели образуется незамкнутый ряд существительных со значением лица: *мухтанчӑк* (<*мухтан* 'хвалиться' + *-чӑк*) 'бахвал, хвастун', *хускаланчӑк* (<*хускалан* 'кривляться' + *-чӑк*) 'кривляка, ломака', *сӗтӗрӗнчӑк* (<*сӗтӗрӗн* 'бездельничать' + *-чӑк*) 'бездельник' и т. д.

Известно, что для каждого полнозначного слова характерна модель смысловой связи его с другими словами, или, по-другому, модель лексической (или лексико-грамматической) сочетаемости. Если слово полисемантическое, то такая модель свойственна каждому из его значений (или лексико-семантическому варианту) в отдельности. Так, например, глагольная лексема *тух* 'выйти, выехать' в значении «появиться, подняться над горизонтом» сочетается со всеми именами существительными, обозначающими небесные тела. Это значит, что в языке существует модель лексико-грамматической сочетаемости «имя существительное (название небесного тела) — глагол *тух*». В рамках этой модели реализуется упомянутое значение глагола *тух*, и в ходе речевой деятельности по заданию высказывания образуется незамкнутый ряд соединений слов с данным глаголом, именными компонентами которых выступают существительные — названия небесных тел: *хӗвел тухрӗ* 'солнце взошло', *уйӑх тухать* 'луна всходит', *ӗӗлтӑрсем тухасӗ* 'звезды всходят' и т. п.

Свободную сочетаемость глагола *тух* обуславливает также свойственное ему значение «уйти откуда-либо, оставить пределы чего-либо». Данное значение *тух* реализуется в модели его смысловой связи «имя существительное (в форме исходного падежа) — глагол *тух*»: *вӑрмантан тух* 'выйти из лесу', *ялтан тух* 'выйти из деревни', *хӗшӗрен тух* 'выйти из шалаша', *Шупашкартан тух* 'выйти (выехать) из Чебоксар' и т. п.

Примеры показывают, что, во-первых, важным свойством структурно-семантических моделей образования слов или сочетаний слов является регулярность или повторяемость содержащихся в них формально-семантических отношений во множестве конкретных сочетаний языко-

² «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 92—93; В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1977, стр. 11.

вых единиц, во-вторых, каждое из них в отдельности по своей структуре и семантике является частным случаем сочетания структурно-семантической модели, в соответствии с которой оно образовано. Иначе говоря, приведенные сочетания языковых единиц принадлежат к фактам системных отношений, существующих в языке.

Однако языковая система «никогда не бывает „правильной“ полностью: она лишь стремится к равновесию, но никогда его по существу не достигает»³. В ней на всех уровнях довольно широко представлены факты отклонений от общих и регулярных правил комбинации значимых структурных единиц. Иначе говоря, в любой языковой системе, наряду с системными элементами, имеются несистемные или антисистемные элементы. «...Любой естественный язык, — пишет Р. А. Будагов, — сохраняя свой системный характер, вместе с тем по самой своей природе не сводится и не может сводиться к сумме различных схем, будто бы определяющих его сущность и особенности его функционирования»⁴. Е. А. Земская, раскрывая сущность словообразовательного типа и отмечая, что образование новых слов главным образом происходит на основе формул или схем, производных слов (словообразовательных типов), особо подчеркивает, «что какое-то количество слов (ничтожное по сравнению с общей массой слов) образуется вне словообразовательных типов — по образцу отдельных слов, с нарушениями законов типового словообразования»⁵.

Изучение комбинаций значимых структурных элементов языка, бытующих в нем в виде отклонений от системности, имеет исключительно важное значение. Системные и антисистемные явления в каждой языковой системе фактически представляют собой отражение существующих в ней внутренних противоречивых тенденций, которые и определяют развитие языка по присущим ему внутренним законам. В работах С. Н. Иванова⁶, Х. Г. Нигматова⁷ на материале тюркских языков обстоятельно и аргументированно показано действие закона единства внутренних противоречивых сторон в развитии языковых систем.

В любом языке, как и в реальной действительности вообще, факты, соответствующие системной организации, не только противопоставляются несистемным явлениям, но и взаимодействуют с ними. В этом выражается одна из сторон проявления закона единства и борьбы противоположностей в языковой действительности. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть суть... диалектики»⁸. Говоря о явлениях асистемности следует указать на важную их особенность. В языке несистемные факты существуют с системными, опираются на них и производятся от них. Они, хотя и противоречат установившимся в языке закономерностям комбинации значимых структурных единиц, не расстраивают системной организации языка, входя в общую систему каждого отдельного языка и составляя его специфический компонент.

Отступления от действующих правил интеграции значимых единиц языка, по мнению ряда исследователей, в наибольшей степени свойственны словам. С этим мнением нельзя не согласиться. На уровне слова

³ «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», стр. 52.

⁴ Р. А. Будагов. Система и антисистема в науке о языке. — «Вопросы языкознания», М., 1978, № 4, стр. 3.

⁵ Е. А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, стр. 182—183.

⁶ С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть I. Л., 1975; часть II, Л., 1977.

⁷ Х. Г. Нигматов. О характере грамматических форм и категорий. — «Советская тюркология». 1980, № 6, стр. 44—50.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 29, стр. 316.

(сочетания морфем и сочетания лексем) явления несистемности прежде всего проявляются в виде несоответствий правилам слово- и формообразования и словоизменения. Так, например, в современном чувашском языке существует продуктивный тип словообразования «имя существительное+аффикс -*çă* (-*çĕ*)», в соответствии с которым образуются названия лиц по профессии или по роду деятельности: *хуралçă* (<*хурал* 'охрана'+*çă*) 'охранник', *çĕвĕçĕ* (<*çĕвĕ* 'портняжничество, портняжное ремесло'+*çĕ*) 'портной', *сутăçă* (<*сутă* 'торговля'+*çă*) 'торговец' и т. д. Перечисленные производные слова по своей структуре и семантике адекватно соответствуют структурно-семантической модели «имя существительное+аффикс -*çă* (-*çĕ*)», выражающей профессию или род занятий лица. Однако в ряду слов типа *сунарçă* 'охотник', *çĕвĕçĕ* 'портной' существительное *атăçă* 'сапожник' формально сходится с названной моделью, но по своей семантике отходит от нее. Производное слово *атăçă* 'сапожник' при полном соответствии его значения той модели, на основе которой оно и возникло, означало бы «мастер по шитью и починке сапог». Однако рассматриваемое слово выражает значение «мастер по шитью и починке обуви (вообще)». Как видно, в слове *атăçă* 'сапожник' содержится нечто добавочное, единичное, не предсказанное моделью, в соответствии с которой образовано, и возникает преобладающее число существительных со значением лица, деятеля. Следовательно, лексическое значение существительного *атăçă* 'сапожник' оказалось шире словообразовательного. Данное слово появилось в языке вопреки действующему в последнем правилу и существует в нем как факт «нарушения» системы.

Нередко с уровнем слова связаны отступления от системности, вызванные утратой сочетающимися компонентами свойственных им значений. Десемантизация составных частей языковой единицы обычно порождает такое явление, которое принято называть в языкознании идиоматичностью. Сущность ее состоит в неразложимости значения единиц языка (слов, сочетаний слов, предложений) «на значения единиц, вычленимых в их формальном строении, и, соответственно, невыводимости значения целого из значений частей в данной их структурно-семантической связи»⁹. Каждое из языковых единств, компоненты которого подверглись десемантизации, или лишились своей семантической самостоятельности, как правило, представляет собой единичное, немоделируемое образование. Соединения языковых единиц, лишенных знаковых качеств, соответственно семантической значимости, существуют в языковой системе лишь как несвободные комбинации. Для примера возьмем слово *пуççăр* в значении «отчаянный; упрямый» (букв. «без головы»). Оно формально разложимо на составные части *пуç* 'голова' и аффикс *-çăр* (передает значение русского предлога *без*), однако такое членение для понимания названного омысла ничего не дает. Если взять данное слово *пуççăр* в ряду слов *алçăр* 'без руки, безрукий', *ураçăр* 'без ноги, безногий', *çăмсаçăр* 'без носа' и т. п., то выражаемое им значение будет непонятным. Это объясняется тем, что в рассматриваемом случае *пуççăр* употребляется в таком значении, которое не вытекает из содержания каждой членимой части слова. В структуре данного слова компоненты утратили смысловую самостоятельность в связи с тем, что выражаемое им вторичное значение «отчаянный, упрямый» соотносится не с каждым его компонентом в отдельности, а со словом как целостной единицей языка. Такое значение не вытекает из смыслового соединения

⁹ «Русский язык. Энциклопедия». М., 1979, стр. 92.

составных частей слова, а выражается словом как бы добавочно. Итак, значение «упрямый; отчаянный», выражаемое словом *пуççăр*, невозможно вывести по обычному правилу, и носитель этого значения — слово *пуççăр* является в данном случае уникальным фактом языка, образовавшимся вне правил соединения элементов языка.

Все рассмотренные случаи отклонений от системности, или системы правил интеграции значимых единиц языка, связаны непосредственно с внутренней структурой слова.

В чувашском языке, как и в других языках, довольно широко распространены отступления от общих закономерностей комбинирования языка и в сфере сочетаний слов.

Общезвестно, что каждое полнозначное слово обладает способностью вступать в омысловую связь с другими словами. Это свойство оно реализует, как правило, в минимальном сочетании двух слов: слово — слово. Соединения слов могут быть свободными, когда они образуются в процессе реализации свободных или номинативных (номинативно-производных) значений сочетающихся компонентов. Так, например, лексико-семантический вариант глагольной лексемы *тух* 'показаться над поверхностью почвы, прорасти' принадлежит к системе ее свободных значений, ибо он (лексико-семантический вариант) в ходе речевой деятельности может проявляться во всех сочетаниях слов, в которых в качестве указательного минимума выступают все имена существительные, обозначающие различные виды растений. Например: *улăха чечек тапса тухнă* 'луга покрылись цветами' (букв. 'на лугу густо вышел цветок'), *мăян тухнă* 'лебеда выросла' (букв. 'лебеда вышла'), *курăк тухрĕ* 'трава взошла', *хунавсем тухаççĕ* 'побеги всходят' и т. п. Свобода сочетаемости *тух* в значении «показаться над поверхностью, прорасти» и способность его создавать незамкнутый ряд словесных соединений свидетельствуют, что в языке существует модель лексико-грамматической сочетаемости названного глагола в данном конкретном значении. И все соединения слов, образуемые в пределах этой модели, выступают как свободные сочетания.

Теперь возьмем глагол *тух* 'выйти' в значении «прожить до какого-либо срока, времени». Данный лексико-семантический вариант *тух* реализуется в строго определенном контексте, а именно в сочетании с существительными *су* 'лето', *çĕн* 'новина, новый хлеб' в форме дательного падежа: *çăва тух* 'дожить до лета' (букв. 'выйти в лето'), *çĕнне тух* 'дожить до новины, нового хлеба' (букв. 'выйти в новину'). Такую ограниченность сочетаемости глагола в названном значении трудно мотивировать, она в языке закреплена узуально. В. В. Виноградов, имея в виду аналогичные факты в русском языке, отмечал: «При этом для такого ограничения как будто бы нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных обозначений»¹⁰.

Ограниченность синтагматической способности глагола *тух* 'выйти' свидетельствует о том, что в языке отсутствует модель смысловой связи этого глагола при выражении им упомянутого значения. Характерной особенностью этих значений является их несамостоятельность, или связанность: они «могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т. е. в узкой сфере семантических отношений»¹¹. Сое-

¹⁰ В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, стр. 168.

¹¹ Там же, стр. 176.

динения слов, образованные реализацией несвободных, или связанных, значений компонентов, называются несвободными.

Приведем еще пример: *чукун сул* 'железная дорога' (букв. 'чугун дорога'). В данном составном наименовании компонент *чукун* 'чугун' означает не что-то «из железа» (ср.: *чукун хуран* 'чугунный котел', *чукун питлэх* 'чугунная заслонка', *чукун плита* 'чугунная плита', *чукун кёпер* 'чугунный мост'), а выражает значение «рельсовый (путь), предназначенный для движения поездов». Это значение лексемы *чукун* 'чугун' проявляется лишь при совместном употреблении с именем существительным *сул* 'дорога' и не поддержано ни одним другим сочетанием слов. Как видно, характерной особенностью рассматриваемого значения *чукун* 'чугун' является его привязанность к одному, опорному, слову — *сул* 'дорога'; в сочетаниях с другими словами ничего подобного нет. Это говорит о том, что словесное соединение *чукун сул* 'железная дорога' не возникает в ходе речи, а существует в языке как готовая единица. *Чукун сул* лишь по форме совпадает со словосочетаниями, образуемыми по структурно-семантической модели изафета первого типа, а по своей семантической структуре представляет собой факт отклонения от правила образования соединений слов, соответствующих изафету I. Это видно и из сопоставления уже приведенных сочетаний *чукун плита* 'чугунная плита', *чукун кёпер* 'чугунный мост' с анализируемым словесным комплексом *чукун сул* 'железная дорога'. Семантика первых двух сочетаний слов определяется значениями их составляющих, в них компонент *чукун* 'чугун' указывает на то, из чего сделан предмет. Лексема *чукун* 'чугун' в значении «сделанный из чугуна» имеет свойство вступать в свободную синтаксическую связь со всеми словами, которые совмещаются с ней по лексико-грамматическому значению, иначе говоря, рассматриваемое слово обладает свободной сочетаемостью. Что касается семантики составного названия *чукун сул* 'железная дорога', то она также складывается из значений образующих частей. Однако значение первого компонента отличается неопределенностью. Здесь, наоборот, целое (*чукун сул*) детерминирует значение составных частей, вне этого целого вообще не представляется возможным говорить о каком-либо значении, присутствующем компоненту *чукун* 'чугун'. Значение «рельсовый (путь), предназначенный для движения поездов», свойственное слову *чукун*, фразеологически связанное. Существительное *чукун* приобретает данное значение и, соответственно, знаковую функцию лишь, как уже отмечалось выше, при посредстве семантически ключевого слова *сул* 'дорога'.

В рассмотренных несвободных сочетаниях слов *сёва тух* 'дожить до лета', *сённе тух* 'дожить до нового хлеба' и *чукун сул* 'железная дорога' в качестве указательных или семантически ключевых слов выступают соответственно два (*су* 'лето', *сёнё* 'новина, новый хлеб') и одно слово (*сул* 'дорога'). Однако в языке нередко наблюдаются случаи, когда круг семантически реализуемых слов в словесных соединениях, представляющих собой факты отступлений от правил интеграции лексических единиц, бывает сравнительно широким, хотя и фиксированным. Так, например, глагол *кай* 'уйти' вычленяет значение «лишиться чего-либо (названного в именной части)», сочетаясь со строго определенными именами существительными *вай* 'сила', *хал* 'сила', *сёл* 'сила, мочь', *а́н* 'сознание', 'память', *та́н* 'сознание', 'память', *а́с* 'ум', *са́н* 'вид, облик, лицо', *те́с* 'лицо, вид' в форме исходного падежа: *вайран* (*халтан*, *халран*, *сёлтен*) *кай* 'выбиться из сил' (букв. 'выйти из силы'), *а́нтан* (*а́нран*, *та́нран*) *кай* 'потерять сознание, память, лишиться сознания, чувства' (букв. 'уйти из сознания, памяти'), *а́сран кай* 'лишиться ума, глупеть' (букв.

'уйти из ума'), *сӓнран кай* 'потерять вид, побледнеть, выглядеть болезненным' (букв. 'уйти из вида, облика'), *тӓсрен кай* 'измениться в лице' (букв. 'выйти из вида'). Способность глагола *кай* 'уйти' в значении «лишиться чего-либо» сочетаться с более широким кругом слов создает видимость того, что в языке существует модель смысловой связи *кай* при реализации им названного лексико-семантического варианта, и приведенные сочетания слов с глагольным компонентом *кай* 'уйти' являются свободными сочетаниями слов, образованными в соответствии с этой моделью. Однако это лишь первое впечатление. По существу, перечисленные выше соединения слов с стержневым словом *кай* 'уйти' не могут быть отнесены к категории свободных сочетаний слов или, по-другому, — к моделируемым образованиям. В этом можно убедиться, если учесть, что в числе сочетаний слов, образованных реализацией фразеологически связанного значения «лишиться чего-либо», собственного глаголу *кай*, в языке нет, в частности, таких, как *вай-халран кай* (букв. 'выйти из силы'), *тӓтӓрхаран кай* (букв. 'выйти из силы'), *сӓмрен кай* (букв. 'выйти из сознания'), *нӓртен кай* (букв. 'выйти из вида, облика'), хотя первые компоненты в данных сочетаниях относятся к той же семантической группе, что и существительные, реализующие значение *кай* — «лишиться чего-либо».

Следовательно, сочетания слов, созданные реализацией глаголом *кай* 'уйти' значения «лишиться чего-либо», представляют собой факты, стоящие вне системы действующих в языке правил образования сочетаний слов.

Свойство быть отступлением от системности обуславливает то обстоятельство, что в сочетаниях слов типа рассмотренных строго ограничивается свобода выбора компонентов, и эти словесные комплексы существуют в языке как готовые единицы, поэтому в речевой деятельности они и воспроизводятся.

Рассматривая соединения слов, в которых проявляется связанное значение одного из компонентов, очень важно иметь в виду следующее обстоятельство. Несистемные словесные комплексы, подобно всем другим фактам отступлений от правил интеграции значимых единиц языка, не существуют обособленно от явлений, соответствующих общим закономерностям комбинаторики номинативных единиц. Важнейшим свойством, не отрывающим их от языковой системы, является то, что они образуются по аналогии со свободными сочетаниями слов. Таким образом, сочетания слов — факты «нарушений» системной организации языка — возникают и существуют, опираясь на «чужие» образцы, хотя их семантическая структура и не соответствует им.

В чувашском языке, как и в других языках, имеется значительное количество несвободных сочетаний слов, несистемность которых выражается в том, что составляющие их компоненты не выражают того значения, какое им свойственно в свободных соединениях слов. Смысл таких словесных соединений не выводится из значений их составных частей. Так, например, в сочетании *хӓрлӓ сунат* 'красноперка' (букв. 'красное крыло') ни одно из слов не связано с тем предметом, обозначением которого оно служит в обычных соединениях слов, и не выражает того значения, которое ему присуще как лексической единице. Объясняется это тем, что с данной реалией соотносится не каждый компонент в отдельности, а весь словесный комплекс в целом.

Рассматриваемое сочетание слов *хӓрлӓ сунат* 'красноперка' одновременно называет определенный вид рыбы и выражает значение, связанное с обозначенным фактом. *Хӓрлӓ сунат* содержит в себе смысл «рыба семейства карповых с красными плавниками». Данное значение

понятие не вытекает из значений компонентов, составляющих анализируемое соединение слов, оно свойственно всему сочетанию лишь в целостном виде. Этой отличительной особенностью данного словесного комплекса и обусловлено то, что последний по форме равнозначен атрибутивному словосочетанию — изафету первого типа, однако по содержанию этому типу структурно-семантической модели не соответствует, представляя собой один из случаев отступления от правила образования атрибутивных словосочетаний. Поэтому в рассматриваемом сочетании мы не можем установить отношения грамматической зависимости между компонентами и, следовательно, выделить определяемое слово и определение.

Итак, составное наименование *хёрлэ сунат* 'красноперка' представляет собой значимую структурную единицу языка, образованную не по правилам соединения слов как значимых единиц языка. Это единичное, немоделируемое языковое образование, то есть следующий тип несвободных сочетаний слов, репрезентирующих определенное содержание лишь при совместном употреблении своих компонентов.

В сочетаниях слов данного типа каждый из составляющих компонентов десемантизирован, утратил знаковую функцию в связи с тем, что компоненты этих соединений слов лишь будучи нерасторжимо связанными между собой обозначают факты реального мира.

В подобных несвободных сочетаниях слов, как правило, не допускается замена компонентов, ибо изменение их состава обычно вызывает разрушение семантической структуры подобных соединений или их переход в категорию свободных сочетаний слов. Однако в некоторых случаях замена отдельных слов в несвободных сочетаниях возможна, однако строго в пределах узусально допустимой или фиксированной вариантности. Так, например, глагольный компонент *суйла* 'выбирать' в несвободном сочетании *аяк пёрчисене суйла* 'пересчитать ребра (кости) кому-либо' (букв. 'выбирать ребра') может быть заменен другим вариантным компонентом *шутла* 'считать' (*аяк пёрчисене шутла*), что не приводит к изменению семантики устойчивого словесного комплекса.

В чувашском языке, как и в других тюркских языках, значительное место занимают так называемые парные сочетания слов (в чувашском языкознании их принято называть «парными словами»), значение которых так же, как и значение несвободных сочетаний типа *хёрлэ сунат* 'красноперка', невозможно вывести по обычному правилу. Для примера возьмем сочетание слов *çăкăр-тăвар* 'пища, еда, съестные припасы'. В данном сочетании слов отступления от системности выражены в следующем: 1) ни компонент *çăкăр* ('хлеб'), ни компонент *тăвар* ('соль') не соотносятся с теми денотатами, названиями которых являются. Иными словами, они в данном случае выражают не то значение, какое им свойственно в свободных сочетаниях слов. Поэтому лишь совместное употребление обоих членов позволяет сочетанию реализовать смысл «пища, еда, съестные припасы»; 2) словесное единство *çăкăр-тăвар* выражает обобщенно-переносное, собирательное, значение; 3) по типу *çăкăр-тăвар* невозможно создание однородных с ним языковых единиц с обобщенно-собирательным значением; не употребляются со значением собирательности, в частности, такие парные соединения слов, как *çăкăр-кукăль* (букв. 'хлеб-пирог'), *сахăр-тăвар* (букв. 'сахар-соль'). *Çăкăр-тăвар* 'хлеб-соль' — это устойчивое сочетание слов с исторически закрепившимися за ним значением и стабильным лексическим составом.

В речевой практике сочетания слов *çăкăр-кукăль* (букв. 'хлеб-пирог'), *çăмах-салма* (букв. 'клецки-салма') вполне допускаются, но они в отличие от *çăкăр-тăвар* 'хлеб-соль', не содержат в себе добавочного

собрательного смысла, а выражают значение, складывающееся из значений сочетающихся в них компонентов. Такие соединения слов, как известно, называют «ассоциативными».

Отклонения от правил интеграции значимых структурных единиц языка имеют место и на уровне предложений, хотя в меньшей степени, чем на уровне слова. Так, например, в чувашском языке бытует выражение *Ури сине ёне пусман-ха* 'Не изведал еще тягот жизни' (букв. 'На его (ее) ногу еще не наступила корова'). Здесь выделяются следующие случаи отклонения от системы: 1) компоненты лишены того системного, регулярного, значения, какое характерно для них при обычном, свободном, употреблении; 2) ни один из компонентов не может быть заменен другим, ибо замена может разрушить семантическую структуру выражения; 3) выражение по своей семантике не соотносится с моделью двусоставного простого предложения, а лишь по форме совпадает с ней. Итак, приведенное выше выражение, выступает в языке как структурная значимая единица, строение которой не соответствует правилам интеграции значимых элементов языка на уровне коммуникативных единиц.

Таким образом, в чувашском, как и в других языках, соединениям значимых структурных единиц языка, созданным или создаваемым в соответствии с действующими в языке общими закономерностями, противопоставлены комбинации языковых единиц, строение которых не соответствует этим закономерностям. Последние в языке образуются или в результате «нарушения» законов соединения значимых элементов языка, или вообще индивидуальным путем, вне существующих образцов.

«Фразеологизмом» или «фразеологической единицей» называется любой факт отступления от системности в области сочетаний слов, то есть любое несвободное сочетание слов. Совокупность соединений номинативных единиц, представляющих собой то или иное отступление от общих и регулярных правил их комбинирования, составляет фразеологию того или иного языка.

В последние годы в лингвистической литературе появился ряд работ, в которых «фразеологичностью» называется свойство, заключающееся в отступлении от системности на всех структурных уровнях языка, а каждая конкретная единица, характеризующаяся данным свойством, именуется «фразеологизмом»¹². Наблюдения над фактами чувашского языка также показывают, что, действительно, в известной мере можно говорить об изоморфности разных структурных уровней значимых единиц в сфере и системных, и асистемных образований. В частности, нередко отклонения от правил словообразования проявляются в виде немотивированной ограниченности в сочетаемости отдельных аффиксальных морфем. Например, реализация компонентом *-чах* значения «лицо, обладающее какой-либо способностью» происходит лишь в сочетании с единственным существительным *ӓс* 'ум': *ӓсчах* 'мастер на выдумки, изобретательный человек'; невозможны сочетания: *ӓнчах, тӓнчах, вӓйчах*. Аналогичное явление наблюдается и на уровне сочетания лексем. Так, глагол *тух* 'выйти' вычленяет значение «стать старше (какой-либо возрастной нормы)», сочетаясь лишь с одним семантически реализующим его словом *сул* 'возраст': *султан тух* 'выйти из возраста'. Также изоморфны по слитности означаемого, к примеру, следующие соединения языковых единиц: *вӓстер* (*вӓс+тер*) 'быстро двигаться, нестись, мчаться', *тимёр*

¹² Н. А. Янко-Триницкая. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1969, вып. 5, т. XXVIII, стр. 429—436; «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 14.

pärça (тимёр + *pärça*) 'очень скупой человек' (букв. 'железный горох').

Тем не менее, на наш взгляд, не представляется возможным делать заключение о полной изоморфности единиц разных уровней языка. Качественное различие между разными структурными уровнями языка, по нашему мнению, обуславливается тем, что значение единицы его высшего уровня никогда не бывает простой суммой значений, образующих ее единицу низшего уровня, а выражает новый смысл.¹³

Отступления от общих закономерностей соединения значимых структурных единиц в составные в пределах слов как морфологически цельнооформленных образований обычно не связаны с коренными изменениями в их семантике и структуре. Для примера возьмем глагол *вёстер* в значении «мчаться, нестись, лететь». Данное номинативно-производное значение возникло на базе основного прямого значения глагола *вёщ* 'летать, лететь' в понудительной форме (*вёстер* 'заставить летать, лететь'), его невозможно интерпретировать в терминах системности, то есть исходя из правил образования каузативной (понудительной) формы глаголов. По своей семантической структуре *вёстер* в рассматриваемом значении противоречит этому правилу. Следовательно, значение «мчаться, лететь», выраженное глагольной формой *вёстер*, представляет собой факт отступления от системы. Однако между значениями «заставить летать, лететь» и «мчаться, нестись, лететь», которые выражаются глаголом *вёстер*, семантическая связь не разрывается, напротив, она существует и позволяет названные лексико-семантические варианты глагольной формы *вёстер* считать значениями одного и того же слова.

Фразеологизация, то есть приобретение сочетанием слов свойства фразеологичности, как правило, обуславливает качественные изменения в их структурно-семантической организации. Так, например, словосочетание *хуп турттар* 'возить лубок, кору (какого-либо дерева)', подвергшись фразеологизации, то есть развив в себе новое, фразеологическое, значение «дряхнуть», выпадает из ряда таких свободных сочетаний, как *йывайс турттар* 'возить лес', *пёрене турттар* 'возить бревна', *утй турттар* 'возить сено', *вутй турттар* 'возить дрова' и т. п., и теряет все признаки, свойственные ему как словосочетанию (исчезает объектное отношение, существующее между компонентами, и, следовательно, свойство соответствовать модели словосочетаний, выражающей объектную связь). Словесный комплекс *хуп турттар* в значении «дряхнуть» — это качественно новая, по сравнению с формально с нею совпадающим словосочетанием, единица языка, характеризующаяся идиоматичностью, то есть невыводимостью общего значения по правилу.

Исходя из вышеизложенного, мы не видим достаточных оснований для определения фактов отступления от правил интеграции значимых единиц языка на всех его структурных уровнях одним общим термином «фразеология». Это тем более неправомерно, что в области словоизменения и словообразования у асистемных фактов отсутствуют какие-либо, только им свойственные конструктивные признаки, на основе которых можно было бы отграничить их от регулярных соответствий. Поэтому, на наш взгляд, все случаи отклонений от правил комбинаторики значимых элементов языка в сфере морфемосочетаний следует изучать в плане сопоставлений с регулярными соответствиями в морфологии и словообразовании¹⁴. Следует сохранить традиционную связь термина «фразеологизм» или «фразеологическая единица» с таким специфиче-

¹³ См.: Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 24.

¹⁴ «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», стр. 452.

ским явлением языка, как устойчивое, семантически несвободное сочетание слов. Данный термин адекватно отражает сущность этих своеобразных словесных комплексов, их отличия от свободных соединений слов и смежных с ними других единиц языка (слова, составные названия, пословичные выражения).

Фразеологизмы, как и другие значимые структурные элементы языка, характеризуются целым комплексом дифференциальных признаков.

Определяющим признаком фразеологизмов служит семантическая спаянность или неразложимость составляющих их слов. Данное свойство у них проявляется или в виде односторонней смысловой зависимости одного компонента от другого, или в виде их сквозной смысловой взаимосвязанности. Так, например, в фразеологизме *пурнăçа кĕр* 'претвориться в жизнь' (букв. 'войти в жизнь') глагол *кĕр* 'войти' семантически зависит от первого слова *пурнăç* 'реальная действительность, жизнь': он лишь при совместном употреблении с существительным *пурнăç* в форме дательного падежа единственного числа реализует значение «претвориться в жизнь».

Аналогичную семантическую зависимость испытывает глагол *пут* 'тонуть' при выражении им значения «целиком отдаться какому-либо чувству, занятию и т. п.». Названный лексико-семантический вариант *пут* проявляется в строго определенном лексическом окружении: (*пуçĕпех*) *ёсе пут* '(с головой) уйти в работу' (букв. 'утонуть в работе'), *ёске пут* 'предаться пьянству, запить' (букв. 'утонуть в пьянстве'), *хуйха пут* 'впасть в горе', *шухăша пут* 'погрузиться в раздумье, в размышление', *ыйха (тĕлĕке) пут* 'погрузиться в сон'; *ёмёте пут 'погрузиться в мечту', *кичеме пут 'погрузиться в тоску'.

В приведенных фразеологизмах отмечается односторонняя семантическая зависимость компонентов. Она обусловлена синсемантической, то есть отсутствием самостоятельного значения у одного из компонентов фразеологической единицы. Способность обозначать (или называть) внеязыковые объекты и выражать значения, соотносимые с последними, связанные компоненты фразеологизмов приобретают только при совместном употреблении с другими, так называемыми опорными словами, круг которых жестко регламентирован языковой нормой.

В чувашском языке часто встречаются фразеологизмы, характеризующиеся, как отмечалось выше, сквозной смысловой связанностью всех составляющих компонентов. Так, например, в фразеологической единице *çăкăр çĕрт* 'даром хлеб есть' (букв. 'гноить хлеб') оба слова неразсторжимо связаны между собой, ибо здесь ни одно из них в отдельности не выражает значения, свойственного им вне данного соединения слов. Лишь словесный комплекс *çăкăр çĕрт* в целом соотносится с реальностью, с которой связано значение рассматриваемого фразеологизма. Следовательно, характерной чертой значения фразеологизма *çăкăр çĕрт* 'даром хлеб есть' является целостная направленность на обозначаемый факт действительности.

У данного фразеологизма и других, однотипных с ним, признак раздельноформленности как бы отодвигается на задний план. На первое место выдвигается цельность обозначаемого им значения, соотношенного с определенным фактом действительности. «Хотя в строении фразеологических единиц, — пишет О. С. Ахманова, — и обнаруживается их составной характер, иными словами, хотя они и являются мотивированными — основным критерием для отграничения их от словосочетаний в собственном или общем смысле этого термина является именно характер их соотношения с действительностью. Можно сказать, что во фразеологической единице „цельность номинации“ довлеет над структурной

раздельностью: выделение признаков, характеризующих обозначаемый предмет, оказывается подчиненным его целостному обозначению»¹⁵.

Таким образом, следствием внутренней семантической спаянности составных элементов фразеологизмов в одних случаях является выражение определенного лексического значения одного из их компонентов, в других случаях — значения, присущего всему сочетанию слов в целом.

Семантической спаянностью, или связанностью, компонентов фразеологизмов предопределяется важная их особенность — устойчивое соотношение значения и средств его выражения, то есть стабильность семантики и лексического состава, а также грамматического оформления.

Устойчивость, или константность, семантической структуры, лексического состава и грамматической организации фразеологизмов предполагает их воспроизводимость в речи. Фразеологические единицы существуют в языке как готовые к употреблению комбинации слов, они в ходе речевой деятельности «извлекаются из памяти» в готовом виде.

Таким образом, фразеологизмы в ряду других значимых структурных единиц языка выделяются целым комплексом признаков: 1) раздельнооформленностью (состоят из двух или более словесных компонентов), 2) семантической спаянностью компонентов (семантически несвободные сочетания слов), 3) устойчивостью семантики и лексико-грамматических средств ее выражения и 4) воспроизводимостью в речи.

Учитывая эти дифференциальные признаки, присущие фразеологизму, можно дать ему следующую дефиницию: фразеологизм — это семантически несвободное сочетание слов, воспроизводимое в речи как готовая единица языка, характеризующаяся устойчивым соотношением значения и лексико-грамматического состава.

---

¹⁵ О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 169.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. А. БОРОДИНА

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ ДИАЛЕКТОВ И ИХ АТЛАСИРОВАНИЕМ

Проблема изучения категории лингвистического пространства имеет два аспекта: экстралингвистическую и интралингвистическую характеристики.

Экстралингвистическая характеристика включает вопросы распространения языков и диалектов как гомогенных территориальных лингвистических единиц: границы и характер их распространения (сплошное, перемежающееся), плотность, интенсивность, направленность и обусловленность распространения. Экстралингвистическая характеристика языков и диалектов включает также установление границ последних, определение демографических, политико-экономических, физико-географических и социо-культурных особенностей их ареала в прошлом и настоящем.

Интралингвистическая характеристика связана с изучением отдельных черт структуры языков и диалектов всех уровней: фонетики, морфологии, синтаксиса, фонеморфологии и фоносинтаксиса, по возможности и стилистики, хотя последний языковой уровень в территориальном отношении менее релевантен.

Интралингвистическая характеристика составляет основную часть изучения лингвистического пространства, однако фоном для развития лингвистических явлений служит вся экстралингвистическая ситуация, включая связь лингвистики с другими смежными дисциплинами — этнографией и фольклором, литературой, историей, географией.

Лингвистическое пространство языков и диалектов проявляется в трех аспектах: диалектном, лингвогеографическом и ареальном, которые представляют собой последовательные ступени изучения лингвистического пространства. Не рекомендуется, например, составлять лингвистический атлас, если не исследованы еще в достаточной мере диалекты (для правильного составления программ и вопросников нужны предварительные диалектные сведения). Соответственно нельзя говорить об ареалах того или иного явления, если не изучено пунктно его распространение, то есть если нет лингвистического атласа или адекватных ему материалов (таблиц или словарей с локализацией лексем).

Диалектный аспект пространственных исследований для современных языков, как известно, предполагает работу с носителем языка, то есть полевую работу. При этом следует фиксировать не только отдельные слова и формы, но и связную речь: запись устных текстов

(рассказов, песен и других образцов фольклора). Исследование конкретной диалектной лексики весьма часто приводит к изучению и этнографического материала.

Желательно, чтобы составление диалектных словарей сопровождалось указанием места бытования того или иного слова. Это важно, ибо наряду с некоторым количеством общедиалектных слов, имеется также значительное число слов, характерных для отдельной микрзоны, а иногда только для данного носителя языка или микроколлектива. Следует различать диалекты, имеющие письменную литературу и не располагающие таковой. Первые можно характеризовать как «литературные диалекты»¹. Именно в последних и могут быть исследованы стилистические особенности диалекта.

Исторические диалекты исследуются по историческим текстам, литературным и нелитературным; особенно большое значение в данном случае имеют документальные материалы.

Большинство языков и диалектов СССР так или иначе изучено. Это относится и ко многим диалектам тюркских языков СССР. Однако это изучение нуждается в исчерпывающем суммировании путем создания библиографий (по типу известной библиографии французских диалектов Д. Беренса). Должны учитываться не только основные работы, но и все то, что было опубликовано в газетах, календарях, местных журналах. Эти библиографии нужны и для того, чтобы выявить «белые пятна» — не изученные или недостаточно изученные диалекты и говоры. При этом необходимо обратить особое внимание на диалектный синтаксис, а по возможности, и на диалектную стилистику, которыми диалектологи занимаются мало.

Большое внимание уделяется работе над памятниками письменности и особенно над историческими текстами². Почти нет работ по ономастике (топонимике и антропонимике)³.

Диалектные материалы — анкеты, тексты, лингвистические карты — обычно хранятся в личных архивах у исследователей и поэтому не всегда могут быть учтены при работе. Диалектные тексты имеют особенно большое значение для изучения истории диалекта, определения его статуса. Поэтому значительную пользу принесло бы создание архивов диалектных записей.

Учитывая усовершенствованные и получившие в нашей стране большое развитие методы экспериментальной фонетики, следовало бы расширить и это направление. Для тюркоязычных районов уже создан экспериментально-фонетический центр в Новосибирске, где проводится немало исследований диалектов разных тюркских языков⁴. Аналогичные центры имеются также в Алма-Ате и Баку.

Основой пространственных исследований, на наш взгляд, является лингвистический атлас. В диалектологии территориальный фактор менее релевантный, чем в лингвогеографии. Именно диалектная изученность тюркских языков позволила В. М. Жирмунскому в свое время

¹ См.: М. А. Borodina. Les dialectes littéraires. — «Romanische Philologie heute. Festschrift Rita Schober». Berlin, 1969, стр. 699—700.

² См.: Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982, стр. 280—297.

³ Следует отметить диссертацию: Ф. Муродов. Вариативность таджикских народных пословиц и поговорок. Автореф. канд. дисс., Душанбе, 1979; Это интересная фольклорно-лингвистическая тема, которую было бы полезно разработать в общетюркском сопоставительном плане.

⁴ Подробнее об этом см.: И. Я. Селютина. Фонетические исследования в Сибири. — «Советская тюркология», 1983, № 2.

выступить со статьей о необходимости создания Диалектологического атласа тюркских языков СССР (ДАТЯ СССР)⁵.

В языкознании работа над лингвистическими атласами относится к числу самых сложных и трудоемких. Она требует обычно много времени (иногда несколько десятилетий). Лингвистическое содержание атласа может включать все языковые уровни (состояния, статусы, в том числе отдельные литературные формы). И все же наиболее существенное место в лингвогеографии, как и в диалектологии, занимают фонетика и лексика. Атласы могут быть выполнены как традиционными методами так и новейшими методами математической лингвистики (особенно если речь идет об очень обширной территории и большой анкете). Применение количественных методов и ЭВМ возможно только при картографировании и чтении уже закартографированного материала; в одном из основных аспектов лингвистической географии — в полевой работе, имеющей весьма индивидуальный характер, эти количественные методы неприменимы.

Лингвистические атласы по своей природе характеризуются комплексностью. Базой лингвистических атласов является картографическая основа (так называемая «карта-основа»). Однако и другие аспекты географии — физический, демографический, экономический и политический — связаны с характеристикой лингвистического пространства, ибо относятся к категории экстралингвистических явлений. Известная роль, часто немаловажная, в вычленении лингвистического пространства (ареала) принадлежит физической географии.

Как правило, атлас включает три части: 1) препринты — вводный том или выпуск, или же часть, в которой излагаются установочные и теоретические вопросы, связанные именно с данным атласом; приводится программа атласа или вопросник; даются топонимические и ономастические сведения (пункты обследования и выбранные анкетируемые); приводятся вспомогательные карты — физико-географические, исторические, политико-экономические, этнографические и др.; 2) корпус атласа, то есть серия лингвистических (или этнографических и фольклорных) карт, что составляет основную часть атласа; 3) постпринты, а именно: приложения к атласу — таблицы, дополнительные сведения, не поддающиеся картографированию, дополнительные лингвистические (этнографические) карты или материалы; фотографии, зарисовки, материалы фольклорного плана, этнографические наблюдения и т. д. В постпринты входят и диалектные тексты, собираемые при анкетировании, но выходящие обычно отдельными изданиями, комментариями и вокабулярами; периодические издания и бюллетени, сопровождающие работу над атласом.

При таком значительном количестве составляющих обязательными элементами лингвистического атласа являются вопросник (программа), сведения о пунктах обследования, сведения об информантах, минимум вспомогательных карт и, естественно, корпус карт.

По содержанию лингвистический атлас может быть и материалом исследования, и предварительным исследованием, и собственно исследованием. Но чаще всего, как показывает практика, атлас — это материал для исследования (таковым является и ДАТЯ СССР).

Основой лингвистического атласа является лингвистическая карта. Карты бывают синтетическими, то есть слово в них приводится в синтезе составляющих его элементов (тип романской карты) и аналитическими (способ значков — пунсонов), отражающими соответ-

⁵ В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6.

ствующее явление (тип германской, славянской, а также тюркской лингвистической карты). В последнем случае карта представляет собой определенным образом зашифрованный текст. «Текстовость» карты проявляется особенно наглядно в тех атласах, где у обследуемого пункта пишется слово, а на поле карты выносятся дополнительные сведения различного характера, в том числе и этнографические (последнее в известной мере характерно и для аналитических карт).

Лингвистическая карта имеет свой «язык»: это условные знаки, качественный фон, локализованные диаграммы, буквенные обозначения, знаки движения (векторы, эпюры), изоглоссы и ареалы, просто слова в транскрипции или без нее. Весьма разнообразны применяемые на картах транскрипции и условные обозначения⁶.

Жанр лингвистического атласа имеет двойное значение: теоретическое — исследование разных уровней и состояний языка — от литературных форм до идиолектных, изучение языка города и села (деревни), территориальных диалектов (говоров) и социолектов; и практическое — изучение и тем самым сохранение языков и диалектов народов нашего многонационального государства, а следовательно, сохранение и развитие самобытности культур в фольклорно-этническом аспекте.

Известно, что для многих основных языков Советского Союза атласы составлены и во многих случаях изданы. Это прежде всего балто-славянские языки. Каталог лингвистических атласов⁷ показывает, что атласами обеспечена примерно одна пятая часть языков СССР. Общее количество учтенных в каталоге атласов — около 250 единиц (названий), из них 24 на территории СССР — в основном рукописные или находящиеся в процессе составления.

Следующим этапом в изучении лингвистического пространства является ареальный аспект пространственных исследований, базирующийся прежде всего на лингвистических атласах⁸. Только данные лингвистических атласов (карт) указывают достоверный ареал, обладающий эвристической ценностью.

За последние десятилетия диалектология в нашей науке заняла подобающее ей место. Советскими учеными создана и развита теория языковой стратификации, благодаря которой диалект занял соответствующее место среди прочих уровней (стратов, слоев) языка. Языковая стратификация не может быть единой; единой может быть лишь предварительная схема, которая уже создана, однако по-разному реализуется в различных регионах и в разные периоды. Теория языковой стратификации заслуживает дальнейшего изучения и развития.

Внимание ученых привлекает и так называемая «социальная диалектология», тесно связанная с социальной структурой прежде всего города. Основоположником изучения языковой структуры городских социолектов является Б. А. Ларин⁹. Социально-территориальная структура города является одной из ведущих проблем в современной этнографии и отраслевой географии¹⁰.

⁶ См.: К. А. Салищев. Картоведение. М., 1982; F. Joly. La cartographie. Paris, 1980.

⁷ См.: «Лингвистические атласы». Аннотированный библиографический указатель. (в печати).

⁸ См.: М. А. Бородина. Ареалогия и некоторые вопросы романского языкознания. — «Вопросы языкознания», 1975, № 2; «Взаимодействие лингвистических ареалов». Л., 1980.

⁹ В области тюркологии см.: Я. Г. Гулямов. Грамматика ташкентского говора. Ч. I. Морфология. Ташкент, 1968.

¹⁰ См.: «Проблемы этнической географии и картографии». М., 1978. См., в частности, т. IX «Изучение этнической структуры населения городов и проблемы ее картографирования» (глава написана В. В. Покшишевским, стр. 101—118).

Основные научные и организационные задачи в изучении лингвистического пространства, по нашему мнению, следующие: 1) исследование проблем лингвистического пространства в синхронии и диахронии и связь их с историей языка и народа; 2) освещение языковых состояний и ситуаций; 3) комплексное рассмотрение лингвистических и этнографических пространственных особенностей; 4) исследование связи лингвистической географии с полевой этнографией в разделе теории номинации; 5) составление лингвистических атласов больших городов; 6) расширение экспериментально-фонетических работ и создание соответствующих научных центров; 7) по возможности охват всех тюркских и других языков и диалектов СССР лингвистическими и этнографическими (или лингвоэтногеографическими) атласами; 8) создание центра хранения лингвистических атласов, диалектных анкет и записей, фонограммных архивов; 9) изучение синтаксиса, интонации и стилистики диалектов как наиболее сложных проблем структуры языка; 10) составление и издание исчерпывающих библиографий.

Д. М. НАСИЛОВ, Б. Х. РИЗАЕВ

ФАЗА ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОЦЕССА В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение фазовой семантики, как известно, тесно связано с проблемами вида и способов действия и имеет существенное значение для аспектологии. А. М. Пешковский, определяя содержание совершенного вида в русском языке, решающим аргументом считал то, «что формы совершенного вида не мирятся с идеями начала, продолжения и конца процесса...» [6].

В аспектологии на современном этапе ее развития выделение фазовых значений не опирается на единые общепринятые критерии. Многие исследователи под выражением «фаза» понимают этапы протекания действия во времени [11]. Однако, когда лингвисты переходят непосредственно к вопросу об отношениях между объективными, как бы «естественными», фазами развития процесса и к особенностям их членения, которые репрезентируются в языковых значениях глаголов и глагольных образований, то мнения их расходятся. В тюркологических работах выделяются от трех [4] до семи [9] фазовых значений, по-разному называемых исследователями. Что касается других языков, то в них примерно такое же положение [5, 7]. В аспектологии наметились два основных направления в вопросе о выделении фазовых значений. Для одного из них, говоря словами Ю. С. Маслова, характерным является то, что «выделение конечной фазы действия практически часто сливается со значением достижения предела или приближения к пределу (например, в русском *дочитывает*). Выделение срединной фазы..., соответственно сливается со значением недостижимости предела, незавершенности. Только выделение начальной фазы действия или состояния дает более самостоятельное аспектуальное значение — ингрессивное (инцептивное), широко представленное в самых различных языках» [2]. Сторонники данного направления при выделении фазовых значений не разграничивают их с видовыми значениями. Для второго направления характерным является то, что фазовые значения не связываются с видовыми, а рассматриваются как этапы протекания процесса во времени безотносительно к категории предельности/непредельности [11]. Мы придерживаемся второго направления в определении фазовых значений и средств их выделения.

Понятие «фаза прекращения процесса», как и другие фазовые понятия, принадлежит к смысловым («понятийным») категориям. Это выделяемые мышлением универсальные семантические константы, содержанием которых является определенная характеристика любого процесса. На уровне языка они относятся к области грамматических семантических функций.

Под термином «процесс» объединяются отраженные в языковом сознании различные действия, события, состояния, то есть явления действительности, имеющие временную протяженность и поэтому способные восприниматься как делимые на фазы начала, продолжения, прекращения. Процессы могут обозначаться формами как глаголов, так и имен существительных.

Под общим значением фазы прекращения процесса понимается переданное в определенной языковой форме отражение ситуации, когда процесс прекращается с «называемого момента времени», независимо от достижения внутреннего предела [11].

Смысловая категория — фаза прекращения процесса — в языке выражается разными типами языковых форм и значений. В одних случаях значение прекращения процесса выступает в составе семантической структуры какой-либо языковой единицы, в качестве компонента этой семантической структуры, то есть различаемой в ней семы, доминирующей лишь в определенных контекстных условиях. В других случаях, значение прекращения приобретает известную самостоятельность в качестве семантического содержания определенных языковых единиц. Здесь налицо разнохарактерное значение прекращения процесса. В одних случаях последнее может быть осложнено такими дополнительными аспектуальными значениями, как перфективность, результативность, а в других — абсолютным значением фазы прекращения процесса. В связи с этим среди финитивных средств, то есть языковых единиц, выражающих значение прекращения процесса, различаются *собственно строевые* и *нестроевые* фазовые финитивные средства. Критериями выделения строевых, или «типовых» средств (по выражению Л. В. Щербы) [12], являются «представленность» значения прекращения процесса в наиболее чистом виде, то есть отсутствие специфических семантических наслоений разного рода, широкий диапазон сочетаемости потенциала и высокий уровень частотности употребления.

Соединение строевого фазового финитивного средства с формами, обозначающими какой-либо процесс, мы называем аналитической конструкцией с финитивным значением, где постоянным стержневым компонентом конструкции является фазовое средство, а переменным — обозначение процесса.

Определенное выше обобщенное значение фазы прекращения процесса конкретизируется в языке различными признаками аспектуального характера, которые можно объединить на субкатегориальном уровне как особые семантические варианты, связанные общностью финитивного значения. Для выделения субкатегориальных значений требуется всесторонний глубокий семантический анализ с учетом свойств как самих строевых фазовых финитивных средств, так и переменных компонентов при них (субъектов, объектов и прочих синтаксических элементов, связанных с аналитической конструкцией рассматриваемого типа).

Основной задачей данной статьи является выявление в узбекском языке строевых фазовых глаголов, выражающих грамматическое значение прекращения процесса. Эта задача предполагает анализ и описание: а) структурно-семантических особенностей аналитической конструкции с финитивным значением; б) лексико-семантического разнообразия переменного компонента аналитической конструкции; в) выявление субкатегориальных значений фазы прекращения процесса.

Прежде чем перейти непосредственно к решению поставленных задач, обратимся к вопросу о фазовых значениях в узбекском языке.

Фазовые значения, относящиеся к универсальным семантическим характеристикам протекания процесса, имеют языковое выражение как

в индоевропейских, в частности в русском и немецком, так и в отличных от них по своей структуре тюркских языках, например, в современном узбекском языке. Ср.: *Bahor stol joniga ўtirib, xatni ўqij boʻsladi* (П. Қодиров) 'Бахор, сев за стол, начала читать письмо'. *Anvar sўzida davom qildi* (П. Қодиров) 'Анвар продолжал говорить'. *Muzika tuhtadi* (Р. Файзий) 'Музыка прекратилась'. Из трех основных фазовых значений (начала, продолжения и прекращения) в узбекском языке была подвергнута специальному исследованию только фаза начала [3]. Что касается противоположного фазового значения — фазы прекращения процесса, то данная семантическая функция не была еще объектом такого анализа не только в узбекском языке, но и вообще в тюркских языках.

В тюркской аспектологии в сущности еще не ставился вопрос о выявлении семантической зоны фазовых значений и комплекса средств их выражения. Фазовые значения выделяются тюркологами лишь в связи с исследованием проблемы вида. Под влиянием русского вида тюркологи связывают фазовые значения с видовыми значениями и определяют их исходя из понятий достигнутой/недостигнутой действительности внутреннего предела. Так, например, А. И. Харисов выделяет в башкирском языке «начинательный вид», «длительный вид», «законченный вид» и т. д. [8]. Но и те тюркологи, которые оперируют при анализе тюркского глагольного действия вместо термина «вид» понятиями «способы действия» или «характеристика (характер) протекания действия», подходят к определению фазовых значений в сущности с тех же позиций. Так, Н. Оралбаева, выделяя в казахском языке двенадцать способов действия, считает, что понятие «фаза действия» с логической точки зрения шире, чем понятие «способ действия», потому что многие способы действия сводятся, в конечном счете, к представлению в основном трех фаз действия: начальной фазы, фазы совершения и фазы завершения действия [4]. Отметим, что и здесь под фазой завершения понимается достижение действием внутреннего предела. В узбекском языке А. Ходжиев выделяет девять различных характеристик протекания действия (*harakat processinging karakteristikasi*), семь из которых автор называет фазовыми [9]: 1) начальная фаза; 2) фаза в завершении; 3) фаза приближения к завершению; 4) фаза полного завершения; 5) интенсивная фаза; 6) фаза недостижимости нормальной степени; 7) фаза завершения действия и совершенности состояния [9]. Среди выделенных А. Ходжиевым фазовых значений, на наш взгляд, представляют интерес прежде всего те, которые так или иначе входят в семантическую зону фазы прекращения процесса в определяемом нами значении, то есть, если судить по названиям, — фазы (3), (4), (7). Однако, примеры, приводимые автором, убеждают в том, что и здесь собственно фазовые и «видовые» значения не различаются. Рассмотрим это на примерах одной, наиболее однозначной, фазы (4). Так, А. Ходжиев в качестве средств выражения «фазы полного завершения» (*harakatning tўla (tugal) baʼzargiliʃ fazasi*), которую автор в более поздней работе называет уже «фазой прекращения» (*harakatning tugallangan fazasi*) [10], приводит следующие вспомогательные глаголы, образующие, по его мнению, некатегориальные аналитические формы глагола: *bўl, bit, bitir, ʃiq, et, ўt, ol, qўj, ket, jubor, taʃla, sol, tuʃ*. Обратимся к некоторым примерам автора: (1) *Bundaj pajtlarda u, to qulini juvib bўlmagunʃa, kasalga orqasini ўgiriб turar aди* 'В такие моменты он, пока не вымоет руки (букв. 'пока не станет вымывши'), стоял повернувшись спиной к больному'; (2) *...qishloq batamom jonib bitgan* '...кишлак сгорел до конца' (букв. 'полностью горя кончившись'); (3) *Alimov uz odatiʃa, kuz ojnagi ʃetidan*

хар bir bolaga sinčiklab zehn solib čiqdi 'По своей привычке Алимов из под краешка очков тщательно оглядел каждого из ребят' (букв. 'осмотрев вышел'); (4) Mening Salomatini bilan Sultonim ham savodini čiqarib oldi 'Мои Саламат и Султан тоже стали грамотными' (букв. 'грамоту вытащив взяли'); (5) Maktabdošim, balki meni unitib juborgandirsan 'Мой школьный товарищ, ты наверное, вовсе (по)забыл меня' [букв. '(по)забыв, наверное, отправил']. Из приведенных примеров явствует, что автор не проводит четкого разграничения фазовых и видовых значений. Так, если в примере (2) глагол bit привносит фазовое значение прекращения, то в остальных случаях наблюдается лишь достижение действием своего предела. В некоторых же случаях вспомогательные глаголы не выражают даже этого значения. Например, в сочетании unitib jubogmoq вспомогательный глагол jubog не модифицирует значения unitib, ибо здесь само лексическое значение глагола unitmoq 'забывать' содержит в себе лексическую сему «прекращение». Сочетание unitib jubogmoq означает не «перестать забывать» (что выражало бы чисто фазовое прекращение процесса), а «перестать помнить».

Аналогичный подход к выявлению значений завершения, законченности, исчерпанности конечного этапа в развитии процесса мы находим и в работах других тюркологов. Так, А. А. Юлдашев в качестве средств выражения подобных значений называет вспомогательные глаголы типа čyk, tašla, keč, jeber в сочетании с деепричастием на -р в башкирском языке [13].

Таким образом, ни в одной из известных нам работ, касающихся исследования тюркского глагольного действия, не выделяются в качестве средств выражения фазовых значений завершения, прекращения, процесса, собственно фазовые глаголы типа узбекских tugatmoq, tapotlatmoq, tuxtatmoq и др. Из всех фазовых глаголов, выражающих значение прекращения процесса, неизменно называется только глагол bit, другие же, несомненно, входящие в число финитивных средств, оставались и остаются вне поля зрения ученых. Такое положение можно объяснить, во-первых, тем, что тюркологи в поисках категории вида в тюркских языках, аналогичной категории вида в русском языке, не разграничивали фазовые и видовые значения; во-вторых, все тюркологи стремились выявлять только чисто грамматические средства выражения видовых значений, выделяя в тюркских языках аналитические формы глагольного слова, но не относя к ним сочетания с фазовыми глаголами. Между тем в узбекском языке, как и в немецком и русском языках, имеется целый ряд разнообразных языковых средств, специализирующихся на выражении значения прекращения процесса [7].

В узбекском языке имеются и собственно строевые финитивные глаголы, и такие глаголы, в значения которых так или иначе входит фазовая сема «прекращение»; в сочетании с определенной ограниченной лексикой они могут передавать финитивное значение. Сплошной просмотр двуязычных словарей позволяет привести следующий перечень глаголов с иллюстративным материалом, в качестве которого используются примеры из художественной литературы, полученные в результате также сплошной выборки из двадцати произведений художественной прозы (оригинальных и переводных):

bitmoq 'кончатся, заканчиваться, оканчиваться, прекращаться': Mana, qissa ham bitdi! (Г. Х. Андерсен) 'Вот и закончилась повесть'; bitirmoq 'кончать, заканчивать': Nigora čininci sinfni men bilan birga bitirdi (М. Қориев) 'Нигора вместе со мной закончила десятый класс'; bosmoq 'подавлять, усмирять': qürquvni bosmoq 'подавить страх'; bostirmoq 'подавлять': quzʷolonni bostirmoq 'подавить восстание'; busmoq

'нарушать, разрушать': tartibni buzmoq 'нарушить порядок', tinçlikni buzmoq 'нарушить покой'; bۆlmoq 'делить, разделять': lektorning gapini savol bilan bۆlmoq 'прерывать лектора вопросом'; kesmoq 'резать', 'прекращать, прерывать (например, речь)': birovning sўzini kesmoq 'прерывать чью-либо речь'; qolmoq 'оставаться', 'лишаться': oуgriyngiz qoldimi? 'прекратилась ли у Вас боль?'; sўnmoq 'гаснуть, тухнуть': Bukning kўzlarida jonajotgan yuzab ёti birdan sўndi (Г. Манн) 'Горевшее в глазах Бука пламя гнева вдруг погасло'; tamomlamoq 'заканчивать, кончать, завершать, довершать': Valentina Jakovlevna ...navbatçilik işini tamomladi (И. Содиқов) 'Валентина Яковлевна ...закончила дежурство'; taşlamoq 'бросать': çekişni taşlamoq 'бросить курить'; tinmoq 'успокаиваться', 'переставать, прекращаться': jomiy tindi 'дождь перестал (прекратился)'; tugamoq 'кончатся, заканчиваться', 'иссякать, исчерпываться': Sundan kejin uçraşuv tugadi (Е. Шуқуров) 'После этого встреча закончилась'; tugatmoq 'кончать, завершать': ...ikki sўz bilan suhbatni tugata qoldi u ham (А. Мухтор) 'И он двумя словами закончил беседу'; tўxtatmoq 'останавливаться', 'переставать, прекращаться': U gapirishdan tўxtatdi 'Он перестал говорить'; tўxtatmoq 'останавливать', 'прекращать': Krimov Saidovga uzr ajtib, suhbatni tўxtatdi (И. Содиқов) 'Крымов, извинившись перед Саидовым, прервал беседу'; uzmoq 'обрывать', 'прерывать': birog kişi bilan munosabatni uzmoq 'порвать отношения с кем-либо'; uzilmoq 'обрываться', 'прерываться': ularning aloqasi uzildi 'между ними все кончено'; ўtmoq 'миновать, проходить, истекать (о сроке или времени)': kiş tez ўtib ketdi 'зима пролетела (быстро прошла)'.

В соответствии с принципами выделения строевых фазовых финитивных глаголов к ним следует отнести следующие глаголы узбекского языка: tugamoq, tugatmoq, tўxtatmoq, tўxtatmoq, tamomlamoq, tinmoq, bitmoq, bitirmoq. Рассмотрим структурно-семантические особенности конструкций, образуемых этими строевыми фазовыми глаголами финитивности.

Наиболее частотным среди перечисленных глаголов является непременный глагол tugamoq. Он сочетается с именем существительным в основном падеже, выражающим прекращающийся процесс. В позиции переменного компонента при глаголе tugamoq зафиксированы имена процессов как произвольного, так и произвольного типа семантики. В материале встретились имена, обозначающие: а) действия, имплицитные личному агенсу: Sўroq tugadi (Ойбек) 'Допрос кончился'; б) психические состояния субъекта: Kudratilla хўzaning toqati tugadi (Мирмуҳсин) 'У Кудратиллы ходжи кончилось терпение'; в) различные явления событийного характера: Tamoşa tugadi (Р. Раҳмон) 'Представление кончилось'; г) временные отрезки, заполненные каким-либо действием или состоянием субъекта: Uqişini ikkinçi jili ham tugadi (А. Мухтор) 'Закончился и второй год его учебы'; д) «пустые» временные отрезки, не связанные с действием или состоянием субъекта: Dekabr' tugab qoldi (А. Қаҳҳор) 'Декабрь кончился'; е) явления природы: qiş sovuqlari tugab, haqiqij bahor fasli boşlandi (А. Мухтор) 'Кончились зимние холода, наступила настоящая весенняя пора'; ж) обобщенные понятия существования: Hamtaning ham bir kuni umri tugajdi-da (Р. Раҳмон) 'Все равно у каждого когда-нибудь кончится жизнь'.

В позиции переменного компонента могут выступать и местоименные заместители обобщенного значения или указывающие на конкретный прекращающийся процесс; ср. Ulim bilan birga hamta parsa tugajdi (А. Қаҳҳор) 'Со смертью все кончается'. В материале зафиксированы также случаи, когда глагол сочетается с одушевленным именем; ср.:

Dusman tamom tugagani jüq. Kuraş davom ätadi (Мирмуҳсин) 'Враг не истреблен еще полностью. Борьба будет продолжаться'. В подобных предложениях выражается не значение прекращения существования субъекта, а прекращение действий, состояний, связанных с этим субъектом.

В конструкциях, образуемых глаголом *tugamoq*, могут употребляться синтаксические элементы, указывающие на то, как, каким образом завершается процесс, то есть в их составе могут быть и оценочные компоненты: *Zapoblar, žang ʔalaba bilan tugadi* (Ш. Рашидов) 'Господа, бой завершился (закончился) победой'.

Анализ фактического материала, демонстрирующего сочетаемостной потенциал глагола *tugamoq*, позволяет выделить следующие субкатегориальные значения, характерные для конструкций с этим глаголом. Доминирующим значением глагола *tugamoq* является указание на полное прекращение процесса в силу достижения 'запланированного' или естественного предела. Однако глагол *tugamoq* может, сочетаясь с обозначениями неопределенных процессов, выражать и значение абсолютного прекращения процесса безотносительно к достижению какого-либо предела; ср.: *Biğ ozdan kejin otişma tugadi* (Г. Мани) 'Через некоторое время стрельба прекратилась'.

В тех случаях, когда глагол *tugamoq*, сочетаясь в форме деепричастия на -j или -b с вспомогательными глаголами *qolmoq, ketmoq, bogmoq*, выступает как компонент сложного глагола, он полностью сохраняет свое финитивное значение, а вспомогательные глаголы придают ему лишь оттенки интенсивности, инхоативности и т. п.; ср.: *Suhbat üzidan üzi tugab qoldi* (А. Қаҳҳор) 'Беседа закончилась (прекратилась) сама по себе'; *Qajtanča kun ütgan sajin kelinida andiša, tortiniş tugaj bordi* (М. Қориев) 'Напротив, с каждым днем у его невестки стали пропадать такие качества, как скромность и застенчивость'.

Для более полной характеристики сочетаемостного потенциала глагола *tugamoq* отметим, что в сочетании с ним могут выступать также имена конкретных материальных предметов; ср.: *Xazinada tablay keča dejarli tugagan ädi* (Ойбек) 'Деньги в казне кончились, кажется, вчера'.

Переходный глагол *tugatmoq* образует трехчленные конструкции, сочетаясь, с одной стороны, с именем существительным в основном падеже, обозначающим активного агенса, с другой стороны, с именем существительным в винительном падеже, выражающим прекращаемый (завершаемый) процесс. В конструкциях, образуемых глаголом *tugatmoq*, могут передаваться следующие финитивные значения.

1. Личный агенс прекращает свою собственную деятельность.

Действие, производимое личным агенсом, прекращается в результате доведения его до «запланированного» предела; ср.: *Siz qurilişni... muddatidan oldin tugallaşingiz mumkin* (А. Мухтор) 'Вы можете досрочно завершить строительство'; (U) *pivosini içib tugatdi* (Г. Мани) '(Он) выпил свое пиво'.

В конструкциях, где личный агенс завершает свою личную деятельность, может присутствовать и указание на то, как завершается процесс, то есть в подобных конструкциях могут присутствовать синтаксические элементы, характеризующие заключительный этап процесса. В таких случаях, как правило, совершаемое личным агенсом действие и заключительное звено этого действия обозначают речевые процессы; ср.: *Minbarda süzläjotgan Kenža, nutqini šu süzlar bilan tugatdi* (А. Қаҳҳор) 'Этими словами выступающий с трибуны Кенджа закончил свою речь'. Ср. однако: *Pok oilaga isnod keltirib, qora nom bilan umrini tuga-*

tiş naqadar dahşat! (Шухрат) 'Опозорить честную семью и кончить жизнь с черным именем (постыдно), какой ужас!'. Здесь выражается значение прекращения существования, а элемент, указывающий на характеристику заключительного этапа этого процесса, содержит в себе экспрессивно-оценочное (здесь — негативное) значение.

II. Личный агенс волевым актом прекращает процесс:

а) в совершении которого вместе с ним участвуют и другие лица: U: şundan kejin bahsni ham tugatdi (А. Мухтор) 'После этого он прекратил спор';

б) связанный с негативными явлениями социальной действительности: Omma orasida savodsizlikni tugatiş uşun kurslar taşkil qiliş kerak (Ойбек) 'Чтобы покончить с безграмотностью среди населения, необходимо организовать курсы'.

Таким образом, глагол *tugatmoq* в большинстве случаев сочетается с обозначениями предельных процессов и выражает значение доведения таких процессов до их заданного предела. В подобных конструкциях могут употребляться как оценочные компоненты, так и элементы, указывающие на заключительное звено процесса. В тех случаях, когда глагол *tugatmoq* сочетается с обозначениями каких-либо негативных явлений, передается значение волевого прекращения, каузация прекращения этих явлений. В такого рода сочетаниях в позиции переменного компонента могут выступать и имена одушевленные. В материале не зафиксированы случаи употребления в позиции активного агенса неодушевленных имен. Не зафиксированы также инструментальные компоненты в составе каузативных конструкций с глаголом *tugatmoq*.

Близким синонимом глагола *tugatmoq* является переходный глагол *tatomlamoq*, в основном выражающий значения доведения какого-либо процесса до его заданного предела (объема). В отличие от глагола *tugatmoq*, семантика глагола *tatomlamoq* этим и исчерпывается, то есть он не может, подобно глаголу *tugatmoq*, выражать еще и значение волевого прекращения процесса. В трехчленных конструкциях с *tatomlamoq* могут наличествовать также оценочные компоненты и компоненты, характеризующие завершительное звено прекращаемого личным агенсом процесса; ср.: *Hozircha tiqilinç bular, lekin ün kunlardan kejin, japa beş barak qurilib tatomlanadi* (И. Содиқов) 'Пока будет тесновато, но дней через десять будет закончено строительство еще пяти бараків'.

Глагол *tüxtamoq* по характеру внешних синтаксических связей выступает как непереходный глагол. Ср.: *Qüşiқ tüxtadi* (М. Қориев) 'Песня прекратилась (прервалась)'. В таких двучленных конструкциях в позиции переменного компонента, выраженного именем существительным в основном падеже, в материале встретились обозначения различных процессов, имплицитных как действия личного агенса, так и различные явления, не связанные с деятельностью одушевленного субъекта. Приведем примеры на сочетаемостный потенциал рассматриваемого глагола: (1) *Nihojat, gap-süz tüxtadi qoldi* (Ойбек) 'В конце концов разговоры... прекратились'; (2) *Bir ozdän kejin žala ham astasekin susajib, tüxtadi* (М. Қориев) 'Через некоторое время град (ливень), медленно слабая, прекратился'; (3) *Su pajit maşinalarning guldigaşi tüxtadi, qulpiroq žiringlab iš tamom bülganini bildirdi* (Г. Манн) 'В это время прекратился шум машин, звонок, прозвучав, известил об окончании рабочего дня'; (4) *Qişda qültiq suvi muzlab, kemalar qatnovi tüxtadi* (Г. Х. Андерсен) 'Зимой вода в заливе замерзнет, и движение кораблей прекратится'; (5) *U qizil askarga āmas, qizil askar pulemjotidan unga ũq uzsa, sundagina hajot tüxtajdi* (А. Зерерс) 'Жизнь прекратится не тогда, когда он в красного солдата, а когда красный солдат в него

выстрелит из своего пулемета'. В материале не встретились сочетания глагола *tüxtatmoq* с именами, выражающими состояния субъекта, а также временные отрезки и событийные явления.

Судя по приведенным примерам, доминирующим значением глагола *tüxtatmoq* является указание на преждевременность прекращения процесса, производимого личным агенсом; при этом может подчеркиваться и временный характер значения прекращения. В некоторых же случаях, в зависимости от семантики переменного компонента и контекстуальных условий, глагол *tüxtatmoq* может выражать и полное прекращение процесса в результате достижения им естественного предела. Последнее значение прекращения особенно актуализируется в сочетаниях с обозначениями явлений природы (см. пример 2). Однако семантической спецификой глагола *tüxtatmoq* является все же то, что он не выражает, подобно глаголам *tugatmoq*, *tipnoq*, *bitmoq*, значение полного достижения заданного или естественного предела. Даже в сочетаниях с именами, обозначающими явления природы, не актуализируется значение полной исчерпанности; ср.: *jomyir tugadi — jomyir tüxtadi* 'Дождь кончился — дождь перестал'. В сочетании *jomyir tüxtadi* подчеркивается потенциальная возможность продолжения, возобновления данного процесса, в то время как в первом сочетании такая возможность не эксплицирована глаголом *tugatmoq*. Хотя в смысловом отношении оба сочетания фиксируют факт отсутствия дождя в момент сообщения, указанная разница проявляется наиболее отчетливо в сочетаниях этих глаголов с именами конкретных материальных предметов. Так, если с глаголом *tugatmoq* возможно сочетание типа *kartoška tugadi*, где выражается значение полной исчерпанности, то сочетание *kartoška tüxtadi* невозможно семантически. И напротив, оба глагола могут сочетаться с такого рода обозначением материального предмета, как, скажем, «пианино»; ср.: (1) *Piano tüxtadi* (Ойбек) и (2) *Piano tugadi*, где в (1) выражается значение прекращения игры на пианино, а в (2) — исчерпанность объекта («все распродано»).

Глагол *tüxtatmoq* может образовывать трехчленные конструкции, в которых он сочетается с именем существительным в основном падеже, обозначающим активного агенса, и с именем существительным в исходном падеже, выражающим прекращаемый процесс¹. В подавляющем числе случаев в позиции активного агенса выступает одушевленное имя, однако возможны случаи употребления «полуличного» агенса (названия частей тела человека) и неодушевленного имени; ср.: *Tarakanov ovqat éajnašdan tüxtab qoldi* (И. Содиков) 'Тараканов перестал жевать еду'; *...ana šundangina qizning ojoqlari üjnašdan tüxtabdi* (Г. Х. Андерсен) '...говорят, что лишь после этого ноги девушки перестали приплясывать'; *Soat ham jurišdan tüxtabdi* (Р. Рахмон) 'Даже часы будто бы перестали ходить'.

Особенность рассматриваемых конструкций заключается в том, что в них выражается значение прекращения сугубо произвольных действий субъекта. При этом оно носит, как правило, преждевременный характер, что допускает возможность возобновления прерванного процесса.

Анализируя глагол *tüxtatmoq*, отметим, что семантические отличия его от глагола *tüxtatmoq* обусловлены прежде всего различиями между ними в плане внешних синтаксических связей. Так, переходный характер связей глагола *tüxtatmoq* позволяет ему образовывать такие трех-

¹ Встретился лишь один пример, где прекращаемый процесс выражен именем существительным в местном падеже: *Kujib-pišib gapirajotgan Svetlana nimaligiga aqli etmaj, gapida tüxtadi* (Р. Файзий) 'Увлеченно говорившая Светлана, не поняв в чем дело, перестала говорить'.

членные конструкции, в которых может передаваться ситуация прекращения личным агенсом не только своей собственной деятельности, но, и процесса, производимого другим субъектом. В роли активного агенса выступают чаще всего имена личные, но могут употребляться и неличные имена, имплицитные действия личного агенса. Прекращаемый процесс выражается обычно именем существительным в винительном падеже, обозначающим произвольный процесс.

Рассмотрим конструкции с глаголом *tūxtatmoq* исходя из их семантической структуры.

I. Личный агенс прекращает (прерывает) свою собственную деятельность: (1) *Nima uşundir, bizning tūpčilar otişmani susajtirib borib tūxtatdi* (Шухрат) 'Почему-то наши артиллеристы постепенно прекратили стрельбу'; (2) *Jana bir oʻjdan sūng, ākspedicija ham ūz işini bir oʻjga tūxtatadigan bŭldi* (Мирмуҳсин) 'Еще через месяц экспедиция была вынуждена прекратить (приостановить) свою работу на месяц'.

II. Личный агенс прекращает (прерывает) чужую деятельность: (1) *Boşliq... qŭlini kŭtarib garni tūxtatdi* (А. Мухтор) 'Начальник, подняв руку, прекратил разговор (прервал разговор)'; (2) *...ʒovradi Qumri tinmaj... ʒilmajib turgan Onaxon bir qaraş bilan Qumrini gapdan tūxtatdi* (А. Мухтор) 'Кумри не переставая трещала... Улыбающаяся Онахон одним взглядом прервала речь Кумри (букв. остановила Кумри от речи)'; (3) *Lekin Onaxonning tovuşi uni işdan tūxtatdi* (А. Мухтор) 'Однако голос Онахон прервал ее работу (остановил ее от работы)'; (4) *U dastgohni tūxtatdi* (И. Содиков) 'Он остановил свой станок (сделал так, что станок перестал работать)'; (5) *Kumohon... patefonni tūxtatdi* (А. Мухтор) 'Хумахан остановила патефон'; *Ūlmasni tok urdi. Azoji badanini qaltirata boşladi. Tergovči tokni tūxtatdi* (Е. Шукуров) 'Улмаса ударило током. Его всего начало трясти. Следователь выключил (остановил) ток (прекратил подачу электричества)'.

Анализ приведенных здесь примеров позволяет сделать следующие выводы. В конструкциях типа I выражается: а) значение как преждевременного, так и полного прекращения процесса, не исключающее, однако, возможность возобновления прекращенного процесса; так, в (1) выражается значение полного прекращения и при этом не подчеркивается кратковременный характер прекращения, а в (2) контекстуальное окружение указывает на временный характер прекращения процесса; б) значение прекращения сугубо произвольных действий личного агенса.

Большую часть материала составляют конструкции типа II, где выражается каузативное значение преждевременного прекращения процесса. В роли каузатора в подавляющем числе случаев выступает личный субъект, обозначаемый одушевленным именем. Очень редко в роли каузатора выступает неодушевленное имя, имплицитное личного агенса (3). В материале не встретился ни один пример, где бы в позиции каузатора выступало неодушевленное имя, не связанное с действием или состоянием личного агенса. Конструкции с каузативной структурой довольно часто содержат в своем составе инструментальный компонент, ср. (1), (2). Примеры (2) и (3) отличаются своими структурами от других предложений, объединяемых семантической конструкцией II. Отличие состоит в том, что в этих предложениях, помимо действий, прекращаемых каузатором, названы и субъекты, производящие эти действия. Так, субъект выражен прямым дополнением, а его действие дополнением в исходном падеже.

Примеры (4), (5) демонстрируют случаи употребления в позиции компонента, выражающего прекращаемое действие, обозначений кон-

кретных материальных предметов. В подобных сочетаниях выражается прекращение процессов, связанных с данным конкретным предметом, то есть «прекращается» не станок и патефон, а работа станка и патефона. В аналогичном метонимическом значении употреблено и сочетание *tokni tixtatdi* (6).

Таким образом, глагол *tixtatmoq* выражает два субкатегориальных значения фазы прекращения процесса, а именно «перерыв» и «полное прекращение безотносительно к значению достижения предела».

Семантическая особенность непереходного глагола *tinmoq* заключается в его узкой финитивной специализированности: он выражает значение прекращения процессов, содержание которых может быть определено тематически. Так, в 75,2% образуемых глаголом *tinmoq* конструкций, по данным нашей картотеки, выражается прекращение процессов, протекание которых связано с различного рода звуковыми явлениями, будь то речевое действие или какое-либо конкретное физическое действие, сопровождаемое звучанием; ср.: *...kulgi, hangama, baqirib chaqirgan qijqiriq tinmasdi* (Р. Файзий) «...смех, разговоры, шумные крики не умолкали (не прекращались)»; *Qani, juring, zang tindi chamanda* (А. Мухтор) «А ну-ка, пойдемте, бой, кажется, прекратился».

Как правило, глагол *tinmoq* выражает значение прекращения процессов, характеризующихся выраженной длительностью протекания. В силу этого глагол *tinmoq* может сочетаться и с фазовыми глаголами начинательности; ср.: *Otişma ham sekin-asta tina boşladi* (И. Содиков) «Стрельба постепенно стала прекращаться».

В 21,3% случаев с глаголом *tinmoq* в позиции прекращающегося процесса выступают обозначения явлений природы; ср.: *...tezroq jomuir tinsa-ju iš boşlansa* (А. Мухтор) «...скорее бы кончился дождь и началась работа»; *Būron tingan ādi* (Ш. Рашидов) «Буря прекратилась». Значение исчерпанности процесса имеет место и в сочетаниях типа *Marīa ūzini tutib oldi, kūz joşlari tindi* (А. Зегерс) «Мария взяла себя в руки, и слезы ее высохли (она перестала плакать)». Всего в двух примерах зафиксированы сочетания глагола *tinmoq* с именами, обозначающими психическое состояние личного субъекта, ср.: *Juragidagi būronlar sekin-sekin tindi* (Ойбек) «Буря в его душе постепенно улеглась»; *Bu ikki vazirning kūsilarida birbirlariga nisbatan yazab va nafrat bir on būsın tinmasa-da, lekin ular muomilada qadrdonlardek ādilar* (Ойбек) «Хотя в душах этих двух визирей ни на минуту не затухали злоба и ненависть друг к другу, однако в общении они вели себя словно близкие друзья». Отметим, что сочетание глагола *tinmoq* с обозначениями психических состояний личного субъекта — явление крайне редкое: здесь постоянно наличествует отрицательная форма, выражающая, следовательно, не прекращение процесса, а его продолжение. В примере *Juragida būronlar...* употребление положительной формы глагола *tinmoq* становится возможным лишь благодаря тому, что в позиции прекращающегося процесса выступает в переносном значении имя, обозначающее стихийное явление *būron*. В материале встретился единственный пример сочетаемости глагола *tinmoq* с обозначением событийного явления: *...ujda keldi-ketdi tinmajdi* (А. Мухтор) «...в доме не прекращается приход-уход (то есть посещения гостей)». Думается, что такое сочетание мотивируется «стихийностью» явления или подразумеваются звуковые процессы, связанные с приходом и уходом гостей.

Подводя итоги анализа конструкций с глаголом *tinmoq*, можно констатировать, что этот глагол, в зависимости от лексического наполнения переменного компонента, выражает в основном два субкатегориальных значения фазы прекращения процесса: 1) полное прекращение безотно-

нительно к достижению заданного или естественного предела (прекращение действий, связанных с звуковыми процессами) и 2) исчерпанность процесса к моменту его прекращения.

В материале зафиксирован один пример с переходным глаголом *tindirmoq*, который выражает значение волевого прекращения опять-таки звуковых процессов: *Sal iltmaj uning yuzabli ovozi hamta šovqinpi tindirdi* (А. Мухтор) 'Спустя некоторое время его яростный голос умолк'. Здесь выражается каузативное значение прекращения процесса.

Следующими фазовыми глаголами, выражающими значение прекращения процесса, являются глаголы *bitmoq* и *bitirmoq*. Во многих работах они рассматриваются в качестве вспомогательных глаголов, выражающих в сочетании с деепричастием на *-b* значение исчерпанности, законченности глагольного действия, и такие сочетания относят к грамматическим аналитическим формам совершенного вида. Однако до сих пор нет единого мнения по данному вопросу. Так, если И. Е. Маманов относит казахские глаголы *bitir* и *bit* к глаголам совершенного вида [1], то А. А. Юлдашев придерживается иного мнения, мотивируя это следующим: «Эта форма служит для обозначения исчерпанности действия, что в значительной мере обусловлено лексическим содержанием глагола *bet-* (кончатся)... Вступая в сочетание с основой глагола, элемент *-n bet*, вернее глагол *bet*, реализует не только свое грамматическое значение законченности, но и часть своего лексического значения—в меру этого он вступает в частные лексико-семантические связи с основой глагола, сплошь и рядом участвуя в создании сложного глагола, в котором над видовым значением законченности доминирует его индивидуальное лексическое значение» [13]. Вслед за А. А. Юлдашевым мы тоже полагаем, что глагол *bitmoq*, в зависимости от лексического наполнения сочетающегося с ним слова, может выражать как «видовое» значение, так и сохранять свое лексическое фазовое значение. При этом мы не ограничиваемся лишь анализом сочетаний глагола *bitmoq* с основами других глаголов.

В 34% случаев в материале зафиксированы конструкции, где в позиции переменного компонента при глаголе *bitmoq* выступает имя существительное *iš*, обозначающее не какое-либо конкретное действие, а имеющее характер местоименности и обобщенно указывающее на различного рода «дела» субъекта (ср. нем. *Sache, Angelegenheit*). В подобных конструкциях выражается, как правило, значение исчерпанности этого «дела» в результате его выполнения; ср.: *U bir oyiz ajtsa — iš bitadi* (Мирмухсин) 'Замолвит он словечко, и дело будет сделано'; *Jolyiz xohiš bilan iš bitmajdi* (Ойбек) 'Одним желанием дело не сделаешь'. В приведенных примерах отмечается «видовое» значение завершенности, выражаемое глаголом *bitmoq*. В тех же случаях, когда *iš* или его синоним *jumiš* обозначают конкретный вид работы, то в сочетании с *bitmoq* выражается фазовое значение прекращения; ср.: *Iš ulgur bitarmidi* (Р. Файзий) 'Разве когда-нибудь кончится проклятая работа'; *Bu desjatiniklar qurilišda jer išlari bitgandan kejin, šu kombinatda montajčilikka iqišlari kerak* (А. Мухтор) 'Эти десятники, после того как на строительстве закончатся земляные работы, должны учиться на этом комбинате на монтажников'.

Судя по рассмотренным здесь примерам, можно предположить, что глагол *bitmoq* выражает фазовое значение обычно в сочетании с таким именем, которое обозначает некоторый конкретный процесс; если же сочетающееся с *bitmoq* имя прямо или косвенно не обозначает процесс, то выражается «видовое» значение законченности. Так, в сочетаниях глагола *bitmoq* с обозначениями различного рода процессов выражается фазовое значение; можно указать на следующие типы процессов: а) ре-

чевые или звуковые процессы — Qajtib xonaga kirganlarida ham dutorči jigit ustidagi gaplari bitmasdi (Ойбек) 'И даже когда они вернулись в комнату, разговоры о юноше-дударисте не кончались'; Kuj bitgač, dūstiga čuqur qajyu ifodalagan bir pazar tašladi (Ойбек) 'После того, как закончилась мелодия, он бросил полный печали взгляд на своего друга'; б) событийные явления — Uruš bitsa, kelib qolarmikan? (М. Қориев) 'Вернется ли, когда закончится война?' в) психические состояния — Lekin jūlga tikilaverib, kўzlar čarčadi, sabr-bardoš bitdi (Ойбек) 'Однако глаза устали смотреть все время на дорогу, терпение кончилось (иссякло)'; ...har holda jaširin dard čekiš bitdi (А. Мухтор) '...во всяком случае, кончилось тайное мучение'; г) временные отрезки, связанные с каким-либо действием — Safarbarlik muddati bitib... Saidij bu muddat jana bir haftaga uzajtirilgani haqida xabar ašitdi (А. Қаҳҳор) 'Когда кончился срок мобилизации..., Саидий получил известие о том, что этот срок продлен еще на одну неделю'.

В сочетании с именами конкретных материальных предметов, обозначающих эффицируемый объект, выражается обычно значение завершенности, ибо здесь актуализируется не процесс созидания некоторого объекта, а факт его создания, «готовности»; ср. Bitdimi uša ujar? (А. Мухтор) 'Готовы ли те дома?'.

С именами, обозначающими пространственные предметы, выражается фазовое значение, ибо за этим стоит ситуация передвижения субъекта; ср.: Borgan sari jomonlašgan... jūl nihojat bitdi (Ойбек) 'Ухудшающаяся по мере продвижения дорога... наконец, кончилась'. В материале встретился лишь один пример сочетаемости глагола bitmoq с формой на -b: Kombinat qurilib bitgandan kejin nima būladi? (А. Мухтор) 'Что будет после того как завершится строительство комбината?'.

Что касается глагола bitirmoq, который отличается от bitmoq своим переходным характером и образует трехчленные конструкции с участием личного агенса, то в образуемых им конструкциях еще в большей степени доминирует фазовое значение; ср.: Bahorda maktabimni bitiraman. (А. Мухтор) 'Весной закончу школу'; Ošxonada ozgina išlarim qoldi, bitirib kiraman, deb uzrini ajtdi (Р. Раҳмон) '«На кухне осталось немного работы, закончив, приду», — сказала она, извинившись'; Argaš akam, maktabni jana uč kunda qurib bitiramiz, dedilar (А. Мухтор) 'Эргаш-ака сказал, что через три дня закончат строительство школы'; Mazdiddin sūzini duo bilan bitirdi (Ойбек) 'Маджиддин закончил свою речь молитвой'.

Двойственный характер семантики глагола bitirmoq, кажется, более наглядно выражается в его сочетаниях с глаголами «разрушения»; ср.: Arslonqul, iz odatiča, ovqatni dejarli hammadan oldin eb bitirdi (Ойбек) 'Арслонкул, по своей привычке, почти быстрее всех съел обед'.

В узбекском языке, как и в других тюркских языках, исследователи отмечают преимущественную сочетаемость глаголов bitmoq, bitirmoq с другими глаголами, вернее с формами на -b. Так, А. Ходжиев отмечает, что глагол bit (bitir) сочетается только с такими глаголами, действия которых распространяются на некоторый объект [10]. Соглашаясь с А. Ходжиевым в том, что bitmoq, bitirmoq не могут сочетаться с глаголами, не имеющими при себе объекта (типа uxlatmoq 'спать', jiylatmoq 'плакать' и т. п.), все же отметим, опираясь на данные нашего фактического материала, что в 119 случаях из 120 примеров с bitmoq и в 94 примерах из 105 с bitirmoq зафиксированы сочетания глаголов непосредственно с обозначениями объектов, т. е. доля сочетаемости глаголов bitmoq и bitirmoq с формами на -b незначительна, всего около 5%.

Узбекский язык располагает, кроме рассмотренных здесь *строговых*

фазовых финитивных глаголов, также другими фазовыми финитивными средствами типа *tatom bülmoq*, *tatom qilmoq*, *oxiriga etkazmoq* и т.п. Подобные устойчивые глагольно-именные сочетания, специализирующиеся на выражении фазы прекращения процесса, должны стать самостоятельным объектом исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Е. Маманов. Глагольные виды и их выражение в казахском языке. — В кн.: «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1959, стр. 34.
2. Ю. С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии. — В кн.: «Вопросы сопоставительной аспектологии». Л., 1978, стр. 18.
3. А. Нурмухамедов. Выражение начинательности глагольного действия в современном немецком и узбекском языках. Автореф. канд. дисс., Л., 1976.
4. Н. Оралбаева. Категория характера протекания действия в современном казахском языке. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 97—98.
5. В. М. Павлов, Б. Х. Ризаев. О принципах выделения строевых фазовых глаголов, выражающих значение прекращения процесса. — В кн.: «Аспектуальность и средства ее выражения. Вопросы русской аспектологии», вып. 5, Тарту, 1980, стр. 128; *их же*. Субкатегориальные значения фазы прекращения процесса в фазовых аналитических конструкциях немецкого языка (в печати).
6. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 108.
7. Б. Х. Ризаев. Грамматическое значение фазы прекращения процесса и аналитические средства его выражения в современном немецком языке. Канд. дисс., Л., 1981.
8. А. И. Харисов. Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа, 1944.
9. А. Ҳожиёв. Узбек тилида кўмакчи феъллар. Тошкент, 1966.
10. А. Ҳожиёв. Феъл. Тошкент, 1973, стр. 29.
11. В. С. Храковский. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений. — В кн.: «Аспектуальность и средства ее выражения. Вопросы русской аспектологии». Вып. 5. Тарту, 1980.
12. Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 331.
13. А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 39—113.

А. АБЛАКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В исследованиях, посвященных вопросам синтаксической связи слов в тюркских языках особое внимание уделяется глагольному управлению. Проблема именного управления затрагивается языковедами лишь эпизодически¹. Сравнительно более полное освещение последняя получила в работах М. Б. Балакаева², доказавшего на примере казахского языка, что синтаксические единицы с управляющими именами являются одним из основных типов именных словосочетаний.

В дальнейшем были опубликованы статьи, написаны диссертационные исследования по казахскому, узбекскому и другим языкам³, в которых именное управление описывалось как один из типов управления в системе словосочетаний.

По справедливому утверждению Э. В. Севортяна «основные вопросы глагольного управления невозможно решить без рассмотрения именного управления, в котором участвуют те же падежи — вплоть до винительного, притом в именах, не восходящих к тюркским глаголам, — и которое в ряде типичных случаев параллельно глагольному управлению»⁴.

В казахском языке словосочетания с управляющими именами встречаются очень часто. В данной статье мы попытаемся раскрыть особенности словосочетаний с управляющими именами в казахском языке.

Имена в казахском языке в основном употребляются как зависимые компоненты при глагольном управлении. Однако в тех случаях, когда имена выступают в функции предиката, они также способны управлять словами в той или иной падежной форме. Например: *Атпен жарыса ала ма, жоқ па оларасы бізге мәлімсіз* (С. Мұқанов «Өмір мектебі») 'Сможет ли состязаться с конем—это нам неизвестно'; *Ол осылардың бәрімен көптен таныс* (М. Иманжанов «Алғашқы айлар») 'Он со всеми с давних пор знаком'; *Енді маған бәрі түсінікті* (Ф. Мұстафин «Дауылдан кейін») 'Теперь мне все понятно'.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 343; Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, стр. 56.

² М. Б. Балакаев. Современный казахский язык (Синтаксис). Алма-Ата, 1959, стр. 33—40.

³ А. Аблаков. Словосочетания с управляющими именами в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1966; Ф. Ибрагимова. Именное управление в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1972.

⁴ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 14.

Способность имен осуществлять управление не одинакова. В большей степени она присуща именам прилагательным, а затем уже существительным и модальным словам. У числительных же и местоимений эта способность развита недостаточно.

Однако, следует заметить, что имена образуют словосочетания с управляющими именами не только в предикативной функции, но и в функции определения и обстоятельства, хотя последние случаи наблюдаются реже. Например: Дүниеде одан жақын адам жоқ (М. Иманжанов «Алғашқы айлар») 'В мире нет ближе того человека'; Бұрынғыдан жақсы оқитын болды (Ы. Алтынсарин «Шығармалары») 'Лучше стал учиться, чем раньше'.

Широкие возможности, которыми обладают имена прилагательные, в осуществлении управления, на наш взгляд, объясняются близостью их к глаголам: во-первых, если прилагательное обозначает качество предмета, то глагол — качество действия предмета; во-вторых, прилагательные, которым, по сравнению с другими именами, более всего свойственна предикативность, выступают в функции сказуемого, сообщая предложению смысловую завершенность, что опять-таки сближает их с глаголами.

Однако, как справедливо утверждает М. Б. Балакаев, «не все прилагательные в одинаковой степени способны быть господствующими компонентами словосочетаний. Из качественных имен прилагательных в этой роли почти не употребляются слова, выражающие цвета предметов (исключение составляют словосочетания типа *қардан ақ* 'белее, чем снег', *қаннан қызыл* 'краснее, чем кровь', *күйеден қара* 'чернее, чем сажа'), а все остальные разряды качественных прилагательных... довольно часто выступают господствующими компонентами именных словосочетаний»⁵. Однако имена прилагательные сочетаются с другими словами лишь при условии соответствия их смысловых значений. Причем необходимо учитывать, что прилагательные того или иного семантического разряда⁶ сочетаются в качестве управляющих компонентов только с определенными падежными формами управляемых слов.

1. Прилагательные, обозначающие размер и объем предмета, сочетаются:

а) с именами существительными в дательном падеже: Үлкен Семей, бұлардың айтуынша, бұл қаланың үйлерінен әлдеқайда биік, үлкен (М. Ауезов «Абай жолы») 'Дома большого Семипалатинска, по их рассказу, гораздо больше и выше, чем дома этого города';

б) с существительными и местоимениями в исходном падеже, например: Сол кісінің баласы да алыныпты. Бойы менен аласа (А. Сарсенбаев. «Тол тунағ») 'Призван сын и того человека. Ростом меньше меня'.

2. Прилагательные, обозначающие возраст людей, сочетаются с именами существительными и местоимениями (личными, собирательными и возвратными) в исходном падеже: Ол Шолпаннан бес жас үлкен (Ф. Мұстафин «Дауылдан кейін») 'Он на пять лет старше Шолпана'; Анау екі орыс жігіті онан да жас (С. Шарипов. «Повесть») 'Те двое русских парней еще моложе его'.

3. Прилагательные, обозначающие меру и количество, сочетаются с именами существительными и местоимениями в дательном, местном

⁵ М. Б. Балакаев. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. 43.

⁶ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. М., 1952, стр. 205—206; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 144; А. Ыскаков. Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1964, стр. 240—241.

и исходном падежах: Ол білім менде әлі аз (С. Мұқанов «Өмір мектебі») 'Того знания у меня еще мало'; Ағайын ішінде мұны білетін жан аз (М. Ауезов «Абай жолы») 'Среди родственников мало его знающих'; Оның жәрдемінен бөгеті көп (Ф. Мұстафин «Дауылдан кейін») 'От него больше вреда, чем пользы'.

4. Прилагательные, обозначающие индивидуальные склонности людей, сочетаются с именами существительными, причастиями, именами действия в дательном падеже, а также с наречиями в исходном падеже: Атпен аударыспақ, жерден күміс алу сияқты халық ойындарына жасынан құмар (Ф. Мұстафин «Дауылдан кейін») 'Аман с малых лет пристрастился к народным играм, к скачкам на коне с подниманием монеты с земли'; Ол жас әйелдерді үйрілтуге шебер-ақ (Б. Майлин «Тандамалы шығармалары») 'Он способен привлечь молодых женщин'.

5. Прилагательные, обозначающие соответствия, сочетаются с именами существительными, местоимениями и именами действия в дательном падеже: Кісін деп палуанға дайық майка, шолақ дамбал алдырдым (Қ. Абдықадыров «Қажымұқан») 'Купил майку, короткие штаны соответственно силачу, чтобы он надел'; Өзіне қаны сайт Күлзипа отыр (Б. Майлин «Тандамалы шығармалары») 'Сидит Кюлзипа, кровь, которой соответствует ее злости'; Ол жігіт ағасы деуге лайық (С. Торайғыров «Қамар сұлу») 'Он соответствует своему названию'.

6. Прилагательные, обозначающие вкусовые свойства предмета, сочетаются с существительными, обозначающими названия пиши и фруктов в исходном падеже: Тарт, босат етегімді! Жақынның жаны балдан тәтті (Ф. Мұстафин «Дауылдан кейін») 'Прочь отпусти мой подол! Душа ближнего слаще меда'.

7. Прилагательные, обозначающие вес предметов, сочетаются с именами существительными и местоимениями в дательном и исходном падежах: Жұмыс көп, көлікке ауыр, сондықтан көлік жүдеу (С. Шарипов «Повесть») 'Много работы, рабочим коням тяжело, поэтому они худые'; Ол сенен әлдеқайда жеңіл (С. Мұқанов «Әмір мектебі») 'Он гораздо легче тебя'.

8. Прилагательные, обозначающие общие признаки предметов и их свойства, сочетаются с именами существительными и именами действия в дательном падеже, а также с именами существительными, причастиями, местоимениями в исходном падеже: ...отыра салуға, тіпті ынғайлы, тазалыққа жақсы (Ф. Мұстафин «Миллионер») 'Сидеть очень удобно, лучше для содержания в чистоте'; Жатакханада жату қаржының үнемді болуына жақсы (Қ. Абдықадыров «Қажымұқан») 'Жить в общежитии хорошо для экономии средств'.

Существительные с абстрактными значениями могут оказаться господствующими компонентами именных словосочетаний. Необходимым условием для этого является употребление существительных в качестве предиката предложения. Однако сказанное не распространяется на существительные, обладающие конкретным предметным значением қол 'рука', тау 'гора', өзен 'река'.

Абстрактные существительные также не всегда способны сочетаться с любым словом в определенной падежной форме. Например, абстрактное существительное *мүше* 'член' может сочетаться с существительными, обозначающими только название организации: Өзіміз кооперативке мүшеміз (Ф. Мұсрепов «Әңгімелері») 'Мы сами члены кооператива'. Но слово *мүше* по характеру своего значения не сочетается со словами *тауға* 'в гору', *жолға* 'к дороге'. Таким образом,

необходимым условием сочетаемости слов является наличие между ними смысловой связи.

Имена существительные могут сочетаться со следующими частями речи:

а) именами существительными: Көп жазуға уақыт жоқ, құрбыларыма сәлем (Ы. Алтынсарин «Шығармалары») 'Много писать нет времени, привет моим ровесникам';

б) местоимениями: Оған Москвада өткізілген қазақ искусствасы мен әдебиетінің онкүндігі куә (С. Мұқанов «Өмір мектебі») 'Тому свидетель Декада литературы и искусства, проходившая в Москве';

в) причастиями: Жаңа жылмен құттықтағаныңызға көп рахмет (газета) 'Большое спасибо за поздравления с Новогодним праздником';

г) именами действия: Табылған кен бүгін болмағанмен ертең өндірілуіне тарих куә (С. Мұқанов «Саяхат») 'Найденные залежи хотя сегодня еще не освоены, будут освоены завтра, тому свидетель история'.

Модальные слова бар 'есть', жоқ 'нет', керек 'нужно', қажет 'необходимо', тиіс 'должно', употребляясь в именных предложениях в качестве сказуемого, могут образовывать словосочетания с управляющими ими именами.

В функции сказуемого в именных предложениях слова *бар, жоқ, керек, қажет, тиіс* сочетаются с именами в дательном, местном и исходном падежах: Жолдасымнан хат жоқ (газета) 'Нет писем от товарищей; Онда бала бұрыннан жоқ (Ф. Мұстафин «Дауылдан кейін») 'У него нет ребенка издавна'.

Имена числительные и особенно местоимения редко употребляются в качестве господствующих компонентов словосочетания. Из местоимений в роли господствующего компонента выступают только вопросительные и указательные: Есжан, ол жакта егіске дайындық қалай? (Ф. Мұсрепов «Әңгімелері») 'Есжан, как там подготовка к севу?' Следует отметить, что не все числительные обладают способностью управлять словами. Главными компонентами в подобных словосочетаниях выступают количественные, собирательные числительные. Подобные числительные сочетаются с именами существительными, называющими количество исчисляемых предметов, но почти не сочетаются с абстрактными существительными типа *жастық* 'молодость', *тазалық* 'чистота' и названиями различных областей науки (*марксизм, философия, история*): Міне, оған аттай он жыл (С. Мұқанов «Саяхат») 'Вот ему ровно десять лет'; Шахта құрылысымен айналысқанына қырық жыл (Ш. Хұсаинов «Пьесалар жинағы») 'Строительством шахты занимается сорок лет'.

Сочетаемость слов в оформленных падежных формах с числительными не одинакова. Так, слова, стоящие в дательном и исходном падежах, часто сочетаются с числительными, а в местном и творительном — значительно реже.

Памятники древнетюркской письменности свидетельствуют о том, что имена прежде осуществляли управление только совместно с вспомогательными глаголами, например: *Табғач қағанға бегілік уры оғлың қул болты* 'И стали крепкие их мужи (сыновья) рабами Табгачскому кагану' [КТБ., 7] и т. д.

Вспомогательные глаголы впоследствии были опущены, и имена стали управлять без их помощи. На наш взгляд, это закономерный ре-

⁷ КТБ — Памятник в честь Кюль-Тегина (большая надпись), VIII в.

зультат языкового развития, когда возникает тенденция к локализму и стилистическому совершенству выражения. Например: Мұратты ұстау бәрінен қиын (Ф. Мұстафин «Дауылдан кейін») 'Поймать Мурата труднее всего'; Сырнайға аса құмар (Ф. Мұсрепов «Әңгімелері») 'Очень пристрастен к гармошке'.

В приведенных примерах управляющие слова қиын 'трудный' құмар 'желать, любить' употребляются без вспомогательных глаголов болды, еді. Это, по нашему мнению, связано со стремлением к краткой, точной и конкретной передаче мысли, что свойственно, в основном, пословицам и поговоркам. Поэтому в них чаще встречаются словосочетания с управляющими именами: Жақсыда жаттық жоқ (пословица) 'У хорошего нет чужих'; Талаптың жолы тастан ауыр (пословица) 'Хорошо поставленная цель тяжелее камня'.

По сравнению с глагольным управлением, именное управление имеет специфические особенности. Глаголы управляют винительным падежом, чего нельзя сказать об именах.

Если глагол обязательно требует формы определенного падежа, то при именном управлении подчиненное слово непосредственно зависит не от господствующего имени, а от смысла всего предложения. Несмотря на это, в словосочетаниях с управляющими именами связь между компонентами не одинакова. Если сравнить словосочетания сәтсіздікке кінәлі 'виновен в неудаче', жәрдемін беруге міндетті 'обязан помогать' со словосочетаниями Сагила алдында әлсіз 'бессилен перед Сагиллой', бұрыннан араз 'неприятель издавна', то можно заметить, что в первых двух примерах зависимый компонент теснее связан с господствующим компонентом, чем в двух последних.

Таким образом, в словосочетаниях с управляющими именами можно условно выделить: словосочетания с сильным управлением и словосочетания со слабым управлением. На наш взгляд, наличие в словосочетаниях сильного управления объясняется, во-первых, необходимостью постановки слов в определенном падеже, обусловленной лексико-грамматическим значением главного компонента и, во-вторых, частым употреблением таких словосочетаний в речевой практике.

Слабое управление объясняется тем, что в словосочетаниях значение самого падежа преобладает над функцией связи слов. Для уточнения этого положения приведем словосочетание ондайлар колхозда жеткілікті 'таких достаточно в колхозе'. В этом словосочетании пространственное значение падежного окончания *-да* преобладает над функцией связи между словами колхоз и жеткілікті.

РЕЦЕНЗИИ

«ҚАРАҚАЛПАҚ ТИЛИНИҢ ТҮСИНДИРМЕ СӨЗЛИГИ».

ТӨРТ ТОМЛЫК. I. А—В

«ҚАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ, НӨКИС, 1982, 402 стр.

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА».

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ. I. А—В

ИЗД-ВО «КАРАКАЛПАҚСТАН», НУКУС, 1982, 402 стр.

Вышел из печати первый том четырехтомного «Толкового словаря каракалпакского языка», представляющий собой результат многолетней кропотливой исследовательской работы коллектива отдела словарей и терминологии при участии сотрудников других отделов Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Подобное лексикографическое издание осуществляется впервые.

Четырехтомный «Толковый словарь» включает около двадцати тысяч слов и словосочетаний и охватывает активную лексику каракалпакского литературного языка, интернациональные слова, вошедшие в каракалпакский язык через посредство русского и других языков, термины, связанные с различными отраслями науки, техники, культуры, архаизирующую лексику. Составителями дается сжатое толкование прямого и переносного значений каждого слова. Необходимый иллюстративный материал приводится из произведений каракалпакской художественной литературы, устного народного творчества, из различных сборников, периодики.

Первый том «Толкового словаря каракалпакского языка» объемом 25,5 печатных листа включает 6193 слова и лексические единицы.

Редакционную коллегию словаря, включающую ученых-языковедов, поэтов и писателей, возглавляет академик Академии наук Узбекской ССР С. К. Камалов.

Во вступительной статье к словарю (авторы А. К. Қыдырбаев и М. К. Қалендеров) дан обзор истории развития каракалпакского языка.

За годы Советской власти лексика каракалпакского языка обогатилась и расширилась, появилось множество новых слов, различных словосочетаний и понятий. В связи с успехами экономики и культуры республики произошло семантическое насыщение многих слов, некоторые слова приобрели новые значения, часть слов, связанная со старым бытом и укладом жизни каракалпаков, архаизировалась и практически вышла из употребления.

Создание толкового словаря стало насущной необходимостью для каракалпакской культуры. Авторы кратко характеризуют структуру словаря, приводят перечень использованной литературы и источников иллюстративных материалов. К словарю приложен список условных сокращений и обозначений. При создании «Толкового словаря каракалпакского языка» авторы опирались на ранее изданные: «Русско-каракалпакский словарь» (1947), «Каракалпакско-русский словарь» (1958), «Русско-каракалпакский словарь» (1967), «Орфографический словарь каракалпакского языка» (1980), а также другие русские и тюркоязычные словари по различным отраслям знаний, вышедшие на других тюркских и нетюркских языках народов СССР. Был использован также опыт составителей уже изданных толковых словарей.

В каракалпакском языке существует большое количество слов, имеющих два и более значений (до полутора десятков). Авторы словаря успешно справились с трудностями толкования многозначных слов, проиллюстрировав каждое значение соответствующими примерами.

Особое внимание уделили авторы устойчивым словосочетаниям, включающим то или иное реестровое слово. Все слова, взятые в реестр, последовательно и скрупулезно аргументированы составителями в соответствующем порядке.

«Толковый словарь каракалпакского языка» — это первый опыт подобного труда в истории каракалпакского языкознания. Видимо этим объясняется то, что он не охватывает полностью всего лексического богатства каракалпакского языка. Однако он, несомненно, может послужить прочной базой для создания в будущем полного толкового словаря.

Нельзя не указать и на некоторые недостатки словаря. Не вполне отвечают высоким требованиям, предъявляемым к подобным изданиям, вводные разделы «Вступительное слово» и «О построении словаря». Более активно следовало использовать опыт составления аналогичных словарей на узбекском и татарском языках. По

признанию самих авторов, не все слова в реестре проиллюстрированы соответствующими примерами. В некоторых случаях разъяснения значений слов излишне пространны и недостаточно точны. Однако все эти недостатки не умаляют общего значения этого большого коллективного труда. Словарь, безусловно, займет достойное место в ряду других родственных изданий и станет настольной книгой каракалпакских

филологов, работников науки, культуры, просвещения, печати, преподавателей и студентов, учителей и учащихся.

Отрадно, что изданием первого тома рецензируемого словаря каракалпакские языковеды достойно встречают 60-летие Каракалпакской Автономной Советской Социалистической Республики, которое будет отмечаться в 1984 году.

Е. Дауенов

М. Ф. ЧЕРНОВ. ЧАВАШЛА-ВЫРАՏЛА ФРАЗЕОЛОГИ СЛОВАРЕ.

ГЛАГОЛПА ЯТ САМАХ ФРАЗЕОЛОГИЗМЕСЕМ.

ЧАВАШ КЕНЕКЕ ИЗДАТЕЛЬСТВУ, ШУПАШКАР, 1982, 175 стр.

М. Ф. ЧЕРНОВ. ЧУВАШСКО-РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

ЧУВАШСКОЕ «НИЖНЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, ЧЕБОКСАРЫ, 1982, 175 стр.

Рецензируемое издание принадлежит перу М. Ф. Чернова, известного своими исследованиями по теории чувашской фразеологии. В 1975 году М. Ф. Черновым был выпущен первый в истории чувашской лексикографии «Краткий русско-чувашский фразеологический словарь», получивший положительную оценку специалистов¹.

В предисловии нового издания словаря автор кратко характеризует сущность свободных и несвободных сочетаний слов или фразеологизмов. Исходя из комплекса признаков, свойственных фразеологическим единицам, им дается следующее определение: «Фразеологизмы — это семантически несвободные сочетания слов, воспроизводимые в речи в устойчивом соотношении определенного значения и выражающего его лексико-грамматического состава». В рецензируемый словарь включен не весь фразеологический материал, которым располагает автор, а один из наиболее продуктивных структурных типов чувашской фразеологии — глагольно-именной, со структурой: 1) предложений: *алли-ури сыпăсать* 'он (она) мастер на все руки', 'искусный работник', *алăсем кестерсе* 'руки чешутся'; 2) сочетаний знаменательных слов, то есть словосочетаний: *алла кёр, лек, саклан* 'попасть, попасться в руки', *йытă хăвала* 'собак гонять'; 3) сочетаний знаменательных слов с вспомогательными глаголами: *шут ту* 'решить', 'задумать', *мăшкăл пул* 'подвергнуться издевательствам, насмешке, позору'.

В словаре собран богатый материал (около 1600 фразеологизмов), включающий живую разговорную речь, язык художественных произведений и т. д. Широко пред-

ставлены лексические, грамматические варианты компонентов фразеологизмов, синонимические варианты самих фразеологических оборотов, что представляет несомненный интерес для работников печати, переводчиков и др.

М. Ф. Чернов в чувашском языке выделяет два семантических типа фразеологизмов: 1) фразеологические сочетания (*фразеологи перлешвессем*) и 2) идиоматические сочетания. Значительный слой фразеологизмов, вошедших в словарь, относится к фразеологическим сочетаниям (например, *йăлана кёр* 'войти в привычку', 'стать привычным', 'войти в жизнь', *ара (сула) кёр* 'повзрослеть, возмужать'). Это вполне закономерно, так как в чувашском языке, как и в других языках, фразеологические сочетания, в особенности глагольно-именные, получили широкое распространение. Они выступают не только в сфере лексико-фразеологических отношений, но и как единственно возможные единицы предметных номинаций, тем самым как бы дополняя «словарную недостаточность» в языке. Ср.: *пурнăса кёр* 'претворить в жизнь' — *пурнăсла* 'претворить в жизнь, реализовать, осуществить, выполнить, исполнить'; *айăп ту* 'обвинить' — *айăпла* 'обвинить'; с другой стороны, *хута кёр* 'заступиться', *ята яр* 'опозорить'.

Фразеологический материал словаря полностью соответствует определению, данному автором фразеологизму. Сомнения в принадлежности к фразеологии вызывают лишь отдельные примеры (например, сочетания имен с глаголом *ту* 'делать'). С включением в словарь сочетаний типа *сиен ту*, на наш взгляд, следует согласиться. В чувашском языке аналогичных соединений слов больше, чем зафиксировано в данном словаре.

Составитель словаря предпринял попытку систематизации фразеологического мате-

¹ См.: А. Н. Тихонов, И. Г. Добродомов (рецензия). М. Ф. Чернов. Краткий русско-чувашский фразеологический словарь. — «Советская тюркология», 1977, № 1.

риала чувашского языка и успешно справился с этой задачей, использовав такие труды, как «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина, «Чувашско-русский словарь» (Москва, 1961), «Русско-чувашский словарь» (Москва, 1971) и двуязычные словари, изданные в последние годы.

Четко сформулированы правила пользования словарем. В чувашском языке много фразеологизмов, употребляющихся лишь в форме предложений. Поэтому перед составителем встал вопрос, какую форму принять за исходную. По нашему мнению, М. Ф. Чернов нашел оптимальное решение вопроса: в словаре, в качестве исходных, приняты следующие формы: 1) форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения для глагольно-именных фразеологизмов со структурой словосочетаний и сочетаний знаменательных слов с вспомогательными глаголами (например, *никёсе хур* 'положить в основу', *пáллаха я пер* 'симулировать, притворяться, прикидываться', *мáшкáл ту* 'опозорить') и 2) форма 3-го лица единственного числа настоящего времени (например, *вáй кёрет* 'крепнет, становится крепким, сильным'). Приведение в словаре глагольно-именных фразеологизмов в названных формах означает, что они (вернее, их глагольные компоненты) могут употребляться и в других личных и неличных формах. Здесь новым является выделение 3-го лица единственного числа в качестве исходной формы в фразеологизмах со структурой простого двусоставного предложения. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина такого типа несвободные сочетания нередко даются в форме имени действия, а в примерах, следующих за ними, глагол часто употребляется в личных формах. И конструкции типа *кáмáл усáлли*, *чун ыратни* оказываются условными. Нам кажется, что М. Ф. Чернов, признав «начальной» формой фразеологизмов структуры с глаголом в 3-м лице единственного числа настоящего времени, нашел вполне удовлетворительное решение вопроса.

В рецензируемом словаре русские глаголы в переводах даны в форме видов, например, *алáран вёсерт* 'выпускать/выпустить из рук' и др. Такое оформление русской части словарных статей следует считать оправданным и целесообразным с точки зрения изучения русского языка в чувашских школах. Ценно и то, что в словаре при русских глаголах ставятся вопросы, указывающие на типичные или нетипичные возможные синтаксические связи, например, *зáварне хупла* 'заткнуть рот кому-то', *уйáпа кáлар* 'обвинить кого-то в чем-либо'.

В чувашском языке целый ряд глагольно-именных фразеологизмов имеет два и более значений. Составитель словаря стремился зафиксировать всё многообразие значений включенных в него фразеологиз-

мов. Например: *кáмáл кур* 1) 'питать добрые чувства к кому-чему', 'сочувствовать кому-чему'; 2) 'привечать, приветить кого-что', 'принимать/принять радушно кого-что'; 3) 'находить/найти сочувствие у кого' и т. д.

Автор словаря при переводе чувашских фразеологических единиц на русский язык в основном пользуется наиболее эффективным — эквивалентным способом: чувашские фразеологизмы переводятся равнозначными или почти равнозначными фразеологизмами русского языка, например: *танатана сáккан* 'попасть в сети (сеть)', *тиллехене алла ил* 'держат вожжи в руках', *шáши кёнекине вулама кáйрё* 'завел (понес) волюнку', *чёлхене (шáла) сырт* 'прикусить язык'. В тех случаях, когда в русском языке отсутствуют эквиваленты или аналоги чувашских фразеологизмов, составитель прибегает к смысловому переводу, например, *екки яр* 'быть в хорошем настроении'.

В конце словарных статей, перед иллюстративной частью, для целого ряда фразеологизмов приводятся их синонимы, например, *сáсáл вёстер* 'нагонять/нагнать страх/страху'; син.: *сехре хáпарт*. Однако, как нам кажется, этот прием используется не во всех случаях.

Одним из достоинств словаря является богатство иллюстративного материала, почерпнутого из произведений чувашской художественной литературы, произведений устного поэтического творчества, а также из периодики. Данный иллюстративный материал может быть в последующем использован при составлении толкового фразеологического словаря чувашского языка.

В словаре М. Ф. Чернова нашел отражение современный этап развития двуязычия. В него вошло немало калькированных переводов русских фразеологизмов. Их утверждение в системе чувашского языка подтверждается множеством примеров.

Хочется высказать и несколько замечаний и пожеланий автору словаря. Словарь, как известно, рассчитан на учащихся чувашской школы, а также широкий круг лиц, интересующихся чувашской фразеологией (учителей, работников печати, радио и телевидения и др.). Поэтому было бы полезно привести и стилистическую характеристику фразеологизмов. Предисловие автора и правила пользования словарем даны лишь на чувашском языке, что создает определенные трудности при использовании его представителями других национальностей. Разумеется, высказанные замечания и пожелания никоим образом не умаляют научной и практической ценности рецензируемого издания. Словарь М. Ф. Чернова, несомненно, представляет собой ценный вклад в чувашское языкознание в целом и чувашскую фразеологию в частности.

Л. П. Сергеев

Н. МАМАТОВ. УЗБЕК ТИЛИДА ҚУШМА СУЗЛАР.

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1982, 234 стр.

Рецензируемая монография Н. Маматова посвящена изучению природы и способов образования одного из видов сложных слов — собственносложных слов (узб. *мурраккаб сўзлар*) в узбекском языке. В первой главе определяются признаки, отличающие такие слова от парных слов, повторов и сложносокращенных слов. Особое внимание уделяется автором отличиям собственносложных слов от словосочетаний, в том числе от фразеологических единиц. По утверждению ряда лингвистов, подобная дифференциация чрезвычайно трудна и почти невозможна в тех языках, где сложные (вернее, собственносложные) слова не имеют формальных признаков (например, в тюркских языках). Это обстоятельство осложняет правописание собственносложных слов (стр. 9—11). Не случайно тюркологи единодушно отмечают актуальность исследования природы сложных (особенно собственносложных) слов¹.

Автором рецензируемой работы установлено более двадцати признаков, отличающих собственносложные слова от словосочетаний. Так, например, в отличие от синтаксического словосочетания между компонентами собственносложного слова отсутствуют синтаксическая связь и разделительная пауза; собственносложное слово вместе со всеми своими компонентами относится к одной определенной части речи и выполняет одну синтаксическую функцию; оно выступает как цельнооформленная единица языка, обозначающая одно понятие (лексическое: предмет, признак или грамматическое отношение) и имеющее одно главное ударение; компоненты собственносложного слова, утратив самостоятельность, превращаются в морфемы и не могут распространяться независимо и располагаться дистантно; они не подвергаются инверсии и т. д.

В отдельную группу автор выделяет аналитические конструкции, имеющие некоторые признаки сложных слов и словосочетаний. Поэтому они являются промежуточными лексико-грамматическими единицами языка, в большинстве своем тяготеющими к трансформации от синтаксических сочетаний — к слову. Одновременно автор стремится выявить свойства, присущие только собственносложным словам. С этой целью им рассматриваются лексические и грамматические, идиоматические и неидиоматические, истинные (абсолютные) и отно-

сительные (или посессивные и атрибутивные) собственносложные слова; активные и пассивные компоненты последних. Опровергая мнение отдельных лингвистов, считающих, что узбекский язык беден активными компонентами, участвующими в образовании сложных слов, автор приводит более пятидесяти таких компонентов, каждый из которых, составляя часть собственносложного слова, может образовывать сотни новых слов по определенным моделям. В приведенных автором иллюстративных материалах к такого рода компонентам относятся: *кам-* (образуется 154 слова), *хуш-* (150), *хам-* (141), *ҳар-* (126), *сув-* (158), *гул-* (203), *икки-* (212), *бир-* (375), *оқ-* (190), *қора-* (321), *-гул* (231), *-нома* (304), *-боп* (369), *-хона* (543) и т. д. Кроме того, компоненты собственносложных слов типа *-жон*, *-хон*, *-бой*, *-бек*, *-ой* и т. п. в сочетании с именами собственными, а также с *-яшар*, *-хонали*, *-йиллик* и т. п., либо с любыми числительными образуют бесконечное множество сложных слов. Все это создает возможность иметь точное представление о собственносложных словах как о цельнооформленных монологичных единицах языка.

В этой же главе автор утверждает, что в узбекском языке собственносложные слова образуются не только из корневых знаменательных слов, как это отмечается во многих работах, но также с помощью указанных выше компонентов, не имеющих самостоятельного лексического значения, например: *ҳарким* 'каждый', *ҳечқанча* 'ни сколько', *нақадар* 'насколько', *(ҳам)шаҳар* 'земляк', *(ҳам)курс* 'однокурсник', *(ҳам)маслак* 'единомышленник', *шар* (шара) 'водопад', *ҳув* (ҳув) *ламоқ* 'ворковать'. Все эти слова являются собственносложными несмотря на то, что выделенные компоненты их лишены самостоятельного значения. Исходя из подобных фактов, Н. Маматов приходит к выводу, что собственносложными словами могут быть не только знаменательные слова (такие как *белбоғ* 'поля', *бешиллиқ* 'пятитетка'), но и служебные (как, например, *аммолекин*, *валекин* 'однако', *шунингучун* 'поэтому', *вахоланки* 'в то время как'); и не только лексема, но и формы слов, как, например, *келаётир* 'идет', *учаётган* 'летающий', *келасиз* 'вы приходите', *студентман* 'я студент', *укувчисан* 'ты ученик' и т. д. Для признания тех или иных монологичных единиц языка собственносложными словами, подчеркивает автор, достаточно наличия в них более одного корня или слова, пусть даже служебных (стр. 46, 86). По этому признаку собственносложные слова квалифицируются не только как лексические, но и как грамматические единицы языка (стр. 92).

В работе особо подчеркивается, что сложное слово невозможно отличить от слово-

¹ Об этом см.: «Орфографии тюркских литературных языков народов СССР», М., 1973; «Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР», М., 1982.

сочетания, основываясь лишь на семантическом принципе, необходимо учитывать и фонетико-интонационные особенности, в первую очередь, грамматические свойства сочетаний (стр. 6, 46, 82—89).

Во второй главе рассматриваются пути возникновения и способы образования собственносложных слов. Последние в основном образуются из синтаксических конструкций (из словосочетаний, реже — из предложений) путем их лексикализации, а также способом аффиксации, аналитическим путем и по аналогии.

Синтаксические конструкции лексикализуются целиком или путем опрожнения. В первом случае происходит собственно лексикализация — употребление словосочетаний и предложений в качестве слова, например, *янги йул* 'новая дорога' — *Янгийул* (*Янгиюль* — город), *кунга боқар* 'смотрящий на солнце' — *кунгабоқар* 'подсолнух', *багри тош* 'его сердце камень' — *багришош* 'бессердечный', *келин тушди* 'невеста прибыла' — *келинтушди* 'угощение в доме жениха по случаю прибытия новобрачной', *тегма нозик* 'не тронь — нежный' — *тегманозик* 'недотрога' и т. п. Это явление в работе рассматривается в связи с грамматизацией и терминологизацией словосочетаний (стр. 143—156).

При опрощении словосочетаний наблюдаются следующие особенности (см. стр. 156—176):

1) деаффиксация — утрата или опущение аффиксов, указывающих на синтаксическую связь между компонентами, например: *гулинг барги* 'лист цветка' — *гулбарг* 'лепесток', *газинг ажралиши* 'выделение газа' — *газажралиш* 'газовыделение', *ички куйлак* 'нижняя рубашка' — *ичкуйлак* 'комбинация', *тошдек котмок* 'превратится в камень' — *тошкотмок* 'окаменеть' и т. п.

2) эллипсис — образование слов из словосочетаний путем опущения отдельных слов (а вместе с ними и аффиксов): *сувда усадиган ут* 'трава, растущая в воде' — *сувут* 'водоросль', *мисдан ясалган куза* 'кувшин, сделанный из меди' — *мискуза* 'медный кувшин' (ср. нем. Goldmedaile 'золотая медаль'), *тошдек қаттиқ кўмир* 'уголь, твердый как камень' — *тошкўмир* 'каменный уголь', *келинни бармоғига ўхшаган узум* 'виноградина, похожая на пальчик невесты' — *келинбармоқ* 'дамские пальчики', *қаноти ўроққа ухшаган капалак* 'бабочка, крылья которой похожи на серп' — *ўроққанот* 'серпокрыл' и т. п.

Здесь подчеркивается необходимость различения лексического эллипсиса от стилистического, при котором в результате сокращения (опущения) отдельных слов синтаксическая конструкция не превращается в слово, так как между оставшимися компонентами возникают новые синтаксические отношения; например: *Пушкиннинг а с а р и н и йқидим* 'Я прочитал произведение Пушкина' — *Пушкинин йқидим* 'Я читал Пушкина'.

3) отдельные словосочетания могут превращаться в слова путем фонетического опрожнения (изменения отдельных звуков), как например: *бу кун* 'этот день' > *бугун* 'сегодня', *қирма ош* 'еда, соскобленная со дна котла' > *қирмок* 'жорка пиши, приставшая ко дну котла', *ясси муғ* 'плоское зерно' > *яссиқ* 'чечевица'.

В монографии подробно освещены различные виды опрожнения, типы синтаксических конструкций и их элементы, подвергаемые опрощению.

В разделе аффиксации (стр. 177—189) на многочисленных примерах показаны следующие способы образования собственносложных слов.

а) из словосочетаний, например, *оқ юз* 'белое лицо' + *ли* = *оқюзли* 'белолицый', *беш йил* 'пять лет' + *лик* = *бешйиллик* 'пятiletка', *қизил гвардия* 'красная гвардия' + *чи* = *қизилгвардиячи* 'красногвардеец', *ҳар тараф* 'все стороны' + *лама* = *ҳартарафлама* 'все стороны', *ўн йил* 'десять лет' + *лаб* = *уйиллаб* 'десятилетиями', *ўтган йил* 'прошлый год' + *ги* = *ўтганйилги* 'прошлогодний', *кўп фаза* 'много фаз' + *вий* = *кўпфазавий* 'многофазный', *майда дарахт* 'мелкое дерево' + *зор* = *майдадарахтзор* 'мелколесье' и т. п.

б) из сложных слов, например, из парных слов: *паст-баланд* 'низкий-высокий, неровный' + *лик* = *пастбаландлик* 'неровность, ухабистость', *иссиқ-совуқ* 'теплый-холодный', перен. 'отворотное или приворотное средство' + *чи* = *иссиқсовуқчи* 'ворожея, знахарь', *суф-қуф* 'заклинание' + *ла(мок)* = *суфқуфламок* 'заклинать', *ай-ҳай* (междометие-оклик) + *ла(мок)* = *айҳайламоқ* 'окликать', *айҳайлашмоқ* 'перекликаться'.

в) из повторов: *балли-балли* (междометие одобрения) + *чи* = *баллибалличи* 'аллилуйщик', *баллибалличилик* 'аллилуйщина', *чақма-чақар* 'ябеда' + *лик* = *чақмачақарлик* 'ябедничество', *бай-бай* (междометие удивления) + *ла(мок)* = *байбайламоқ* 'удивляться, восхищаться', *шар-шар* (звукоподражание) + *а* = *шаршара* 'водопад', *тар-тар* (звукоподражание) + *ак* = *тартарак* 'трешотка' и т. п.

г) из самих собственносложных слов. Это самый активный и продуктивный способ образования новых слов, в котором участвуют более двадцати аффиксов: *дорихоначи* 'аптекарь', *янгийўллик* 'проживающий в Янгиюле', *Қораколтоғистон* 'Каракалпакия), *маккажўхориқор* 'кукурузовод', *май-мунжонзор* 'заросли ежевики', *қисқичбақахўр* 'любитель раков', *электромагнитли* 'электромагнитный', *бошпанасиз* 'бездомный', *изнабаргдорлар* 'хвойные субретларча' 'нахально, нагло', *иккиёқлама* 'двусторонний', *оқшомли* 'вечерний', *хамзаободла* 'находящийся в Хамзабаде', *собитқадамона* 'стойко', *қирққулномолар* 'папоротниковые', *қўзиқоринсимон* 'грибовидный, грибовообразный' и т. п.

Способом аффиксации новые слова могут образовываться почти от всех сложных слов, причем в нескольких вариантах, например: *бўйсунмоқ* 'покоряться' — *бўйсун-*

дирмоқ 'покорять' — буйсундирилмоқ (страд.) — буйсунишмоқ (совм.) — буйсундиришмоқ (совм.) — буйсундиришмоқлик 'покорение' — буйсунав — буйсундирув — буйсуниш — буйсундириш (имена действия) — буйсунишчи 'послушный' — буйсунган и буйсундирилган 'покоренный' — буйсундирувчи 'покоритель' и т. п.

Образование собственносложных слов путем непосредственного соединения между собой двух и более слов, основ или корней именуется в работе аналитическим или безаффиксальным способом (стр. 189). В качестве примера приводятся имена собственные типа: *Тоштемир*, *Гулалас*, *Боботоғ*, а также *Каримжон*, *Салимаҳон*, *Турсуной*, *Тамараҳоним*, *Анорхона*, *Боқибоққол*, *Тождитажанг*, в которых последние компоненты выражают уважительность, ласку, род занятия или прозвище. В собственносложных словах типа *шофербола*, *котибқиз*, *арабчол*, *албанхотин*, первые компоненты обозначают занятие или национальность, а последние — пол и возраст (стр. 196, 157—171). Сюда же относятся прилагательные типа *очқўк* 'бледно-синий', *тўққизил* 'темно-красный, бордовый', *унбарвар* 'десятикратный', *умумшахар* 'общегородской'; местоимения типа *ҳарқачон* 'всегда', *ҳечқаерда* 'нигде', *бирнеча* 'несколько', *анашу*, *менабу* 'вот это'; наречия типа *уер(да)* 'там', *шуерда* 'здесь', *бирвақт* 'вдруг', *бирқун* 'однажды'; числительные типа *унбир* 'одиннадцать', *йигирмабеш* 'двадцать пять', *юзқирқбеш* 'сто сорок пять'; глаголы, образованные по модели «существительное+глагол» типа *жавоббермоқ* 'отвечать', *баёнқилмоқ* 'изложить', *бажозтмоқ* 'исполнять', *бойбермоқ* 'проиграть', а также по модели «деспричастие+глагол» типа *эзибқуймоқ*, *эзибқизмоқ*, *эзибўлмоқ*, *эзибташламоқ*, *эзиболмоқ*, *эзаолмоқ*, *эзабилмоқ*, *эзабермоқ*, *эзабошламоқ*, *эзатурмоқ* (выражают различные оттенки глагола «писать»: записать, написать, дописать, выписать, отписать и т. п.). Сочетания данного характера в некоторых работах именуется «аналитическими формами глагола» (А. А. Юлдашев) или «сочетаниями, образованными от основных и вспомогательных глаголов» («етақчи ва кумақчи феъллардан ташкил топган бирикувлар»)².

Цельнооформленность, монолитность приведенных сочетаний подтверждается всеми основными признаками, отличающими собственносложные слова от словосочетаний, такими, например, как отсутствие синтаксической связи и разделяющей паузы, наличие одного ударения и т. д.

В каждом отдельном случае приводится тот или иной признак (помимо указанных в первой главе), подтверждающий монолитность анализируемых сочетаний. Так, например, когда определительное сочетание

(модели «прилагательное+существительное») принимает аффикс *-ли* (образующий относительное прилагательное), структура сочетания изменяется, возникает модель «прилагательное+прилагательное», в которой первый компонент перестает быть определением второго, ставшего также прилагательным; например, *қора кўз* 'черный глаз' — определительное словосочетание, а *қоракўзли* букв. 'черный глазной' уже не словосочетание, так как в языке не существует определительного словосочетания по модели «прилагательное+прилагательное»; в этом случае, утверждает автор, выступает собственносложное прилагательное в значении «черноглазый» или «черноокий» (стр. 178).

Во многих случаях при аффиксации последний компонент принимает форму, самостоятельно не употребляющуюся. Например, в сложном слове *эгалгич* 'бороздодел' <*эгал ол* 'делай борозду'+*гич* последний компонент (*олгич*) самостоятельно не употребляется. Точно так же последние компоненты многочисленных слов типа *иккитомонлама* 'двусторонний', *пастбўйли* 'низкорослый', *элликцентнерчи* 'пятидесятицентнерщик', *унсоатлик* 'десятичасовой', *шаршара*, *хайхайламақ* в качестве самостоятельных слов не функционируют. Как известно, в случаях когда компонент сочетания, выражающего одно понятие, самостоятельно не употребляется, такое сочетание, безусловно, является монопольной лексической единицей, как например: *бирпас* 'некоторое (время)', *бирваракай* 'вдруг', *кечқурун* 'вечером', *тарихшуно* 'историк', *ширғуруч* 'пицца', *авиабаза* и т. п.

Опираясь на многочисленные факты, изложенные в первой и второй главах, автор приходит к выводу, что собственносложные слова — один из видов сложных слов в узбекском языке — представляют собой цельнооформленные, монопольные лексико-грамматические единицы языка (стр. 218). Само собой разумеется, что такой вывод требует слитного написания упомянутых единиц.

К монографии приложены рекомендации по орфографированию собственносложных слов (стр. 220—232), в которых указывается, что слова этого типа за немногим исключением, должны писаться слитно. Автор особо подчеркивает, что в случае отсутствия лингвистического (научного) основания для слитного написания того или иного сочетания оно не может считаться собственносложным словом, а является обычным словосочетанием.

По мнению автора, только научно обоснованные грамматические правила могут устранить разноречие в написании собственносложных слов (стр. 12) и обеспечить их устойчивое единообразное орфографирование. Существующие учебники и орфографические справочники не содержат конкретных разъяснений по данному вопросу.

Рекомендации Н. Маматова, с нашей точки зрения, достаточно обоснованы и,

² См.: «Узбек тили грамматикаси». I том, Тошкент, 1975, стр. 371—375.

бесспорно, будут содействовать совершенствованию существующей орфографии. Они позволяют также полнее отразить в словарях монологичные лексические единицы, которыми изобилуют тюркские языки, в том числе узбекский.

Примечательно, что особое внимание в монографии уделяется сопоставлению фактов узбекского языка с фактами родственных тюркских, а во многих случаях также и индоевропейских языков, например, русского, таджикского, немецкого.

Причины неясности природы сложных слов во многих исследованиях, по мнению автора рецензируемой монографии, заключаются в том, что в этих исследованиях речь идет о сложных словах вообще, а не об их конкретных видах. Поскольку эти виды (собственносложные, парные, сложносокращенные слова и слова-повторы) различаются между собой многими признаками, общее суждение о них во многих случаях не применимо. Так, например, когда речь идет о слитном написании сложных слов, сказанное может быть отнесено лишь к собственносложным и сложносокращенным словам. При наличии же двух ударений можно говорить только о парных словах и позторах. Поэтому разделение (классификация) сложных слов имеет большое теоретическое и практическое значение (стр. 57—58).

Помимо собственносложных слов, Н. Маматов в своей работе касается и некоторых смежных вопросов. Так например, интересны суждения автора о термине *негиз* 'основа слова', о соотношении понятий «аффикс», «аффиксонд», «корень» (стр. 39—46 и др.). Любопытны высказывания автора и о других языковедческих терминах (стр. 18—28), а также о современных и этимологически сложных словах (стр. 29—36).

В отличие от других работ, рассматривающих проблемы сложных слов, в моногра-

фии А. Маматова впервые делается попытка обосновать цельноформленность, монолитность одного из видов сложных слов в узбекском языке — собственносложных слов, и на этой основе рекомендовать конкретные правила их правописания.

Вполне естественно, что некоторые вопросы, изложенные и освещенные в монографии, а также отдельные положения автора не всегда бесспорны. Встречаются и противоречивые суждения. Если исходить, например, из признаков, перечисленных автором на стр. 67—109, то сочетания типа *айтиб-бериб* являются собственносложными словами, так как между компонентами таких глаголов нет синтаксической связи, разделительной паузы и они целиком относятся к одной части речи и т. д. Но на стр. 116—117 Н. Маматов включает их в число аналитических конструкций лишь потому, что они не могут быть написаны слитно. Это противоречит основному тезису автора о том, что орфографию следует определять, исходя из сущности сочетания (стр. 93). На стр. 148—149 образование слова опрошением словосочетаний (*гулнинг барги > гулбарг*) смешивается с образованием слов путем грамматизации синтаксических конструкций.

Монография Н. Маматова — наиболее полное исследование, посвященное собственносложным словам и рассматривающее эту проблему всесторонне, в совершенно новом аспекте, раскрывающее механику лексикализации словосочетаний.

В целом монография Н. Маматова является весьма значительной и полезной работой, имеющей как теоретическое, так и практическое значение. Она, несомненно, будет с интересом встречена языковедами всех тюркоязычных республик и областей.

М. Адиллов

Г. АБДУРАХМОНОВ, А. РУСТАМОВ. ҚАДИМГИ ТҮРКҮЙ ТИЛ.

«УЎҚИТУВЧИ» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1982, 168 стр.

За последние годы в тюркоязычных республиках заметно возрос интерес к изучению языка орхон-енисейских памятников (см. работы Ф. Зейналова, Г. Айдарова, М. А. Ахметова и др.). Появились учебники и учебные пособия на родном языке по курсам «Введение в тюркологию», «Древнетюркский язык»¹. До недавнего времени

практически единственными пособиями по этим дисциплинам, читаемым на филологических факультетах вузов, были работы Н. А. Баскакова и ставшие библиографической редкостью книги В. А. Богородицкого и С. Е. Малова.

Выход в свет учебников по общетюркологическим дисциплинам на национальных языках свидетельствует об успешном развитии лингвистических исследований в республиках. В учебных пособиях на родном языке факты конкретных тюркских языков

¹ См.: Ф. Зейналов. Гәдим түрк яззылы абдалтер. Баки, 1980; его же. Түрколокија-нын эсаслары. Баки, 1981.

получают более полное историческое объяснение, что существенно углубляет знания студентов по истории родного языка и содействует повышению уровня теоретической подготовки будущих специалистов-филологов.

Рецензируемая книга Г. Абдурахманова и А. Рустамова «Древнетюркский язык» представляет собой первое оригинальное вузовское учебное пособие по этому курсу на узбекском языке. Она включает введение и четыре главы: «Фонетика», «Графика», «Морфология» и «Синтаксис», а также тексты с переводами (стр. 65—165).

Во введении дается общая характеристика тюркских языков, сообщаются сведения об алтайской и урало-алтайской гипотезах, о периодизации истории тюркских языков в свете классификации Н. А. Баскакова, об основных памятниках рунической и древнеуйгурской письменностей, относящихся к древнетюркскому периоду.

В вопросе о языковой принадлежности того или иного древнего памятника до сих пор у тюркологов нет единого мнения. Авторы рецензируемой работы к древнетюркским относят все памятники рунического письма и часть ранних памятников, написанных древнеуйгурским шрифтом («Покаянная молитва манихейцев», сутра «Золотой блеск», «Сказание о принцах» и др.). Следует особо отметить, что Г. Абдурахманов и А. Рустамов далеки от мысли «присвоения» или «узбекизации» языка того или иного памятника. Они подходят к каждому памятнику как к объективно данному историческому источнику, необходимому для изучения истории развития всех тюркских языков.

В главе «Фонетика» дается описание четырех пар гласных, различающихся по рядам, и согласных звуков языка древнетюркских памятников. Твердые и мягкие согласные языка этого периода рассматриваются авторами как варианты звуков, хотя есть немало оснований считать эти различия фонологически значимыми, в частности, в определенных случаях сочетания с гласными переднего и заднего ряда.

Глава «Графика» посвящена описанию графических особенностей букв орхонской, енисейской и древнеуйгурской письменностей и передаче звуков, обозначаемых этими буквами, в транслитерации и транскрипции.

Раздел «Морфология» написан сравнительно сжато, что обусловлено подробным рассмотрением функционирования различных форм в разделе «Синтаксис». В этом разделе отражена опецифика словообразования и словоизменения языка памятников, вопросы функциональной замены падежей, в частности, употребление дательного падежа вместо местного. Здесь следовало сказать и об употреблении винительного падежа вместо родительного (*түрк бодуныг аты күси* [Ктб., 25] 'имя и слава тюркского народа'; *қағаныңың сабын* [Ктм., 9] 'слово твоего [своего] кагана'), то

же самое при глаголах движения и местонахождения (*қара қумуғ олурур эртимиз* [Тон., 7] 'мы избрали местожительством Каракумы') и с послелогоми *учун, ара* и другими (*антағыңын учун* [Ктм., 8—9] 'из-за того, что ты так'), характерном только для языка древнетюркских памятников.

В примечаниях содержатся подробные сведения об идентификации слово- и формообразующих аффиксов древнетюркского и узбекского языков, о реликтах и фонетических вариантах аффиксов в современном языке.

Глава «Синтаксис» написана более подробно, что следует отметить особо, так как синтаксис языка памятников является наименее изученной областью. Эта глава включает разделы: «Словосочетания» (с описанием способов выражения синтаксической связи), «Тюркский изафет», «Предикативные словосочетания», «Виды простого предложения», «Члены предложения», «Паратаксистические конструкции», «Гипотаксистические конструкции». В каждом из разделов подробно характеризуются различные особенности языка памятников. Основные синтаксические понятия рассматриваются в соответствии с их толкованием в грамматиках узбекского языка. Об отдельных отличиях будет сказано несколько ниже.

Тюркская изафетная связь, хотя и выделяется авторами особо, однако, судя по примечанию на стр. 45, классифицируется как разновидность согласования, что, естественно, нуждается в уточнении².

Под предикативными словосочетаниями в работе понимаются распространенные причастные, деепричастные и условные обороты, не имеющие собственного субъекта. Подобные обороты с собственным субъектом рассматриваются как придаточные предложения, независимо от наличия или отсутствия показателей и значения категорий предикативности.

Говоря о разновидностях древнетюркского подлежащего, авторы пишут, что «имя существительное в форме дательного падежа могло выступать в роли подлежащего» (стр. 49), и приводят один пример: *ичрэ ашсыз ташра тонсыз*. Однако в этом примере *ичрэ* и *ташра* не являются подлежащими (см. полный текст: *ичрэ ашсыз ташра тонсыз йабыз йаблақ бодун* [Ктб., 26] 'жалкий и низкий народ, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды'). Такие обстоятельственные дополнения широко распространены и в современных тюркских языках в словосочетаниях, где в качестве управляющего слова выступают имена (ср.: узб. *пуддан камбағалмиз* 'мы бедны в отношении денег'; *олтинга бой ғлака* 'страна богатая золотом').

² О согласовании между определением и определяемым (имя существительное+имя существительное) говорится в разделе о тюркском изафете (стр. 45), где анализируются все его три типа.

При описании особенностей функционирования сложных предложений авторы справедливо утверждают, что границы между предложениями устанавливаются на основании общего смысла и места сказуемого, так как вспомогательные средства осуществления связи между предложениями (союзы и союзные слова) употребляются крайне редко. Глава «Синтаксис» достаточно полно отражает особенности оформления, способы выражения членов предложения в языке памятников; подробно рассматриваются различные семантико-структурные разновидности сложных предложений, лексические и морфологические средства осуществления связи их компонентов, которые иллюстрируются характерными примерами, сопровождаемыми комментариями.

В заключение хотелось бы коротко остановиться на некоторых терминах, употребляемых в рецензируемой работе. Под конструкцией (см. примечание на стр. 53) авторы понимают «сложное и осложненное предложения, состоящие из двух или более простых предложений». В связи с этим возникает закономерный вопрос: чем вызвано употребление термина «конструкция», имеющего в лингвистике определенное значение, вместо общепринятого «сложное (осложненное) предложение»? Такие термины, как «паратаксические конструкции», «гипотаксические конструкции», совершенно не понятны широкому кругу читателей, и употребление их в учебном пособии, предназначенном для первокурсников, неоправданно. К тому же эти терми-

ны в понимании их авторами принципиально ничем не отличаются от общепринятых понятий «бессоюзное сложносочиненное» и «сложноподчиненное (бессоюзное или с союзом) предложение».

Вторая часть рецензируемой работы представляет собой переводы памятников рунического письма на узбекский язык. Приводятся тексты памятников Тоньюкука, Кюль-Тегина, Могилян-хана, Онгинского памятника (в основном, по изданиям С. Е. Малова), их транскрипции, подстрочные переводы и комментарии к ним; даны также в транскрипции отрывки из сутры «Золотой блеск». При транскрибировании текстов авторы сопоставляют чтение тех или иных слов по изданиям В. В. Радлова, В. Томсена, С. Е. Малова, Дж. Клосона, Г. Айдарова, Х. Оржуна, Р. Жиро и других, обосновывая в примечаниях свой вариант прочтения.

Каждому тексту предшествует подробное введение, в котором приводятся сведения об истории нахождения, изучения и создания памятника, а также историческая характеристика лица, в честь которого он создан, дается палеографическое описание самого памятника.

В целом рецензируемая работа является результатом большого кропотливого труда. Она послужит хорошим пособием при изучении истории тюркских языков и, несомненно, внесет существенный вклад в развитие общетюркологических исследований в Узбекистане.

Х. Г. Нигматов

ХРОНИКА

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА НАСИЛОВА

26 мая 1983 года в Москве состоялось расширенное заседание сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, посвященное девяностолетию со дня рождения и пятидесятилетию научно-педагогической деятельности видного советского тюрколога заслуженного деятеля науки РСФСР профессора Владимира Михайловича Насилова. В заседании приняли участие тюркологи Москвы, Ленинграда, Абакана.

Заседание открылось докладом заведующего сектором тюркских и монгольских языков Э. Р. Тенишева (Москва) на тему «В. М. Насилов и уйгуроведение». Охарактеризовав В. М. Насилова как видного советского тюрколога-уйгуроведа, принадлежавшего к плеяде ученых, заложивших основы советского востоковедения, докладчик подчеркнул, что первые годы его трудовой деятельности были целиком определены потребностям культурного строительства в Средней Азии и связаны с неотложной необходимостью разработки практической терминологии.

В. М. Насилов родился 28 мая 1893 года в г. Зарайске (бывшей Рязанской губернии). По окончании Лазаревского института в 1917 году он стал работать в системе ликбеза, а затем профобразования в Зарайске, Бердяеве, Житомире. С 1924 года он преподавал узбекский и таджикский языки в ФЗУ при Зарайской фабрике «Красный Восток», активно участвуя в подготовке русских технических инструкторов для промышленности Средней Азии, владеющих этими языками и терминологией текстильного производства.

С 1929 года В. М. Насилов работает в Научно-исследовательском институте народов Востока. Систематически участвуя в научных экспедициях в Среднюю Азию, он избирает главным объектом изучения современный уйгурский язык. С 1930 по 1935 год В. М. Насилов преподает этот язык в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), одновременно участвуя в создании кафедры уйгурского языка в Московском институте востоковедения

(МИВ), с которым неразрывно связана дальнейшая педагогическая деятельность ученого, долгие годы заведовавшего этой кафедрой.

Преподавание современного уйгурского языка в те годы затруднялось отсутствием учебных пособий. И В. М. Насилов создает первый в стране учебник уйгурского языка, ориентированный на нормы синьцзянского диалекта (этот учебник неоднократно переиздавался стеклографическим способом в 1933, 1935, 1940, 1949 гг.). Совместно с Н. А. Баскаковым В. М. Насилов работает также над созданием «Уйгурско-русского словаря» (М., 1936), отражающего нормы того же диалекта и содержащего ключ к арабграфичным текстам. Этот словарь охватывает наиболее употребительную уйгурскую лексику и не утратил своего значения по сей день.

Начиная с конца 30-х годов внимание В. М. Насилова сосредоточивается на вопросе роли сказуемого в уйгурском предложении. Им впервые освещается вопрос о функциях причастия на *-gap* и в связи с этим — проблема соотношения главного и подчиненного предложения, в котором сказуемое выражено неличной формой.

В своей «Грамматике уйгурского языка» (М., 1940) В. М. Насилов трактовал явления морфологии через посредство синтаксиса, как это было в те годы принято. Благодаря тому, что здесь приведена подробная парадигматика уйгурских грамматических форм, в том числе и бытующих в народной речи, до сих пор данная «Грамматика» является настольной книгой уйгуроведов.

Э. Р. Тенишев отметил, что все необходимое для создания фундаментального труда по синтаксису уйгурского языка, замысел которого не успел осуществить ученый, заложено в его статье «Типологические черты уйгурского языка» («Труды МИВ», сб. № 3, 1946).

В заключение докладчик указал, что взгляды В. М. Насилова на классификацию частей речи в уйгурском и шире — тюркских языках — были изложены в его

статье «Глагольные имена в их развитии в тюркских языках» (сб. «Вопросы тюркской филологии», М., 1966). В другой своей статье «Аффиксы включения» (сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958) ученый также большое место отдал уйгурскому материалу.

Н. А. Баскаков (Москва) поделился воспоминаниями о В. М. Насилове, вместе с которым он в 1931 году был включен в состав так называемой «уйгурской бригады» КУТВ^а и работал над созданием учебных пособий по уйгурскому языку и составлением «Уйгурско-русского словаря». Высоко оценив «Учебник уйгурского языка» В. М. Насилова с точки зрения как методики изложения, так и отбора языкового материала, Н. А. Баскаков подчеркнул, что этими своими качествами он превосходит известный учебник А. К. Боровкова.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «О направлениях научного творчества В. М. Насилова» отметила, что в жизни видного ученого труд педагога органически сочетался с трудом исследователя.

Тюрколог-уйгуровед, выпустивший ряд пособий и статей по современному уйгурскому языку, В. М. Насилов в дальнейшем обращается к материалу различных тюркских языков. Он публикует статьи «К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках» («Труды МИВ», сб. № 4, 1947), «Аффиксы включения», «Глагольные имена в их развитии в тюркских языках» (сб. «Вопросы тюркской филологии», М., 1966). Последние полтора десятилетия своей жизни В. М. Насилов посвятил изучению истории тюркских языков.

На раннем этапе научной деятельности интересы В. М. Насилова были сосредоточены на лексикологических и лексикографических проблемах. Его изыскания в конце 20 — начале 30-х годов были связаны с изучением терминоворочества в узбекском и таджикском языках, с исследованием функциональной семантики в терминах производства и с составлением (совместно с Н. А. Баскаковым) первого в стране «Уйгурско-русского словаря» (М., 1936). Параллельно велась работа над учебником современного уйгурского языка и над «Грамматикой уйгурского языка» (М., 1940). В связи с этой работой В. М. Насилов обратился к малоисследованным и спорным грамматическим проблемам не только уйгуроведения, но и тюркского языкознания в целом. В частности, в статье «К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках» (1947), в отличие от своих предшественников, которые в пору забвения грамматико-семантической семантики искали в тюркских языках лишь эквиваленты русских видов, В. М. Насилов видит свою задачу в том, чтобы раскрыть своеобразие тюркских видовых конструкций. Ученый проводит тонкую дифференциацию «синтаксических сочетаний основного глагола с „модальными“, „вспомогательными“ глаголами», вполне понимая, что выражение видовых значений в тюрк-

ских языках еще, по-видимому, не достигло уровня грамматической абстракции.

Особое место в научном творчестве В. М. Насилова занимала синтаксическая тематика. Им была задумана большая работа «Синтаксис уйгурского языка». Интерес к синтаксису отразился также в его лингвистических работах. В своей рецензии на книгу В. М. Насилова «Язык орхон-енисейских памятников» Дж. Р. Крюгер особо отмечал, что в ней содержатся также «заметки по синтаксису, который редко получает должное освещение даже и в больших трудах»¹.

В заключение Г. Ф. Благова сказала, что ряд статей В. М. Насилова, не утративших актуальности и в настоящее время, был напечатан в малотиражных изданиях, ныне малодоступных, и поэтому было бы желательно, чтобы журнал «Советская тюркология» перепечатал хотя бы одну из них, например «Аффиксы включения».

Д. М. Насилов (Ленинград) в докладе «В. М. Насилов и изучение языка средневековых тюркских памятников письменности», проанализировав монографии ученого «Язык орхон-енисейских памятников» (М., 1960), «Древнеуйгурский язык» (М., 1963), «Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма» (М., 1972), охватывающие историю тюркских языков на протяжении почти девяти веков (VII—XVI вв.), остановился на тех грамматических аспектах, которые не утратили своего значения для современной тюркологии. Именно здесь были выдвинуты В. М. Насиловым основные положения о развитии грамматического строя тюркских языков. Ученым подчеркивается прежде всего историчность становления частей речи в тюркских языках, их диалектическая связанность. Он раскрывает процесс постепенной морфологизации (формализации) субстантивно-адъективных категорий в рамках именных частей речи. Субстантивно-адъективные категории характеризуются большой грамматической подвижностью и взаимопроницаемостью; вместе с тем в течение девяти столетий происходит их формально-грамматическое дистанцирование (это наблюдается например, в развитии изафетных словосочетаний). В. М. Насилов уделял внимание также становлению служебных частей речи (послелогов и служебных имен), показывая на конкретном материале тенденцию их изоляции от именных и глагольных категорий, преодоление значительной аморфности в функциональном использовании служебных слов. Им подчеркивалась историческая роль синтаксиса как в разграничении частей речи, так и в закреплении их морфологических характеристик.

Работы В. М. Насилова характеризовались неизменным интересом к языковой семантике форм.

¹ См.: «Journal of the American Oriental Society», 1961, vol. 81, № 4, стр. 446.

В названных выше работах ученого содержится углубленное описание глагольных категорий языка тюркских средневековых памятников. Сопоставляя выражение предикативности именными и глагольными категориями, В. М. Насилов различает между ними видит не в характере выражения предикативности как таковой, а в сущности лексико-семантического содержания имени и глагола. Только глагол может отразить модальный аспект действия, связанный с грамматическим временем. В качестве компенсации этих свойств, отсутствующих у имени, в именном сказуемом может появляться глагол-связка.

Среди глагольных категорий особое внимание В. М. Насилова привлекали глагольные имена: комплексный характер их грамматической семантики, переплетение в них грамматических свойств субстантива, адъектива и глагола. Описывая предикативные функции глагольных имен, ученый делает интересные наблюдения над способами выражения и морфологического оформления субъекта и объекта действия.

В. М. Насиловым прослеживается также преемственность средневековых литературных языков Центральной и Средней Азии, их историческое развитие. В частности, связь с древнеуйгурской литературой,* по мнению ученого, определяется содержание этно-дидактической поэмы «Кутадгу билиг» (XI в.): в ней ярко отражен сплав мусульманской и буддийской культур.

Е. А. Поцелуевский (Москва) в докладе «Аффиксы включения» В. М. Насилова и понятие синтаксической модели» отметил, что грамматическая концепция ученого отличается во многом нестандартным пониманием структуры тюркских языков, не укладывающимся в рамки привычных для науки того времени представлений, хотя им были специально рассмотрены в этом плане лишь отдельные вопросы. Что же касается авторской позиции по многим другим проблемам, то они нашли лишь имплицитное выражение. Докладчик отметил, что многие формулировки «Аффиксов включения» позволяют заключить, что понимание словосочетания (модели, схемы словосочетания) у автора отличалось от традиционного. Начиная с Л. В. Щербы и В. В. Виноградова словосочетание в русском языке — знание толковалось как распространенное слово. Пафос же статьи, в отличие от названного толкования, состоит в том, что В. М. Насилов утверждал самостоятельное языковое существование словосочетания не только в качестве величины, предопределяемой свойствами конкретных слов или их групп, но и в качестве величины, которая нередко сама их предопределяет.

Ф. Д. Ашинин (Москва) в докладе «В. М. Насилов в освещении архивных документов» охарактеризовал ученого как представителя поколения первых советских тюркологов и востоковедов, закладывавших основы советской тюркологии.

Н. Н. Межекова (Абакан) в сообщении

«Охотничья терминология в шорском диалекте хакасского языка» говорила о том, что интерес к данной тематике ей привил В. М. Насилов, подчеркивавший важность собирания отраслевой диалектной лексики в полевых условиях. Н. Н. Межековой собраны названия охотничьего оружия и снаряжения, собак (гончих и лаек), названия промысловых зверей и птиц. Интересны факты табуирования, например, наименований медведя (его называют аршаһ, аршеј, арсүј, арсаһ 'старец, старик'; медведя-самца — örgek aba, ikis aba; медведицу — enis aba; логово медведя — aba uјazu, aba übizi/ibizi). Товарищей по охоте также нельзя называть по именам, к ним обращаются папсү, агүүш 'друг', 'товарищ'. В заключение Н. Н. Межекова привела охотничьи поверья и приметы, а также пословицы и поговорки, связанные с охотой.

Вдова ученого Н. Д. Насилова (г. Пушкино Московской области) рассказала о первых шагах В. М. Насилова на поприще востоковедения. Своими переводами из восточной поэзии (фрагменты из поэмы Низами «Хосров и Ширин») он обратил на себя внимание Б. В. Миллера. Став при содействии последнего внештатным сотрудником Научно-исследовательского института народов Востока при ЦИК СССР, он осуществил экспедицию в Узбекистан (ферганские, маргеланские, бухарские кишлаки, 1926 г.), во время которой им была собрана узбекская терминология ткацкого ремесла. По материалам этой экспедиции В. М. Насилов выпустил краткий словарь терминов ткачества (для служебного пользования). В 1928 году В. М. Насилов принял участие в международной лингвострографической экспедиции в Таджикистан, которую возглавил шведский этнограф Лассин.

Научные интересы ученого, сказала Н. Д. Насилова, отличались разносторонностью. Он был увлечен педагогической деятельностью и вырастил много способных учеников, ныне работающих в Москве, Ленинграде, тюркоязычных республиках. В. М. Насилов увлекался цветоводством и заложил несколько садов в городах Подмосковья и Зарайске. Следствием увлечения музыкой явилось создание библиотеки классической музыки, состоящей из книг, пластинок и магнитофонных записей. Коллекция кантат И.-С. Баха (насчитывает сто из двухсот известных) после его смерти была принесена Н. Д. Насиловой в дар Ереванской государственной консерватории. Другими увлечениями В. М. Насилова были живопись и цветная фотография.

Воспоминаниями о В. М. Насилове, ученом и человеке, поделились его коллеги и ученики — Л. А. Покровская (Ленинград), А. А. Ковшова (Москва), Р. Ф. Тарасенко (Москва), Л. Г. Офросимова-Серова (Москва), К. М. Мусаев (Москва), Л. С. Левичка (Москва), А. А. Дарбеева (Москва), Д. М. Насилов, Н. Н. Межекова, Ф. Д. Ашинин, Г. Ф. Благова.

Много было сказано о верном друге В. М. Насилова — Нине Дмитриевне Насиловой, которую ученый называл первым читателем и первым редактором своих работ.

Э. Р. Тенишев, заключая заседание, сказал, что творческое наследие оригинального и крупного ученого В. М. Насилова, не столь большое по объему, однако емкое по своим лингвистическим идеям, получило

дальнейшее развитие в трудах его коллег и многочисленных учеников.

Учитывая научное значение наследия ученого, Э. Р. Тенишев предложил обратиться в Советский комитет тюркологов с просьбой содействовать изданию сборника избранных работ В. М. Насилова.

Г. Ф. Данько

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Г. К. Кулиев (Баку). Лексико-семантическое развитие глаголов мышления в тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Н. А. Баскаков (Москва). О тюркских лексических заимствованиях в русском языке 13
 Г. Ф. Благова (Москва). Взаимодействие языковых уровней 21
 Ш. Ч. Сат (Кызыл). Взаимодействие тувинского и алтайского языков на смежной территории их распространения 25
 М. Р. Федотов (Чебоксары). Работы З. Гомбоа о болгарско-тюркских заимствованиях в венгерском языке 29

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Г. Бердибаев (Алма-Ата). Проблемы казахского литературоведения 39
 Р. Арзибеков (Самарканд). Скрыто-символические формы лирической поэзии 44

ОНОМАСТИКА

- О. Т. Молчанова (Ярославль). Морфологические характеристики тюркских географических имен Горно-Алтайской автономной области (II) 52

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. Ф. Чернов (Чебоксары). К определению фразеологизма 62

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- М. А. Бородина (Ленинград). Проблема лингвистического пространства в связи с изучением диалектов и их атласированием 74
 Д. М. Насилов (Ленинград), Б. Х. Ризаев (Самарканд). Фаза прекращения процесса в узбекском языке 79
 А. Аблаков (Алма-Ата). Некоторые вопросы именного управления в казахском языке 92

РЕЦЕНЗИИ

- Е. Дауенов (Нукус). «Қарақалпақ тилинің түсіндірме сөзлігі» 97
 Л. П. Сергеев (Чебоксары). М. Ф. Чернов. Чăвашла-вырăсла фразеологи словарё 96

<i>M. Adilov</i> (Baku). <i>H. Mamatov</i> . <i>Ўзбек тилида қўшма сўзлар</i>	100
<i>X. G. Nigmatov</i> (Bukhara). <i>G. Abduraxmonov</i> , <i>A. Rustomov</i> . <i>Қадимги туркий тил</i>	103

ХРОНИКА

<i>G. B.</i> (Moscow). <i>Памяти Владимира Михайловича Насилова</i>	106
---	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>G. K. Kuliyeu</i> (Baku). <i>Lexic-semantic development of verbs of thought in Turkic</i>	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). <i>On Turkic lexical loan-words in Russian</i>	13
<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). <i>Interaction of the levels of language</i>	21
<i>Sh. Ch. Sat</i> (Kyzyl). <i>Interaction of the Touvinian and Altay languages on adjacent territory of their spreading</i>	25
<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksari). <i>Works of Z. Gombotz on the Bolgar-Turkic loan-words in the Hungarian language</i>	29

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>R. Berdibayev</i> (Alma-Ata). <i>Problems of Kazakh literary critics</i>	39
<i>R. Arzibekov</i> (Samarkand). <i>Covert syncretic forms of lyric poetry</i>	44

ONOMASTICS

<i>O. T. Molchanova</i> (Yaroslavl). <i>Morphological characteristics of the Turkic geographical terms of the Altay Mountainous Autonomous region (II)</i>	52
--	----

DISCUSSIONS

<i>M. F. Chernov</i> (Cheboksari). <i>Towards the determination of phraseologism</i>	62
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>M. A. Borodina</i> (Leningrad). <i>Problem of linguistic space in relation with dialects studying and its atlasing</i>	74
<i>D. M. Nasilov</i> (Leningrad), <i>B. Kh. Rizayev</i> (Samarkand). <i>Phase of process ceasing in Uzbek</i>	79
<i>A. Ablakov</i> (Alma-Ata). <i>Some questions of nominal government in Kazakh</i>	92

REVIEWS

<i>E. Dauenov</i> (Nukus). <i>«Қарақалпақ тилинің түсиндирме сөзлиги»</i>	97
<i>L. P. Sergeev</i> (Cheboksari). <i>М. Ф. Чернов. Чăвашла-вырăсла фразеологи словарё</i>	98
<i>M. Adilov</i> (Baku). <i>H. Mamatov. Ўзбек тилида қўшма сўзлар</i>	100
<i>Kh. G. Nigmatov</i> (Bukhara). <i>G. Abduraxmonov, A. Rustomov. Қадимги туркий тил</i>	103

CHRONICLE

<i>G. B.</i> (Moscow). <i>In memory of V. M. Nasilov</i>	105
--	-----

**О Т К Р Ы Т А
П О Д П И С К А
Н А Ж У Р Н А Л**

**«С О В Е Т С К А Я
Т Ю Р К О Л О Г И Я»**

Н А 1984 г о д

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ:

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ СТАТЬИ ШИРОКОГО НАУЧНОГО ПРОФИЛЯ ПО ЯЗЫКАМ И ЛИТЕРАТУРАМ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ;

СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, ЯЗЫКОВЫМ СВЯЗЯМ, ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ;

РЕЦЕНЗИИ НА ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ОБЗОРЫ, БИБЛИОГРАФИИ, ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И Т. Д.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

НА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ, СТУДЕНТОВ И ВСЕХ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ВОПРОСАМИ ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 раз в год.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД — 6 руб. 60 коп.

Подписка принимается:

ОРГАНАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ», ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ, ПОЧТАМТАМИ.

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 70927.

В РОЗНИЦУ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ.

© «Советская тюркология» 1983 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 20.6.83 г. Подписано к печати 24.8.83 г. ФГ 29009. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 3531. Тираж 3230. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 329 квартал.

1 р. 10 к.

6-мар 138

ISSN 0131-677X

Индекс
70927